

С. Семанов

Сердце Родины

С. Семанов

Сердце Родины

(Литературно-критические
статьи и очерки)

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1977

Семанов С. Н.

С 30 Сердце Родины. Литературно-критические статьи и очерки. М., - «Моск. рабочий», 1977.

200 с.

Книга С. Семанова состоит из статей и очерков, посвященных мастерам культуры прошлого и нашим современникам, проблемам развития советской культуры, становлению морального облика советского человека нашей эпохи.

С $\frac{70202-285}{M172(03)-77}$ 206-77

8P2

© Издательство «Московский рабочий», 1977 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Патриотизм — неотъемлемое чувство советского гражданина. Оно естественно и органично, как дыхание для здорового человека. Оно, патриотическое чувство, вело людей на великие подвиги и беспримерные самопожертвования. Эти свершения воспеты в народных преданиях, идущих из глубины веков.

Любовь к своему отечеству, к Родине, родному краю — одно из древнейших душевных свойств человека, всего человечества в целом. Конечно, понятие это исторически изменчиво, оно зависит от классовых, социальных, политических и иных особенностей того или иного конкретного общества.

Высшим проявлением патриотического чувства является патриотизм советский. Великий Октябрь открыл новую эпоху в истории человечества — эта мысль столь хорошо нам знакома, что приводит порой к пассивному ее восприятию. Но уместно напомнить, что только после победы нашей великой революции впервые за всю историю возникло общество, не знающее деления на богатых и бедных, знатных и незнатных, не ведающее сословных, кастовых и расовых перегородок. Свергнута власть золотого тельца — тысячелетнего идола тех, кто стремился возвыситься над миром, чтобы пасти народы жезлом железным. Вместо двух антагонистических культур создается единая общенародная культура.

«Мы оборонцы теперь, с 25 октября», — писал с присущей ему простотой и точностью В. И. Ленин, и писал вскоре после победы нашей революции. Да, весь

советский народ: люди разных наций, возрастов, разного образования и социального положения — все они безусловные и бескорыстные оборонцы, верные защитники своего самого справедливого на земле отечества.

И это мы доказали всему миру в первой половине сороковых годов нашего века.

Чувство любви к Родине издревле есть одно из сильнейших проявлений человеческой души. «Два чувства равно близки нам, в них обретает сердце пищу: любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» — в этих замечательных пушкинских словах выражена двуединая суть патриотизма: признательность нынешнему, сегодняшнему отечеству, то есть родному очагу, крову, дому, и благодарная память о предках, об ушедших поколениях, отцах и прадедах...

Образное, глубокое, как всегда у Пушкина, выражение мысли: не может быть патриотического чувства, лишенного исторического корня, направленного только на сиюминутное, быстротекущее; точно так же сделается оскорбленной любовь к отечеству, если оно, отечество, воспринимается только как музейный раритет. Истинный патриот, строя и обороняя свою Родину, любит ее сыновней привязанностью и одновременно ощущает себя внуком и правнуком тех, чьим духовным наследством он пользуется и которое, приумножив его и обогатив, оставит потомкам.

Коммунистическая партия и Советское правительство считают воспитание патриотического чувства в советских гражданах важнейшей идеологической задачей. На Западе раздаются разного рода «голоса», которые вкрадливо, или развязно, или на «ученом» жаргоне — смотря по обстоятельствам и аудитории — пытаются утверждать, что любовь к родине есть устарелый инстинкт в наш век конвергенции, интеграции, сублимации и т. д. Античеловеческая природа международного капитала осталась точно такой же, какой она была при Марксе и Ленине, беспощадно разоблачивших эту природу. Мировая плутократия, сосредоточив в своих руках основные богатства, созданные трудовым народом, нанимает себе «интеллектуальных» лакеев, которые обязаны разлагать и размывать все, что сохраняет классовое, социальное и нацио-

нальное самосознание и веру в светлые идеалы социализма.

Советское государство, наша родная Советская власть вызывают у международного капитала особую яростную злобу. Оно понятно. Наша страна, где навсегда рухнула власть денежного мешка, сегодня является оплотом всего положительного в мире, опорой и надеждой всех тружеников на Земле. Патриотизм советских людей, их преданность идеалам социализма — вот основа нашей государственной устойчивости. Враги понимают, что крепость Советского государства есть оплот мирового освободительного движения. Понимают и пытаются его разрушить. Вооруженной рукой не удалось. И не удастся, как это ясно теперь всем. Мощь советской державы слишком уж очевидна. Значит, надо попытаться вызвать процесс разложения, распада духовных ценностей нашего народа.

Пытаются... Вот почему воспитание советского патриотизма, любви к социалистической Родине является государственной задачей, священным долгом нашей народной интеллигенции.

Известна роль литературы в деле патриотического воспитания советского народа. Достаточно назвать тут громкие имена Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Всеволода Вишневского, Михаила Исаковского, Леонида Соболева... Велик вклад нашей литературы в это важнейшее государственное дело.

В Отчетном докладе XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма было и остается одной из важнейших задач партии». Делегаты съезда встретили эти слова аплодисментами.

Советские литераторы всегда были верными помощниками партии. За последние годы сделано действительно немало, появились новые романы, кинофильмы, публицистические произведения и критические статьи, в которых остро, с партийных позиций проводилась идея советского патриотизма, давался резкий отпор всяким ревизионистским отголоскам.

Нет и не может быть истинной любви к Родине, если любовь эта лишена временной протяженности, исторической памяти. А память народа — это его история. Советская мораль не признает «искусства для искусства», в равной мере отрицает она и изучение истории ради самого этого изучения. Наша любовь к лучшим страницам народного прошлого носит активный, действенный характер. Мы сохраняем в памяти все лучшее, все благородное и талантливое, что создал наш народ и все народы Земли.

Прошлое и настоящее неразрывны, когда они объединены высоким положительным идеалом.

* * *

В настоящей книге собраны статьи, публиковавшиеся в последние пять-шесть лет. Они посвящены теме защиты своего отечества, преемственности поколений в ратном и трудовом деле, верности революционным и трудовым традициям. В них говорится о высоких патриотических и моральных идеалах русской и советской литературы, творцы которой всегда были плоть от плоти своего народа, о борьбе с буржуазной, ревизионистской и декадентской идеологией, борьбе, которую вело в прошлом передовое русское искусство, а сегодня достойно продолжает советская народная интеллигенция.

Подвиг НАРОДА

СЕРДЦЕ РОДИНЫ

Вот уже шесть столетий Москва — столица нашего государства. Здесь бьется сердце нашей Родины. Живое, горячее, дышащее сердце, что дает силу и вечное здоровье великой державе.

Москва была сердцем страны даже тогда, в те стародавние, смутные времена, когда в Твери или в Рязани еще правили самовластные князья, когда своевольно гудел вечевой колокол в Новгороде Великом. Она оставалась сердцем России и в те лихие годы, когда орды свирепых кочевников дочерна выжигали московские посады.

Сердце России...

Москва, именно она подарила Родине и миру многих знаменитых сынов России. Здесь родились Пушкин и Суворов — солнце нашей поэзии и ярчайшая звезда на небосводе нашей воинской славы.

Замечательно показал значение Москвы для роста и мужания пушкинского гения Всеволод Никанорович Иванов в своей книге «Александр Пушкин и его время». Писатель поставил себе необычайно смелую задачу — показать нам внутренний мир величайшего поэта, его развитие, становление, гениальную зрелость. Поставил и — разрешил. Он создал цельный, полномерный образ Пушкина — Пушкина живого, а не мумифицированного, который дышит, двигается, смеется, любит, страдает, гневается, — мы это видим, слышим, чувствуем. Достойный пример нашим нынешним пушкинистам!

Вс. Н. Иванов не путается в подробностях, реши-

тельно отмечает шлак фактографической буквализтики. Он не теряет в фокусе своего повествования образ самого поэта, показывая читателю движение пушкинского таланта. Идея автора ясна, и она верна: Пушкин шел к своему народу, отбрасывая и преодолевая чуждые влияния — и в социальном, и в эстетическом смысле.

Вот центральная мысль Вс. Н. Иванова, как он формулирует ее сам: «Пушкин неуклонно идет к русскому народу — через свою ссылку, через Псков и Михайловское, через Москву, идет из раззолоченного екатерининского дворца, идет через Марьину рощу, через Кавказ и Турецкую войну, через гончаровский купеческий дом, через пасхальный Кремль, через Болдино...»

Марьина роща, Московский Кремль, дом Гончаровых на Большой Никитской — все это названо не зря. Здесь, в этой, если можно так выразиться, «классической» Москве, душа Пушкина породнилась с древней русской столицей.

Москва сыграла в созревании поэта огромную роль. По словам биографа, Пушкин «погружается» в Москву — «глубоко традиционную, дышащую нигде не писанной историей, в Москву простоватую, но мудрую — себе на уме, в Москву скрытную, но упорную, почти незаметную в литературе и в то же время имеющую неожиданно широкий охват».

В книге Вс. Н. Иванова это «погружение» Пушкина в «классическую» московскую жизнь показано точно и глубоко. Широкий охват этой «традиционной» Москвы оказал на поэта сильное и благотворное влияние.

На московских холмах родилось великое множество великих сынов нашего народа: Грибоедов и Лермонтов, Глинка и Карамзин, Петр Великий и Чайковский и многие, многие иные. Богата наша держава одаренными людьми, но в Москве словно климат особый.

Или вот еще один коренной москвич — великий Суворов.

«На берегу Яузы, против потешной крепости Прессбург, заложил Петр Преображенскую и Семеновскую слободы для первых гвардейских полков. В 1689 году в Преображенской слободе был срублен

Съезжий двор (впоследствии названный Генеральным) — место управления регулярной русской армией. Указ Петра от 8 ноября 1699 года предлагал тем, «кто хочет поступить на службу, явиться в Преображенское в солдатскую избу...». Указ был подписан генеральным писарем Преображенского полка Иваном Суворовым. Молодой царь не раз запросто бывал в его доме, что в Преображенском, и самолично крестил его сына Василия».

Так нам представляет деда и отца будущего генералиссимуса писатель Олег Михайлов. В коренной московской семье родился Александр Васильевич Суворов. Изустные народные предания о грозной славе прошлых веков были столь же распространены в той среде, где он рос, и столь же популярны, как нынешние газеты, а летописи или переложения их читались тогда в каждой грамотной русской семье, а в московской особенно.

Башни Кремля, заложенные еще Иваном III, пушечный салют со стен Китай-города и бас колоколов Ивана Великого при известии о новых победах, семейная память о Петре — великом преобразователе России, устойчивый, строгий и традиционный быт — вот та почва, на которую упало зерно суворовского гения.

И когда восемнадцатилетний капрал лейб-гвардии Семеновского полка Александр Суворов покидал Москву, направляясь в северную столицу, это был уже сложившийся характер с твердыми нравственными устоями, сын и солдат своего отечества, ясно чувствовавший свой жизненный долг и назначение.

Если Москва — это сердце Родины, то Московский Кремль — нервный центр столицы. Москва — это памятник нашей истории. Кремль — сгусток народной памяти. Красная площадь помнит Ивана Калиту и Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, Пушкина и Глинку, Жукова и Гагарина, помнит великого Ленина. Московскому Кремлю посвящены стихи и песни, пьесы и кинофильмы.

«Москва — всем городам голова», — вспоминает старую поговорку писатель Евгений Осетров, начиная книгу «Твой Кремль». Книга эта специально ориентирована на юного читателя — и текст и оформление. Тема избрана крупная, масштабная, серьезная: ведь

прошлое Московского Кремля есть в сущности история становления Российского государства, история нашей Советской страны. Ни много ни мало. Прямо скажем, что очень полезно вести с юным читателем разговор на столь ключевые, принципиальные темы.

Это вовсе не историческая повесть. Строго говоря, Кремль и подобные ему места нельзя называть памятниками в узком смысле слова — они живут в героических буднях страны и сегодня. В этом сочетании прошлого и настоящего, в органической связи нынешней советской действительности с лучшими традициями прошлого важное достоинство книги. Перед нами не холодный туристский путеводитель, а рассказ современника современникам, где накрепко связано прошлое и настоящее. Тон избран достойный — сдержанный, без сюсюканья, которое порой так неприятно раздражает при чтении книг для детей на серьезную тему.

Евгений Осетров ведет свой рассказ целенаправленно и неспешно. Что ж, такой и была история города, им описываемая. Ведь каждая башня Кремля — это целая глава в истории нашего государства, и в книге рассказано о каждой из башен.

Значение Москвы как центра нашего государства не имеет себе подобного в мире. В самом деле, существует не так уж мало стран, где столица лишь официальная резиденция властей, и только.

Когда в полночь вся наша бескрайняя страна слушает бой часов Спасской башни, этот привычный для каждого гражданина обряд имеет глубокий государственный смысл: то пульс сердца нашей державы, его каждодневно ощущаемый ритм. Так было, так будет. В непреложности ударов кремлевских курантов есть символ вечности и незаблемости нашего государства.

Живой голос прошлого — это очень важно для всякого исторического произведения, а тем более для юношеской книжки. Е. Осетров не просто информирует нас о том, как отливались колокола или возводились соборы, нет, читатель сможет увидеть мастеровых в испачканных фартуках, он услышит тяжелый гул расплавленного металла, заполняющего глиняную форму. Конкретность изображения — сильнейшая сторона книги.

Очень хорошо помогает писателю художник А. М. Васнецов. Поразительна все-таки сила реалистического искусства! Вот мы видим репродукции с картин «Основание Москвы» или «Площадь Ивана Великого в Кремле». Кустодиевская сочность и пестрота красок сочетаются здесь с нестеровским лиризмом. Бледно-голубое московское небо, сероватый городской снег на куполах храмов, яркие, цветастые одежды москвичей — все это слагается в чудную гармонию линий и красок, наш глаз любит и наслаждается этой гармонией, ибо перед нами истинно высокая живопись.

С другой стороны, все «так и было», то есть именно такие одежды носили при Иване Калите, а такие вот — при Дмитрии Донском, в таких именно рубахах и такими именно топорами работали строители времен Юрия Долгорукого. Ныне порой заносчиво утверждают: к чему реальность, если я изображаю лишь то, что сам вижу, что воспринимаю? Васнецов ничего не отрицал и не «утверждал», он относился к своему делу серьезно — вот главное; он понимал, что помимо таланта и вдохновения нужны еще и знание и уважение к изображаемому предмету. И тогда получится истинная живопись, пригодная для любого полезного применения.

Сочетание обстоятельного (и занимательного в то же время) рассказа с репродукциями классических произведений живописи, современной публицистики — с прекрасно выполненными фотографиями — все это создает замечательный образ Кремля, образ Москвы, которая, как метко сказал наш народ, действительно «всем городам голова».

Тема Москвы как сердца Родины неизбежно и органично возникает всегда, когда речь заходит о государственных судьбах России — неважно, идет ли речь о давней или не очень давней истории. Здесь от всякого автора требуется, так сказать, абсолютный исторический слух.

Образ Москвы — это как бы стрелка на весах исторической справедливости России.

Исторические романы о Москве или о роли Москвы в судьбе отечества не слишком-то часты в нашей современной литературе, и это огорчительно. Однако

не может не радовать, что как раз в последние годы появилось много научных, научно-популярных и прочих серьезных книг на эту тему — мемуаров, дневников, исторических исследований. Разобраться в них, дать им общую и относительную оценку — дело будущего. Сегодня следует лишь отметить тот факт, что наши издательства учитывают растущий читательский интерес ко всему подлинному, в том числе и к невыдуманной, небеллетризованной истории.

Разумеется, одно не может и не должно заменять другого. Романизованная и хроникально-документальная подача материала (даже на одну общую тему) есть принципиально разные явления, это понятно. Однако находится нечто общее в том и в другом жанре, и оно, это общее, весьма существенно, принципиально.

Речь идет об историзме. О верности не только букве истории, но и — главное — глубинной причинной связи исторического процесса. В этом смысле требования везде одинаковы: идет ли речь о художественном или документальном произведении, о сюжете на темы прошлого или настоящего.

Уже давно наблюдается у нас устойчивый читательский интерес к серьезной литературе на исторические темы. Трудно сказать, что предпочтет нынешний читатель — повесть на сюжет прошлого, или мемуары, или документальный очерк, или даже исследование историка. В нашей литературе уже вполне сложился жанр, который определяется как научно-популярный. В основу здесь кладется добротный фактический материал, но подается он несколько облегченно по сравнению с научной монографией, порой даже беллетризуется. Просветительная польза такого рода литературы несомненна.

...Книга «Живые голоса истории» — это путешествие по десяти векам отечественного прошлого. Авторы ее — А. Сахаров и С. Троицкий — не торопятся листать страницы старой и новой летописи. Что ж, это правильно: в наше скоростное время особенно полезно задержать взгляд на некоторых важных подробностях — яснее станет целое, общее, крупное.

Исторический герб города Москвы изображает всадника с копьём в руке. Копье поражает змея —

символ зла и коварства. Московский всадник не зря держал в руках оружие...

Перелистаем страницы этой интересной, своеобразно построенной книги.

Тревожные заставы Московского государства проходили когда-то совсем рядом от столицы, по-нынешнему — чуть ли не в дачных местах: за Коломной, за Каширой... Страшные, опустошительные набеги крымских татар, как смерч, как самум, обрушивались на нашу землю. На тысячу верст протянулась боевая эта граница. Авторы не спешат пробежаться по векам и верстам, они показывают нам крупным планом пограничный лес. А в его чаще ловушки, засеки, тайные тропы, завалы, частоколы... О, нелегко проскочить тут степному коню, в этой лесной тени!

К Москве рвутся кочевники-грабители, к золоченым ее куполам. Кипят сечи под Каширой, под Серпуховом и Зарайском...

Следующая страница. Крепнет Москва, растет Московское государство. И вот — первое великое посольство в далекую-далекую страну. Четыреста лет назад двинулись послы Ивана Грозного в Англию к королеве Елизавете. Авторы точны во всех деталях: «Первую остановку сделали в патриаршем селе Пушкино. Пристав предъявил патриаршему приказчику царскую грамоту, где было написано, что на всем пути посольству всем холопам государским — и посадским людям, и крестьянам — во всем помогать и обеспечивать его лошадьми и кормом. Тут же с крестьян собрали кур, яйца, а квас, хлеб и мед у приказчика были в запасе. Пообедали и легли отдохнуть. После полудня посольство двинулось дальше и к вечеру следующего дня благополучно добралось до Троице-Сергиева монастыря. Там предстояло переночевать.

Наутро по холодку посольство снова отправилось в путь. Вторая ночевка была в Переславле-Залесском».

Так вот ездило спешное, важнейшее царское посольство в XVI веке. Двое суток — до Переславля-Залесского!..

Медленными, неспешными шагами возвышалась Москва. Медленно, зато уж верно.

Листаем интересную книгу далее. Вот уже основал крестьянский сын Михайло Ломоносов в Москве первый русский университет. Век просвещения — наследие Петра. Полезно иногда оглянуться, вспомнить. Например, петровское поучение молодежи — «Юности честное зерцало»: «Отрок должен быть весьма учтив и вежлив как в словах, так и в делах: на руку не дерзок и не драчлив, также имеет оной встретившегося на три шага, не дошед и шляпу приятным образом сняв, а не мимо прошедши, назад оглядываясь, поздравлять, ибо вежливу быть на словах, а шляпу держать в руках неудобно, а похвалы достойно и лучше, когда про кого говорят: он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец, нежели когда скажут про которого: он есть спесивый болван».

Что ж, неплохо бы и иным нынешним молодым москвичам тоже...

Листаем еще. Сотрясает классовая борьба Московское царство, Российскую империю. Красная площадь не раз обгащается кровью восставшего народа. Но ближе, ближе Октябрь. И вот опять «крупный план» истории: тихая Лесная улица, что была когда-то, уже недавно, на окраине Москвы, а теперь осталась тоже тихой, но уж в самом ее центре. 1905 год. Большевицкая подпольная типография. Уже тогда, на заре века, Москва становится центром революционного движения в стране.

И стала! В стране и в мире.

Следующая страница книги — другой известный московский адрес: Малая Дмитровка — ныне улица Чехова, Театр Ленинского комсомола. Здесь-то и сказал Ленин исторические слова о культуре прошлого, об усвоении вершинных достижений ее как о необходимейшем свойстве всякого коммуниста.

Сказал перед собранием юности страны, на III съезде комсомола. Здесь, в центре столицы, в центре советской державы, услышало впервые человечество слова о бессмертии и вечности народной культуры. Культуры трудового народа.

В наше время добротная научно-популярная литература безжалостно вытесняет водянистую беллетристику. Пусть, если в век стремительного роста положительных знаний беллетристика порой не поспевает за

духовным ростом людей. Интересно, живо написанные книги профессиональных ученых — естественников, техников, тем более гуманитариев всех специальностей — получают все большую читательскую популярность.

Удачным поводом для конкретного разговора о литературе такого рода является ряд небольших книжек, объединенных в общую серию «Герои Отечественной войны 1812 года»¹.

Если бы для этой серии выбирался эпиграф, то он мог бы стать только таким: «Ребята, не Москва ль за нами, умремте ж под Москвой...» Да, так, ибо битва под Москвой стала высшей точкой в жизни всех ее участников, известных и неизвестных. Решающие деяния своей жизни Багратион, Раевский, Фигнер и Сеславин совершили здесь, на холмистой московской равнине.

В сущности, к этой мысли и подводят нас авторы биографических брошюр, хотя никто из них и не формулирует этот вывод напрямую. Тем не менее дело обстоит именно так: герои названной серии защищали сердце Родины — Москву.

Захватчик тоже понимал, куда он целит. Известны напыщенные слова Наполеона, сказанные им незадолго до начала Отечественной войны: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце».

Да, Россия всегда была бельмом на глазу захватчиков, бредивших о мировом господстве, о сотворении всемирных космополитических империй. Наполеон планировал: «Нам нужно единое европейское законодательство, единая кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы. Из всех народов Европы я должен сделать единый народ, а из Парижа столицу мира».

Итак, народы должны были исчезнуть, перемешав-

¹ См.: *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года; *Кочетков А. Н.* И. Б. Барклай де Толли; *Ростунов И. И.* П. И. Багратион; *Бескровный Л. Г.* Бородинское сражение; *Володин П. М.* Партизан Александр Фигнер; *Почко Н.* Генерал Раевский; *Крайванова И. Я.* Генерал А. И. Остерман-Толстой; *Хатаевич Н. Л.* Партизан А. Н. Сеславин. М., «Московский рабочий», 1968—1973.

шись в некую глину, из коей надлежало создать космополитическую пирамиду с вершиной в Париже. О подобной же самовластной пирамиде мечтали честолюбцы и до и после Наполеона, только вершиной ее планировали Карокорум, или Берлин, или иные какие города, но всегда на пути их вставала Россия. Наполеон высчитывал: «Через пять лет я буду господином мира; останется одна Россия, но я разобью ее».

Эпопея 1812 года была не просто крупной военной кампанией — решалось дело сохранения независимости нашей Родины, сбережения ее цельности и единства. Война эта справедливо получила название Отечественной. Наполеон желал поставить Россию в то положение, «в котором она находилась до славного... царствования Петра Великого,— одним словом, превратить ее в чисто азиатскую державу, лишив ее того положения одной из первых держав, которое она сейчас занимает».

Вот так: «превратить в чисто азиатскую державу», не больше и не меньше.

Перечисленные восемь брошюр посвящены теме, которая имеет (и всегда будет иметь!) устойчивый читательский интерес. Книги серии издавались большими тиражами и расходились превосходно. Все они написаны приблизительно в одном ключе: перед нами типичная «популярная» историческая литература для массового читателя. Представляется, что серия дает хороший повод, чтобы поговорить о достоинствах и недостатках такого рода жанра. Тут любой читатель, даже впервые столкнувшийся с темой, получает четкое и достоверное представление о войне двенадцатого года, причем оно, это представление, будет опираться на самые последние достижения нашей исторической науки.

Слово «достоверное» следовало бы выше подчеркнуть. Ведь нередко попадаются образцы той второсортной, разжиженной беллетристики, все эти поделки на исторические сюжеты, где подлинная реальность подменяется приблизительными описаниями и устоявшимися литературными штампами.

Подлинный фактический материал — это всегда ценно, а сейчас подобную ценность следовало бы особенно отметить. Уж слишком велика случается

порой инфляция реального содержания в беллетристике.

Сильнейшим противоядием для такого рода инфляции и гримировки исторической реальности есть познание этой самой реальности. И в этом смысле достоинства названных брошюр поистине неоценимы.

В серии о героях Отечественной войны дана весьма широкая историческая картина, она далеко выходит за хронологические рамки событий собственно 1812 года: тут отражен ратный путь России от суворовских войн и вплоть до 30-х годов XIX века. Излагать интересный материал, собранный авторами, нет никакого смысла — достаточно лишь отослать заинтересованного читателя к источнику.

Правильно полагают, что недостатки часто есть продолжение достоинств. В данном случае «продолжением» богатой фактической оснащенности рецензируемых книжек является основной их недостаток: фактографичность. Авторы словно боятся оторваться от документа, не решаются рассмотреть изображаемое свободно, с разных сторон, порой избегают противоречивых оценок и суждений.

Покажем это на примере известного конфликта Багратиона и Барклая в начальный период войны — история драматическая, не раз привлекавшая к себе внимание самых различных толкователей, в том числе и таких выдающихся, как Пушкин. Напомним ситуацию. Русская армия отступает. Отступает достойно, нанося чувствительные удары врагу. Солдаты и офицеры жаждут сражаться, рвутся в бой, моральный дух войска исключительно высок. Однако силы русских уступают неприятельским, они распылены, и Наполеон, зная это, соответственно построил свой стратегический план: разбить 1-ю и 2-ю наши армии порознь. Барклай, как главнокомандующий, с железной настойчивостью отводит войска на восток. Наконец в Смоленске происходит соединение обеих армий, первоначальный план французского императора рухнул. Успех? Несомненно! Но какой дорогой ценой заплатил за него Барклай!

Армия роптала, отступая. Недовольство становилось едва ли не всеобщим, многие солдаты, офицеры, генералы главного виновника отступления видели в

Барклае. Все чаще произносилось страшное слово «предательство», сперва шепотом на ухо, а потом все громче и громче.

Теперь нет большого интереса вспоминать горячность молодых офицеров или интриги Беннигсена и иных наемников, изо всех сил рядившихся в «русских патриотов», — мотивы поведения тут слишком просты и понятны. Но вот послушаем такое: «За что вы срамите Россию и армию? Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Они боятся нас... Нет, мой милый, я служу моему природному государю, а не Бонапарте. Мы проданы, я вижу, нас ведут на гибель; я не могу равнодушно смотреть... Министр сам бежит, а мне приказывают всю Россию защищать».

Это пишет не безусый корнет, не паркетный интриган, нет, это подлинные слова любимейшего ученика Суворова — князя Петра Ивановича Багратиона. Благороднейший воин, неколебимый патриот России, и в блеске славы оставшийся скромным русским солдатом, любимец страны и армии, полководец громадных дарований, — даже он не смог понять тогда стратегической мудрости Барклая. «Я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр — искать и бить!»

Да, каждому свой маневр... В жаркое лето 1812 года «маневр» Барклая был более полезен для России.

Перечитывая документы, приведенные в брошюрах, испытываешь подлинное счастье наблюдать обоих героев двенадцатого года. Вот оба полководца встретились в Смоленске 21 июля. Багратион и Барклай в одинаковом звании, но Багратион в этом звании пребывает дольше, что по тогдашнему уставу дает ему некоторое старшинство, но, с другой стороны, Барклай — военный министр и главнокомандующий. Оба генерала встретились с величайшим достоинством. Происходит быстрый, понятливый разговор. Все личное, эгоистическое отброшено и забыто перед лицом надвигающейся народной беды.

После свидания оба полководца пишут донесения государю.

Барклай: «Отношения мои с князем Багратионом наилучшие. В князе я нашел характер прямой и полный благороднейших чувств патриотизма. Я объяснился с ним относительно положения дел, и мы при-

шли к полному соглашению в отношении мер, которые надлежит принять. Смеею даже заранее заверить, что так доброе единомыслие установилось и мы будем действовать вполне согласно».

Багратион: «Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, требуют всегда единоначалия, а и более в настоящем времени, когда дело идет о спасении Отечества, я ни в какую меру не отклонюсь от точного повиновения тому, кому благоугодно подчинить меня».

Увы, вся эта первоклассная драматургия недостаточно освоена авторами. Они информируют, и только. Читатель должен доделывать в своей фантазии ту работу, на которую не решились авторы. А какой здесь повод для характеристики века, его героев и той среды, откуда герои вышли! Ради этого следовало бы без сожаления поступиться перечисленными сведениями о числе боеприпасов или топографическими подробностями второстепенных сражений.

Авторы брошюр строго и аккуратно следуют за фактами. Порой, однако, эта скрупулезность напоминает движения слепого, идущего за поводырем: как только направляющая рука почему-то исчезает, он останавливается в растерянности, не зная, куда ступить.

Вот пример, столь же характерный, сколь и достойный сожаления. Багратион, как известно, был ранен во время Бородинской битвы, рана оказалась смертельной. Что переживал, что чувствовал, о чем говорил и думал умирающий полководец? На это в брошюре нет даже намека. Сообщается: «Эвакуированный в село Симы Владимирской губернии, он 12 (24) сентября 1812 г. скончался там от полученной раны. Однако в блестящей победе русского народа над армией Наполеона есть его огромная доля. Руководимые им войска...» и т. д.

Да, все было именно так: «скончался от полученных ран», подробности известны смутно и неточно. Да, так. Но ведь есть и предание, будто раненый князь Петр сорвал с себя повязки, узнав об оставлении Москвы. Так это или не так, но предание это и по сей день живо в народной традиции, поэтому всякий автор, пишущий о Багратионе, должен так или иначе

высказаться на этот счет. В конце концов, историческая «легенда», сделавшаяся народным преданием, тоже ведь есть «исторический факт». Народный герой, кем был Петр Иванович Багратион, «должен был» погибнуть именно так, и никак иначе — и разве то не есть лучший памятник народному герою? И нынешний автор, в том числе и такой известный и серьезный историк, как И. И. Ростунов, не должен был просто-напросто обойти такую поистине эпическую тему. Ведь это тоже «история», да еще какая!

Слепое следование за фактами порой очень сужает авторский кругозор, оценки лиц и поступков сплошь и рядом подменяются информацией справочного характера. Однако любое, даже самое скрупулезное перечисление не создаст само по себе подлинной исторической картины, если в этом перечне пропадает «дух истории», ее образ, ее неповторимое своеобразие, которое только и есть настоящий историзм. Сама по себе фактография мертва, инертна, она требует истолкований и объяснений — порой сложных и диалектически противоречивых.

Александр Раевский (сын знаменитого генерала Н. Н. Раевского) как-то запальчиво произнес, что, мол, честь ему дороже присяги... Автор отмечает смелость молодого Раевского (его допрашивали по делу о декабристах) и вроде бы соглашается с его суждением. Здесь, однако, было о чем задуматься. Так ли уж всегда личное (честь) выше общего (присяга)? И разве не слышится в реплике Раевского классический дворянский индивидуализм? И разве для офицера (кем он являлся) присяга не должна бы иметь несколько большее значение? Само собой, что применительно к восприятию сегодняшнего читателя подобные эскапады требуют самого серьезного истолкования. Всякий автор, даже если он пишет на сугубо исторический сюжет, не должен отвлекаться от современного истолкования прошлого.

Фактографичность и некоторая узость авторской позиции есть общий, к сожалению, недостаток многочисленных наших работ на исторические темы. В известной мере присущи они и серии, однако безусловно, что в целом авторы и издатели занимаются исключительно важной просветительской работой, давая

пример другим своим коллегам, которые порой чураются исторических сюжетов в виду их якобы «неактуальности». Между тем вопрос об «актуальности» применительно к событиям двенадцатого года звучит как нонсенс — это все равно, что рассуждать об актуальности или неактуальности темы защиты отечества, темы патриотизма.

...В славном двенадцатом году наши прадеды защищали Россию, сердце Родины — Москву. И они защитили ее, ибо Наполеон захватил только камни, только пустые дома и брошенные лавки. Сердце Родины унесли с собой граждане русской столицы. А все брошенное ими в городе разграбило и в бессильной ярости пожгло космополитическое воинство, приведенное честолюбивым корсиканцем. И пожар этот стал их же погребальным костром. Кутузов призвал: «Потушите кровью неприятельскую пожар Московский! Воины! Потщимся выполнить сие, и Россия будет нами довольна, и прочный мир водворится в неизмеримых ее пределах».

Вот сухая статистическая справка, приведенная в одной из брошюр: в Москве до пожара числилось 9158 домов и 8521 лавка. После пожара уцелело 2626 домов и 1368 лавок... Города не было. Угли и пепел покрыли московские холмы...

У всех горделивых претендентов на мировое господство неуклонно проявлялась эта вот дикая злоба и ненависть к Москве, и это, пожалуй, закономерно: ведь Москва не только столица, но и центр, средоточие Родины. Так же вот жгли ее орды Тохтомыша, грабили и разрушали шляхтичи Речи Посполитой. Гитлер носился с садистской идеей разрушить, а потом затопить Москву, создать на ее месте гигантское озеро...

Однако Москва стоит, растет, украшается. А где могилы Тохтомыша, Лжедмитрия или Гитлера? Прах их развеян по земле. Куда девались солдаты и офицеры «великой армии» Наполеона? Все они, кроме жалкой горстки, полегли в наших просторах. «Погибоше аки обре», — с суровым лаконизмом сказано в древнейшей русской летописи, и сказано по тому же самому поводу.

Когда-то, отвечая зарубежным клеветникам Рос-

сии, Пушкин с гордостью вспоминал, что «на развалинах пылающей Москвы мы не признали наглой воли того, пред кем дрожали вы». Пушкин предупреждал: «Так высылайте к нам, витии, своих озлобленных сынов; есть место им в полях России среди не чуждых им гробов».

Однако присылали... И не раз. Места в полях России нашлось для всех.

Родина выстояла.

Ровно и уверенно бьется сердце ее — Москва. Она стоит, растет и украшается вот уже девяную сотню лет. И да будет так вечно!

СИЛА И ВЕРНОСТЬ

В 1899 году в Москве и в других университетских центрах России произошли бурные выступления студенчества: демократическая молодежь выступала против прогнившего самодержавия, против косной системы народного образования. Выступления эти закончились тем, чем заканчивались и многие другие в прошлом: аресты, тюрьма, скорый суд... Однако в банальной той ситуации случилось одно весьма характерное новшество, которое прочно врезалось в историческую память: арестованным юношам было положено наказание — «отдать в солдаты»...

Для сегодняшнего советского учащегося такое показалось бы до крайности странным. Ведь наш сегодняшний юноша с самого раннего детства усвоил, что служба в Вооруженных Силах — почетный долг, честь. Как должны были измениться социальные условия в нашей стране, чтобы так могла измениться человеческая психология! А ведь изменилась...

Для московских же тех студентов «ссылка в солдаты» была равносильна отправке в арестантские роты. Что ж, такова, к несчастью, была военная система в России той эпохи — эпохи империализма. Впрочем, разве стоит оглядываться за примерами только назад, в прошлое? А сегодня на капиталистическом Западе разве не сжигают призывники свои воинские карточки, не устраивают публичных демонстраций против призыва в армию? Конечно, явление

это сложное и далеко не однозначное. Однако суть ясна: современная армия на Западе — это армия международного капитала.

Современное буржуазное искусство бессильно рекламировать буржуазную «воинскую доблесть», а уж чего другого, но умения рекламировать там не занимать. Характерно, что это бессилие не может быть преодолено даже тогда, когда пропагандистские «сюжеты» выбираются из добротного исторического материала.

Искусство необычайно чутко к своему времени, даже когда на его языке пытаются говорить о прошлом...

В нашей стране сложилось органическое единство между армией и народом — это небывалое, невиданное доселе явление в истории. Это величайшее достижение нашего социального строя, достижение столь громадное и свершившееся в столь малый исторический срок, что не все, быть может, понимают его значимость.

Подобное явление не может иметь исторических корней, уходящих в глубину воинских традиций трудящихся нашей Родины. Здесь весьма уместно, например, вспомнить подвиг русского пахаря и строителя, освоившего гигантские просторы Европы и Азии. И характерно: освоение трудовым русским народом этих бескрайних территорий полностью противоположно тому, как американская буржуазия несла «цивилизацию» лесам и прериям Дальнего Запада. Русский народ жил в дружбе с мирными племенами, населявшими Урал, Сибирь, Дальний Восток и Аляску. В нашей истории нет позорного списка начисто истребленных племен, и пгнусное слово «резервация» — не нашего происхождения.

Это коренное отличие процессов освоения Сибири и Дальнего Запада отнюдь не случайно. Там «первопроходцев» вел хищнический дух капиталистического предпринимательства, погоня за товаром и деньгами. В нашей истории было иначе. Просторы Сибири осваивал миролюбивый и трудовой русский народ, тот народ, который от века привык жить, трудиться и защищать свои пределы рука об руку с иными племенами, с коими связала его нелегкая историческая судьба.

Вот почему нет в наших народных традициях презрительного отношения к «туземцам», «краснокожим», «гоям» и т. д. Конечно, царские воеводы облагали поборами местное население, но в той же мере обирали они казаков и русских поселенцев. В Сибири и на Дальнем Востоке не было плантаторов, и тамошние племена не обращались в рабство. Напротив, трудовой русский народ принес им более высокую культуру и бескорыстно приобщил к своим техническим навыкам и хозяйственным достижениям.

Разумеется, что речь идет здесь о народе, и только о нем. Российские крепостники тоже презирали «инородцев» (они и на родном-то языке объяснялись с иностранным акцентом). Царизм налагал ясак на покоренные народы, купцы и предприниматели грабили и обирали сибирские племена. Это, однако, никак не могло помешать зарождению братского, прочного союза трудовых русских людей с бурятами и чукчами, ненцами и коми.

Национализм и агрессивность всегда были чужды нравственным традициям русского трудового народа. Пролетариат нашей страны выразил все лучшее в народных традициях как верную преданность интернационализму, — учению, глубоко и ясно сформулированному В. И. Лениным. Интернациональная солидарность русского революционного пролетариата в известной степени сродни той самой «всемирной отзывчивости русского народа», о которой много говорили наши писатели-классики. Победивший, российский пролетариат принес освобождение от национального и социального гнета всем большим и малым нациям и народам, которые оказались в сфере его революционного воздействия.

Для нашей темы особенно важно подчеркнуть эту благородную традицию трудящегося русского народа — его миролюбие и уважительное отношение к другим племенам и культурам, важно потому, что эти черты народного духа нашли свое особо сильное выражение в деле защиты Родины от иноземных захватчиков.

Русский солдат всегда был детищем своего народа. Мы говорим именно о солдате, а не об армии, и эта мысль важна, ее необходимо прояснить. Как извест-

но, армия есть социальный организм классового общества, она может в определенных условиях выступать и против собственного народа. Примеры тому всем известны в нашей истории.

Иное дело солдат, то есть человек, вырванный из обычной социальной среды и поставленный в жесткие рамки военной дисциплины. Он мог быть и был неодинаков в различные времена и в разных странах. Существовали замкнутые военные сословия, бывали особые военные касты, профессионалы-наемники. Слово «солдат» нерусского происхождения, у нас смысл его совсем другой, чем в немецком слове Soldat, которое происходит от другого — Gold (золото). То есть речь шла о наемнике, воюющем за деньги. В наших народных представлениях слово «солдат» и «золото» — это антонимы в нравственном смысле.

Судьба нашего народа и государства сложилась так, что слишком долго и слишком часто приходилось нам отстаивать свою национальную независимость от иноземных поработителей. Трудовой русский люд: пахари, ремесленники, лесорубы, рыболовы — вот кто оборонял наши рубежи на богатырских заставах Киева, на засечных чертах Московского государства, на холмах Бородина и Севастополя. Князья и бояре, воеводы и генералы вели свою игру, нередко глубоко враждебную собственному народу, но не им принадлежало решающее слово в роковые для Родины мгновения. Князь Курбский мог изменить и стать перебежчиком, генерал Стессель мог предательски сдать Порт-Артур, но вооруженный народ России — с копьем ли, с винтовкой — всегда выносил тяжкое ратное бремя до конца, каков бы ни был этот конец...

Характерной чертой старой русской армии было то, что наш офицерский корпус не представлял собой столь замкнутой социальной касты, как это характерно, например, для Англии или Германии тех лет (хотя никто, конечно, не станет отрицать дворянскую принадлежность большинства русских офицеров). Важно подчеркнуть, что лучшие из военачальников — независимо от того, являлись ли они потомственными и родовитыми дворянами, как Суворов, или родились в семье простого солдата, как Макаров, — все они сливались с массой солдат и матросов, и это прекрасно

чувствовали прежде всего сами эти солдаты и матросы. И считали «своими» таких военачальников.

Типичными в этом смысле представителями лучших традиций офицерского корпуса старой армии показали себя те генералы и офицеры, которые после Октябрьской революции сознательно и верно стали служить новому государству Советов, революционному народу. И здесь уместно вспомнить судьбу генерала Алексея Алексеевича Брусилова. Он не был революционером. Он не сразу разобрался в сущности новой власти, созданной революцией. Но он ни словом, ни делом не выступил против своего народа, он остался с ним, как и многие тысячи ему подобных, тех, кто органически ощущал свою кровную связь с народом — народом, одетым в серые солдатские шинели.

В начале 1918 года, когда по всей России разгоралась гражданская война, в Москве к больному Брусилову пришли несколько офицеров, его боевых соратников, и спросили, как многие спрашивали в ту пору: что делать? с кем связать свою судьбу? Старый генерал ответил: «Правительства меняются, а Россия остается, и все мы должны служить ей по той специальности, какую избрали...» Бесхитростные слова, но сколько в них глубоко осознанного долга! «Специальностью» Брусилова была защита Родины. И он отдал свои слабеющие силы делу защиты новой, социалистической Родины. Его пример — это нравственная судьба всего лучшего, что было в офицерстве старой армии.

Бескорыстное выполнение своего долга вообще было во все времена характерным для нашего народа. Весьма показательным, что в России никогда не получало хоть сколько-нибудь широкого распространения наемничество, то есть служба в армии за деньги. А между тем в Западной Европе — во Франции, в Австрии, в германских и итальянских государствах — в течение нескольких столетий именно наемные войска составляли преобладающую часть вооруженных сил. Выработался даже характерный социальный тип ландскнехта, то есть профессионала, торгующего своей кровью, которому было безразлично, под каким флагом воевать, лишь бы жалованье поступало аккуратно.

Это воинство воспитало и соответствующих началь-

ников — кондотьеров, предводителей наемных банд, которые заключали сделки, что называется, оптом, то есть нанимались на службу вместе со своими собственными войсками, и меняли «свое» государство в зависимости от величины платы. Состав таких армий был абсолютно космополитичен. Во время Тридцатилетней войны, в период расцвета наемничества, равно и «шведская», и «имперская», и иные армии состояли из одного и того же космополитического сброда, причем некоторые солдаты и даже офицеры по несколько раз успевали сменить присягу в ходе одной кампании¹.

Наемничество и по сию пору процветает в капиталистических странах. Французская армия в период «грязной войны» во Вьетнаме и в Алжире в значительной мере состояла из «интернационала» подонков всех мастей, где нашли себе применение бывшие эсэсовцы и власовцы. Широко процветало наемничество в американском экспедиционном корпусе в Южном Вьетнаме, в агрессивном израильском воинстве, во многих западноевропейских странах. Как видно, это тоже «традиция».

В России только в XVII веке появились было в Московском государстве части иноземных рейтар, но даже в свою лучшую пору число их оказалось очень невелико, да и ничем достойным они себя не прославили. Только вот крестьян, восставших вместе со Степаном Разиным, резали жестоко. А когда Петр I повел войну за выход России к морям, наемные ландскнехты сразу же обнаружили свою полную непригодность для решения серьезных общенациональных задач, оказались органически чужды русской армии и исчезли навсегда.

Это явление, безусловно, не случайно. Для трудового русского человека торговля своей кровью была всегда явлением глубоко чуждым. При любых условиях солдат, казак или ополченец всегда почитал свою службу исполнением священного долга перед отечеством. Да, именно священного, и именно долга. Так и поется в старых солдатских и казачьих песнях, так и

¹ Быт и психология космополитического наемничества колоритно показаны Шиллером в трилогии «Валленштейн» (часть первая «Лагерь Валленштейна»).

запечатлели нам это сгустки народной речи — старые пословицы и поговорки.

В капиталистических армиях и на флотах издавна практиковалось (практикуется, кстати, и теперь, в особенности в США) вознаграждать солдата или матроса деньгами за успехи в боевых операциях. Вопрос о введении подобных порядков в русском флоте был как-то поднят в прошлом веке морским министерством. По этому поводу было предложено высказаться адмиралу Макарову. Знаменитый флотоводец резко возразил против копирования чуждых новшеств и написал такие прекрасные слова: «Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбой, и не ждет денежных наград за свою службу. Отлучать его от этих правил — значит подкапывать тот принцип, на котором зиждется вся доблесть русского солдата».

То, что народ наш видел в солдате не наемника, составляющего враждебную ему касту, а своего человека, исполнявшего нелегкий долг, всегда порождало глубокое, органическое сродство армии и народа. Даже в самые мрачные времена рекрутчины солдат, «служивый человек», пользовался всеобщим народным уважением и сочувствием.

Безусловным и беспристрастным свидетелем этого народного чувства является русский фольклор. Кому только не перепало от безвестных народных острословов! Цари и священники, воеводы и губернаторы, купцы и писаря — всем досталось на орехи в хлестких и сочных народных сатирах. Да и своего брата мужика не пощадило острое словцо: и за ленивую развалку, и за «зеленого змия», да мало ли за что еще! А вот «служивый» никогда не был объектом злой сатиры, ну разве улыбнутся над ним, бедолагой, и то всегда по-доброму, по-дружески, участливо. А зато сколько лихости, смекалки в этом излюбленном фольклорном персонаже, сколько в нем сдержанного достоинства, великодушия, справедливости! Нет, не ошиблась народная молва. Ибо таков и был русский солдат, такие традиции и завещал своим потомкам. Нам с вами.

Но не только в фольклоре нашла свое выражение глубинная справедливость трудового русского народа

к другим народам, его великодушие и отзывчивость к чужим бедам. Это же чувство пронизывает и творчество великих наших писателей. Пушкин посетил театр военных действий на Кавказе во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Россия играла в ту пору в целом прогрессивную роль, освобождая угнетенные янычарами народы. Война шла жестокая. И вот Пушкин пишет свое великолепное стихотворение «Делибаш». (Делибаш — это по-турецки нечто вроде нашего «сорвиголова»):

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме перед полками
Вьется красный делибаш.

Турок, гарцуя в одиночестве впереди своих рядов, как бы вызывает противника на поединок. И тотчас же навстречу вылетает казак с пикой наперевес. На виду обеих армий, на глазах Пушкина происходит стремительная и смертельная сшибка. Пали оба. И наш поэт равно восхищается удачью и отвагой обоих противников. В его отношении к турку — врагу его армии — нет ни тени презрения или ненависти. Поэт великодушен, как и его народ.

Лев Толстой младшим офицером воевал на Кавказе с горцами Шамиля. Батальные эпизоды кровавой той эпопеи изображены в «Казаках» и «Хаджи-Мурате». Горцы описаны великим писателем с глубоким уважением к их смелости и мужеству. Ни одного уничижительного слова по отношению к своим противникам не найдется в этих глубоких, истинно гуманных творениях. А Лермонтов? А Верещагин? Нет, вся передовая русская культура в ее вершинных проявлениях, выразивших дух своего народа, оставила нам в наследство глубокое великодушие к другим народам, пример непритворного, бескорыстного уважения к достоинствам других наций и племен.

Муза, породившая поэзию Киплинга и ему подобных бардов «белого сагиба», не могла родиться на почве передовой русской культуры. Напротив. Поручик Тенгинского пехотного полка Лермонтов воевал на Кавказе в армии генерала Ермолова, ему довелось сражаться с отрядами чеченцев на реке Валерик. А сегодня в Советской Чечено-Ингушской автономной

республике Лермонтов является любимейшим и популярнейшим поэтом. Ибо он, именно он, создал пленительный образ отважного вольного горца.

Есть еще одна характерная черта, присущая русской армии, о которой хотелось бы сказать. Россия всегда была страной многонациональной. Даже Киевская Русь времен Ярослава Мудрого или Владимира Мономаха включала в себя многие племена и народы, в том числе и не только славянские¹. То же было и в Московском государстве. Вот почему и армия нашей страны всегда была армией многонациональной. Самые разные народы служили в рядах войск, называвшихся раньше собирательным словом «русские» или «российские» войска, самые разные по языку и рождению герои прославили себя и свои народы в сражениях на рубежах нашей страны. Башкиры и осетины, грузины и буряты, татары и казахи, поляки и немцы — было бы слишком долго перечислять всех. Да и не нужно. Ибо каждый народ, вошедший в состав нашего государства, отдал свою долю в общее ратное дело. Каждый народ! Здесь нет исключений.

Лучшие традиции русской армии, выкованные многовековой историей народа-труженика, народа-воина, — эти традиции органически вошли как неотъемлемая часть в духовную жизнь новой армии Советского Союза. В 1918 году был составлен первый Устав Красной Армии, просмотренный и отредактированный Лениным. В этом уставе использовались меткие и образные слова и выражения знаменитой суворовской «Науки побеждать». И это было знаменательно. В ту пору еще не перевелись «деятели», которые готовы были под предлогом борьбы с отжившим старым выбросить все, что накопил веками наш народ, опорочить его историю и память его предков. Достаточно упомянуть здесь имена Троцкого, Радека или их присных, чтобы стало ясно, о ком и о чем идет речь. В этих условиях ленинский пример бережного отношения к лучшим воинским традициям Родины приобрел особо важное, принципиальное значение.

¹ Интересующиеся этой темой найдут богатый материал в кн.: *Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства.* «Наука», М., 1970.

В Советской России было создано новое общество, свободное от власти денег, от сословных или национальных ограничений, от эксплуатации человека человеком. И молодая Красная Армия, усвоив все лучшее, что было в армии старой, многократно и широко развила и обогатила это наследство, создав новую, советскую армейскую традицию и героику. Еще более органичной стала связь армии и народа. Рядовой солдат Василий Теркин, который, по словам поэта, «в каждой роте есть всегда, да и в каждом взводе», — разве этот солдат не стал прямым продолжением того старого фольклорного солдата из сказок, известных нам с детства? Но Теркин не копия, а дальнейшее развитие этого образа. Теркин глубоко советский человек, выросший в социалистическом обществе, его кругозор, его понимание действительности куда как обогатилось опытом нашей великой революции. Но кровная связь между ним и его предками осталась, и она неразрывна.

В Советской Армии прочно утвердилось полное торжество ленинского интернационализма, глубочайшее уважение к другим народам. И это есть наше величайшее достояние. В годы Великой Отечественной войны гитлеризм принес нашему народу неисчислимые беды и страдания. И что же? Советский солдат всегда отделял простого немца от нациста. Наша армия воспитывалась в том духе, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается, и что это великий народ, подаривший миру Гете и Канта, Энгельса и Тельмана. И уже тогда, в разгар сражений, наша общественность осудила некоторые статьи известного публициста Ильи Эренбурга, в которых не всегда четко проводилось классовое разграничение между немецким народом и его правящей верхушкой. Так, годы испытаний показали, что интернационализм советского солдата есть чувство, вошедшее в плоть и кровь нашего народа, есть развитие и обогащение глубочайших народных традиций.

Память о героях надо беречь так же заботливо, как и оружие. Неверно, что павшие уже не участвуют в сражениях! Они идут с нами в бой рядом, если народ хранит в сердце память об их делах. И опять-таки приходится вспомнить предвоенное время. Именно тогда советским искусством были созданы превосходные,

глубоко современные произведения, которые выполняли (и выполнили блестяще!) конкретную и важную идеологическую задачу: готовили наш народ к будущей суровой войне.

Была закончена великая эпопея «Тихий Дон». Появился «Петр Первый» Алексея Толстого. Советское киноискусство тех лет, отбросив левацкие загибы и формалистические кривляния, как раз во второй половине тридцатых годов достигло своего высшего расцвета. А песни, прекрасные песни той поры! Все помнят: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака, пламя души своей, знамя страны своей мы пронесем через миры и века!»

Риторика? Да, конечно. Вырванные из исторического контекста, изъятые из неповторимой атмосферы тех лет, слова эти и в самом деле кажутся газетной цитатой. Но для того чтобы «цитату» с открытой душой запел весь народ, требуется только одно: нужно, чтобы слова эти искренне и точно выражали народные чувства и идеалы. Ведь и слова «Марсельезы», если подвергнуть их эстетско-анатомическому анализу, тоже риторика. Но это такая риторика, которая становится высоким искусством только в эпоху народного подъема.

А в это же самое время, предавшие Родину изменники, бежавшие на Запад, печатали в эмигрантских изданиях пасквили на Советский Союз, иронизируя, что, мол, давно умершие генералы вряд ли помогут Красной Армии... Эти недалекие людшкы ошибались. Бессмертные наши полководцы вновь стали в строй советских солдат. Наши солдаты и офицеры Отечественной войны умирали, заливая кровью привинченные к гимнастерке ордена Суворова и Кутузова, Александра Невского и Богдана Хмельницкого, медали Нахимова и Ушакова. Эти полководцы встали в один боевой строй с героями советской эпохи — Фрунзе и Котовским, Щорсом и Лазо, Чкаловым и Чапаевым.

И здесь необходимо сказать хотя бы несколько слов о Чапаеве. Давно уже наши художники не обращались к этому замечательному, необыкновенно колоритному образу. Да и историки, кстати говоря, тоже: ведь у нас до сих пор нет обстоятельной биографии

этого популярнейшего в народе героя¹. Что ж, опять будем отдавать своих национальных героев на шелуху сплетен и анекдотов? А ведь известнейший, не стареющий без малого сорок лет — срок, огромный для кино! — фильм «Чапаев», разве он не стал одной из вершин нашей советской культуры, одним из лучших достижений мирового искусства XX века?

Как и все истинно талантливое, кинофильм «Чапаев» не стареет. И вчера и сегодня миллионы людей в нашей стране и в иных странах видят на экране героинку русской революции, ее безграничный размах, мужество и самоотверженность народа — того самого народа, который первым сбросил иго международного капитала.

Нет мужчин в нашем народе, которые в детстве не играли бы в Чапаева. Такая честь далеко не всегда выпадает кинолентам, хотя бы и широко разрекламированным...

Благодарная память о своих предках всегда являлась основой народного самосознания. Советская эпоха обогатила народы нашей страны новым традиционализмом, рожденным нашей великой революцией. И надо сказать, что, возникнув сравнительно недавно, эти традиции прочно вошли в плоть и кровь народного бытия.

Буквально на наших глазах складывается обычай соперничать «всем миром» великие исторические вехи, определяющие события в судьбе страны. Все помнят, какое огромное идейное воздействие имели юбилеи Октября, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 30-летие великой Победы. В моменты таких праздников воедино сливаются прошлое и настоящее. И советский человек ощущает себя прямым наследником и продолжателем великих достижений прошлых поколений, строителей и защитников своего многонационального государства.

¹ В развитие нашей мысли о преемственности всего лучшего в народных традициях уместно напомнить, что замечательный советский полководец В. И. Чапаев, этот подлинный народный самородок, вырос в недрах старой армии. Во время первой мировой войны Чапаев заслужил четыре Георгиевских креста. (Добавим, что будущий маршал Г. К. Жуков имел два таких креста, а маршал С. М. Буденный — четыре креста и четыре медали, это было наивысшим солдатским отличием в ту пору.)

В годину испытаний люди обыкновенно переживают особое, просветляющее прозрение. Все, что накопилось суетного и наносного, рассеивается, как туман (именно потому, что было суетным и наносным), великие вехи еще яснее проглядываются в очищенном грозой воздухе. На исходе Великой Отечественной войны в рядах наших войск, пришедших спасти от гитлеризма Болгарию, находился молодой офицер, уроженец рабочего Донбасса, выросший и воспитанный уже в советское время. Теперь имя поэта Алексея Недогонова знают все. На шипкинском перевале он увидел храм, построенный над погребением русских солдат, павших еще в прошлом веке при освобождении этой братской страны от ига янычар. И вот как он, солдат Великой Отечественной, как он почувствовал связь между новым и старым:

Стоял великий храм,
в багрянец
сентябрьских зорь и звезд зажат.
— Сними пилотку, сталинградец,
здесь наши прадеды лежат!..
Сквозь звуки лет
мы слышим, внуки,
и бой,
и бегство янычар,
и русских труб литые звуки,
и ликование болгар.

Здесь, в коротких этих строках есть многое: и верность лучшим отцовским традициям, и органический, естественный для советского человека интернационализм, и патриотизм.

«Сними пилотку, сталинградец...» Надо беречь связь времен, не давая никому разорвать эту уходящую в вечность цепь. Верность — это сила. Сила — это победа!

КТО С МЕЧОМ К НАМ ПРИДЕТ...

Тридцатилетие великой Победы, которое так широко и искренне почтил наш народ, еще раз заставило всех задуматься о ее значении, о ее истоках, о внутренних скрепах народа-победителя. Не случайно всеобщий читательский успех имели военные эпопеи —

в литературе, в кино ли, — где авторы пытались представить минувшую войну во всей полноте ее политического, социального и гражданского значения. Нет сомнений, что путь этот правилен — путь «Войны и мира», «Тихого Дона».

С каждым уходящим днем война становится все более далеким прошлым — историей для большинства ныне живущего поколения. Наш общий долг — закрепить в памяти все, что только возможно, скрупулезно и точно переосмыслить сделанное и сказанное, чем лучше, чем полнее это будет сделано, тем скорее мы вправе ожидать нового «Тихого Дона», посвященного другой, столь же великой эпохе.

Первая задача тут — собрать и классифицировать огромный и многообразный фактический материал. Это делается, и сделано уже немало. Появились мемуары, сборники документов, скрупулезные исторические исследования. Они освещают разные стороны эпохи — частные и общие, проблемы стратегическо-политического характера и отдельные события и судьбы. Здесь все важно, но важно при одном необходимом условии: материал должен быть подлинным, достоверным, а не описательно-приблизительным, беллетристически разжиженным.

Разумеется, немислимо в более или менее кратком изложении перечислить все или почти все. Однако важно наметить положительные тенденции роста в их принципиальном развитии. Несколько типичных в лучшем смысле изданий и послужат тут примером.

Историческая дата начала войны — 22 июня 1941 года — в известной мере условна. В документах Коммунистической партии, в выступлениях руководителей Советского государства той поры просто и недвусмысленно говорилось о войне еще задолго до памятного июньского воскресенья. Цели фашистских агрессоров, империализма в целом были слишком уж очевидны. Передовой советский строй, рабочее социалистическое государство были у них предметом острой и откровенной ненависти. Готовиться к войне наш народ предусмотрительно начал загодя. Трудно судить, как сложилась бы судьба мира, если бы советское руководство проводило тогда иную политическую линию.

Грозные предвоенные годы, конец 30-х годов... Славное, неповторимое время! Чкалов и Папанин, Стаханов и Паша Ангелина, герои-полярники и герои Хасана — сколько замечательных, подлинно народных героев породила эта эпоха! Они не гнались за славой — они трудились во имя Родины, во имя лучшего будущего страны, и слава находила их сама. Так выросло и выковывалось в преодолении преград то поколение, которому вскоре пришлось спасти свой народ и весь мир от врага, не знавшего жалости.

Конец 30-х годов... Фашистская зараза неумолимо растекается по Европе. Зловещие метастазы ее обнаруживаются чуть ли не во всех странах Старого света. Третий год пылает война в Испании... Гитлер открыто планирует «жизненное пространство» на востоке... Профашистские клики в Польше, Румынии и Финляндии бряцают оружием у наших границ. А «великие державы» — Англия и Франция — по-прежнему верны своей антисоветской политике, они готовы целиком отдать нашу страну Гитлеру. Они откровенно и настойчиво «приглашали» его к «походу на восток», обещая сочувствие и поддержку «мировой общественности»... Тогда, как и сейчас, Советское государство было бельмом на глазу для всех темных сил мирового капитала.

Но и тогда, как и сейчас, наше Советское государство было оплотом трудящихся всего мира. Сыны советской державы в те трудные для нас годы продемонстрировали всему миру свой бескорыстный, свой рабочий интернационализм.

Мадрид защищали наши летчики и танкисты, сражаясь на советских самолетах и танках. И это наш народ, живший тогда куда как не богато, творил бескорыстно, во имя идеалов мира и социализма.

Великое, героическое время! Нам дают возможность вспомнить о нем, узнать о нем больше вышедшие в свет книги. Остановимся на работах серьезных, содержащих подлинный фактический материал и материал новый, принципиального значения, дающий обильную пищу для размышлений как частного, так и общего характера.

Очень многие люди нашей страны — и те, которым сейчас за сорок, и те, кто помоложе, — воспринимают

дела давно отшумевшей гражданской войны в Испании с необычайным, можно сказать, сердечным интересом, что нечасто бывает у нас с событиями зарубежной истории. И в самом деле, звучные испанские слова, такие, как «Гвадалахара», «но пасаран», «Пасионария» и многие иные, прочно вошедшие в русский язык, стали для нас символами славной и трагической эпопеи народа Испании. А кто лучше нас, советских людей, испытавших только за первые сорок пять лет нашего века три революции и три истребительные войны,— кто лучше нас может понять, что такое революция и что такое война, да еще гражданская? Вот почему испанская эпопея пользуется у нас неослабным вниманием и литературой на эту тему интересуется очень широкий круг читателей.

Пример тому книга воспоминаний знаменитого героя гражданской войны в Испании Энрике Листера¹.

Прежде всего, не может не вызвать живейшего интереса личность самого автора. Нам хорошо знакомы по собственной истории герои революции, что вышли из самых глубин народа. Отчаянные, отважные, беспредельно преданные своему революционному долгу, начисто лишённые интеллигентского скепсиса и рефлексии, суровые до жестокости и к себе и к другим,— нам ли не знать их, этих Чапаевых, Блюхеров, Ворошиловых, Думенко, Котовских и многих, многих других известных и неизвестных героев нашей беспримерной в истории революции.

Энрике Листер родился в Галисии, в селе, в провинции Ла-Корунья, что на северо-западе Испании. Отец его был каменотесом, сам же он «начал работать, едва научившись ходить». Суровый труд, бесправие, унижение, наглое самоуправство сильных мира сего, особо ненавистные для смелого и горячего юноши, рано закалили Листера. Неудивительно, что он рано вступил на путь революционной борьбы, а затем проявил себя прирожденным военным вожаком народных масс.

В мемуарах Листера, написанных сдержанно и

¹ См.: *Листер Энрике. Наша война.* (Из истории национально-революционной войны испанского народа 1936—1939 гг.) Мемуары. М., Политиздат, 1969.

даже несколько сухоовато, возникает осязаемый образ народного героя. Он был крут в решениях, непреклонен и быстр в действиях. Всякого рода риторические и литературные упражнения, на которые порой бывают падки иные деятели революционной эпохи, были ему чужды. (Как тут не вспомнить нашего Чапаева: «Я командовать приехал, а не с бумажонками возиться!..») Делу революции он остался предан до конца. Нельзя без волнения читать, как в середине февраля 1939 года, когда дни Республики были уже сочтены, Листер, лишь недавно перешедший со своими войсками из Каталонии (где республиканцы потерпели поражение) во Францию, вновь возвращается в осажденный Мадрид. Рано утром 7 марта с аэродрома Моновар Листер и другие руководители Республики покинули Испанию. Перед посадкой в самолет Листеру вручили один фунт стерлингов: это было единственное материальное достояние, которое он увозил со своей родины; родины, которую ему уже более не пришлось увидеть...

Читая мемуары Листера, сопереживая с ним перипетии гражданской войны, мы невольно ищем сравнений и сопоставлений с отечественной историей. Интересуясь гражданской войной в Испании, мы с естественным вниманием ищем сходства (или напротив, контраста) с нашей великой революцией. И это вполне естественный интерес всякого гражданина-патриота. Мы готовы пристально и серьезно рассмотреть все, что может быть ценно и полезно для нашей Родины, для наиболее глубокого постижения ее прошлого и настоящего. Вот еще одна причина, почему книга Листера вызывает у читателей пристальный интерес.

Много места в своей книге уделяет Листер деятельности советских военных специалистов, сражавшихся в Испании. С гордостью прочтет читатель рассказ о героических действиях наших танкистов, летчиков и артиллеристов под Мадридом. Да, мы с полным правом можем гордиться их ратными делами на испанской земле и можем повторить вслед за Листером, что гражданская война в Испании — «наша война»!

Тогда наши военкоматы были буквально завалены множеством заявлений наших граждан — молодых и пожилых, военных и сугубо гражданских — с прось-

бой, а то и с требованием тотчас же послать их в Мадрид. Советские граждане знали — в Испании им придется сражаться с тем же врагом, который угрожает нашим собственным границам.

Испанская Республика пала. Фашизм добился еще одного успеха, опасность мирового пожара увеличилась.

Однако войну еще можно было предотвратить. Все зависело от того, согласятся ли западные державы стать рядом с Советским Союзом на его твердой антигитлеровской позиции или нет.

В политической истории XX века, до чрезвычайности богатого разного рода катаклизмами и крутыми поворотами, трудно, пожалуй, найти время более драматическое, более напряженное, чем конец тридцатых годов. Тень страшной войны все гуще опускалась над миром. Открыто готовились к новым захватническим походам германские, итальянские и японские хищники. Конечно, силы их в сравнении с мощью и ресурсами всего остального мира были относительно меньше, это понимали в ту пору все дальновидные политики. Почему же правители фашистских государств все же рискнули начать истребительную войну? То были авантюристы, разбойники и честолюбивые маньяки, но они все же не являлись сумасшедшими, в своих завоевательных планах они все же на кого-то рассчитывали, на что-то надеялись... На что же?

Книга, авторами которой являются М. Панкрашова и В. Сиплос¹, в значительной мере дает ответ на этот вопрос. В ней рассказывается о ключевом событии, предшествовавшем второй мировой войне, — о переговорах СССР, Англии и Франции в 1939 году, в период, когда безумные мечтания, записанные в «Майн кампф» и иных подобных сочинениях, начали становиться зловещей реальностью. Авторы задаются вопросом: почему не удалось предотвратить войну? Почему агрессия фашистских государств не была остановлена у самого порога? Обильный фактический материал, приведенный в книге, показывает читателю те

¹ См.: Панкрашова М., Сиплос В. Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франция 1939 года. Документальный обзор. М., Издательство агентства печати «Новости», 1970.

социальные и политические силы в мире, которые исподтишка (а порой и явно), тайно (а порой и открыто) попустительствовали агрессорам и подталкивали их на войну.

Дипломатические сюжеты всегда имеют устойчивый читательский интерес. К сожалению, у нас появляются не слишком часто книги по истории внешней политики последних десятилетий. Неудивительно, что названная работа, изданная тиражом в двести тысяч экземпляров, разошлась молниеносно. Сегодня общественный интерес к документальной литературе исключительно велик, а если она посвящена Великой Отечественной, то особенно. Однако помимо общих причин быстрого распространения книги есть и иная, пожалуй, важнейшая: авторы приводят большое количество новых документов из Архива внешней политики СССР, а также ряд материалов зарубежных публикаций, не появлявшихся еще на русском языке. Всякий читатель, интересующийся историей дипломатии, почерпнет из этой книги немало нового и интересного.

Увы, скажем сразу, что подача этого материала оставляет желать много лучшего. Дипломатические документы составляются прежде всего предельно точно, там нет места для стилистических красот, да и адресуются они обычно крайне узкому кругу лиц. Читать их куда как труднее, нежели романы типа «Поджигателей». Документов, повторяем, в книге много. Но беда в том, что авторский текст немногим богаче, немногим ярче этого по неизбежности стерильного дипломатического языка. Правда, в заголовке книги сделано пояснение, что это лишь «документальный обзор». Но подобная оговорка не меняет дела: массовый тираж книги предполагает и массового читателя.

Авторы приступают к своей теме сразу, без предисловий. 10 марта 1939 года в докладе на XVIII съезде партии И. В. Сталин дал развернутый анализ международного положения нашей страны. Спустя тридцать лет тем более ясно видно, что анализ этот оказался правилен.

Верно было подмечено наличие двух групп империалистических держав: агрессивных (Германия, Ита-

лия, Япония) и неагрессивных (Англия, Франция, США), причем неагрессивные державы придерживались пресловутого принципа «невмешательства».

Отнюдь не бескорыстной была эта политика невмешательства, хотя прикрывалась звонкими (или слезливыми — смотря по обстановке) пацифистскими фразами. То обстоятельство, что наша страна решительно выступила против подобной политики попустительства врагу, говорит об осмотрительности и дальновидности тогдашнего государственного руководства. Советские представители на переговорах 1939 года, как это убедительно показано в книге, имея ясную цель — обеспечение безопасности нашего государства, все время держали дипломатическую инициативу в своих руках.

Все это было тем более важно, что драматизм событий нарастал буквально с каждым днем. 15 марта 1939 года гитлеровские войска оккупировали Чехословакию. 17 марта Германия предъявила ультимативные требования Румынии по экономическим вопросам и добилась своего (Англия и Франция вновь выдали своего союзника агрессору). 22 марта Германия оккупировала Клайпедскую (Мемельскую) область, принадлежавшую Литве. 7 апреля итальянские войска вторглись в Албанию.

Лишь тогда англо-французская дипломатия приняла попытки заключить военно-политический союз с СССР. Но что это были за попытки? Авторы книги, прослеживая шаг за шагом ход этих переговоров, убедительно показывают, как западные политики пытались использовать свои контакты с Советским Союзом лишь для того, чтобы шантажировать Германию, при этом все время имея в виду, что лучшим для их корыстных интересов исходом было бы учинить смертельную схватку между германским и русским народами. Впрочем, такие же цели преследовали и многие другие империалисты, претенденты на мировое господство. С циничной откровенностью высказался на этот счет тогдашний сенатор от штата Миссури Гарри Трумэн, сказав печально знаменитую фразу летом 1941 года, что «пусть убивают как можно больше»...

Здесь уместно сказать о двусмысленном и прямо-

таки провокационном поведении англо-французской дипломатии в отношении соседних с СССР государств. Советское правительство, движимое желанием обеспечить наши национальные интересы, требовало от потенциальных союзников твердых и четких гарантий наших рубежей. И что же? В час смертельной опасности для собственной страны польское правительство, подстрекаемое своими западными покровителями, официально заявило 11 мая: «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР». А месяц с лишним спустя американский поверенный в делах во Франции сообщал своему правительству, что «возможно, готовится второй Мюнхен, на этот раз за счет Польши». Империалистические державы предали польский народ, сделали его разменной монетой в своей игре с Гитлером — это понимали, кажется, все, кроме польских националистических политиков, ослепленных ненавистью к нашей стране.

Мировой империализм всегда находил для себя благоприятную почву в национализме, национальной ограниченности, оппортунизме. Прекрасной иллюстрацией тому служит приведенный в книге материал о политике СССР по обеспечению мира и безопасности в Прибалтике.

Читая дипломатическую переписку более чем тридцатилетней давности, теперь, когда все тайные переговоры и скрытые помыслы стали явью, особенно глубоко осознаешь, что единственным путем для спасения народов Прибалтики было вхождение в состав Советского Союза. Только после этого исторического события прибалтийские народы перестали быть жертвами нечистой игры империалистов, игры, целью которой в конечном счете был злобный и непримиримый антисоветизм.

Однако буржуазные правительства Литвы, Латвии и Эстонии, возглавляемые реакционными и продажными лидерами, готовы были отдать свои страны под контроль империалистических держав. Гибельность этой политики со всей очевидностью проявилась на исходе тридцатых годов. Среди прочих фактов такого рода в книге приводится, например, следующий: в правительственной инструкции, полученной английской военной миссией для ведения переговоров в Мо-

скве, предписывалось, что «делегация не должна обсуждать вопроса об обороне Прибалтийских государств, так как ни Великобритания, ни Франция не гарантировали этих стран»... И это было за три недели до начала мировой войны!

Слабые, раздираемые внутренними противоречиями, преданные своими «демократическими» покровителями, государства Прибалтики обречены были в жертву агрессору.

В этой своей части книга как нельзя более актуальна. Заокеанские и иные политиканы с помощью эмигрантского отребья проливают лицемерные слезы над судьбами советских Прибалтийских республик. Их не устраивает, их бесит, что вот уже сорок лет в этой части Европы нет места политическим интригам. Мы можем сказать им: пустые хлопоты, господа! Ход истории свершился и обратной силы не имеет. Мир и безопасность народов Прибалтики ныне обеспечены всей мощью великого и единого Союза Советских Социалистических Республик, в братской семье которых литовцы, латыши и эстонцы пользуются всеми правами и привилегиями, которые предоставляет наш передовой социальный строй.

Характерно, что руководители агрессивных государств прекрасно понимали лживость англо-французских намерений в отношении СССР. В одном из опубликованных в книге документов говорится: «По сведениям, полученным из Рима, Гитлер и Муссолини убеждены в том, что Чемберлен ведет переговоры с СССР только под давлением оппозиции и некоторой части консерваторов и общественного мнения». Так оно и было. 22 августа Гитлер цинично заявил на совещании высших германских офицеров: «В Мюнхене я познакомился на практике с этими жалкими существами — Даладье и Чемберленом. Они слишком трусливы, чтобы нападать. Они не пойдут дальше блокады». Вот эта-то уверенность Гитлера в своей безнаказанности (имевшая, как выяснилось, некоторые основания) в сильной степени способствовала фашистской агрессии.

К счастью, советские руководители вполне отдавали себе отчет в том, с кем они имеют дело на этих переговорах. 31 мая 1939 года В. М. Молотов в пуб-

личном выступлении дал следующую оценку политики западных держав в отношении СССР: «Пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему разворачиванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить препятствием к развязыванию агрессии в других районах?.. Поэтому мы должны быть бдительными».

Увы, позиция англо-французских руководителей не изменилась. Читатель сможет убедиться в этом, ознакомившись с подробностями дипломатических переговоров, которые представлены в книге достаточно полно. В этих условиях Советское правительство должно было в августе 1939 года пойти на соглашение с Германией. В книге рассказ об этом идет под заголовком «Вынужденное решение». Правильно: то было вынужденное решение, но в тех условиях совершенно верное. Сколько чернил извели наши противники (или «друзья»), клевета на нашу страну по этому поводу! Думается, что мы как-то робко даем отпор подобным наветам. Авторы рецензируемой книги справедливо ссылаются на историческую справку «Фальсификаторы истории», где пакт назван «дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики». И это справедливо, нравится оно кому-нибудь или нет...

Любопытная и поистине символическая деталь: после разрыва переговоров с англо-французскими представителями в Москве глава советской миссии К. Е. Ворошилов сказал им на прощальном приеме: «К сожалению, нам на этот раз не удалось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер». Да, договориться не удалось. Да, к сожалению. Но когда (с опозданием!) западные политики перешли от капитулянтства к сопротивлению, они встретили в лице нашей страны верного и надежного союзника.

Но это случилось позже, а в 1939 году, как заключают свою книгу авторы, западные дипломаты «завели переговоры СССР, Франции и Англии в Москве в тупик, сорвав создание коллективного фронта защиты мира против фашистской агрессии в Европе».

Да, войну предотвратить не удалось. И она началась — Великая Отечественная.

До сих пор прекрасно помню огромное уличное панно военного времени. На одной его половине русские витязи в остроконечных шлемах рубили мечами убегающих по льду рыцарей с крестами на плащах. В центре возвышался всадник, ясно было, что это Александр Невский. А на другой половине панно — наши красноармейцы в широких краснорубашечных касках, идущие в атаку со штыками наперевес, и бегущие от них тощие зеленые фигурки с плетеными погонами на плечах.

Вверху панно даты: 1242—1942. А внизу надпись славянской вязью, алым по белому: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Русская земля! Александр Невский».

Так отмечал советский народ 700-летие Ледового побоища в суровом 1942 году.

Великая эпопея советского народа, победа наших Вооруженных Сил в Отечественную войну имеют уже огромную литературу. Оно и понятно. Безмерен подвиг тех, кто разгромил темные силы агрессии на Западе и на Востоке. Время приносит нам новые и новые свидетельства этого подвига. Открываются неизвестные ранее документы. Как любят выражаться газетчики, «тайное становится явным». И особенно интересны, особенно поучительны те свидетельства нашей великой Победы, которые исходят от врага.

От врага, который угрожал нам с Запада или с Востока.

Новые фундаментальные публикации советских издательств дают нам в этом смысле основательный материал для размышлений.

Никто не забудет сорок первого года, кому пришлось пережить его. Мне довелось встретить воскресное 22 июня семилетним мальчишкой. Легко улетучивается из памяти то, что было вчера, прошлым летом или позапрошлой осенью, но неповторимый, напряженный колорит тех дней сохраняется в моем сознании с необычайной ясностью и яркостью. Как у всех сверстников. И тем более у тех, кто старше.

Сорок первый год — это решающая, поворотная

века в жизни нашего народа и государства. Вот почему не только участник, но и любой очевидец событий такого значения становится сопричастным к великому действию, которое зовется Историей. И эта сопричастность очищает и возвышает, как и всякое соприкосновение с великим, вечным, непреходящим.

Случайно попадет в руки обрывок газеты сорок первого года, прочтешь, и больно защемят сердце. Обычная газетная бумага, те же шрифты, да и верстка изменилась незначительно — а вот есть, есть в том газетном клочке нечто такое, что не позволяет смотреть на него как на обычную «вчерашнюю газету».

Теперь нам предоставлена возможность вновь пережить тревожное время 1941 года. Воениздат осуществил публикацию «Военного дневника» начальника генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии генерал-полковника Франца Гальдера. Дневник этот с прусским педантизмом и внешним бесстрашием повествует о том, как готовилась и осуществлялась гитлеровская военная агрессия. Первые два тома имеют характер сугубо академический. Так и вспоминается самоупоенная уверенность генерала Пуля из романа «Война и мир»: «Die erste kolonne marschiert... Die zweite kolonne marschiert»¹.

Операции против Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, блицкриг, в течение месяца повергнувший Францию со всеми многокилометровыми подземельями «линии Мажино». Бессчетное число трофеев взято у английского экспедиционного корпуса, поспешно оставившего Дюнкерк. Затем следует скрупулезное перечисление дивизий и корпусов, направляемых на восток, в оккупированную Польшу. К порогу нашего дома...

И вот — началось.

«22 июня 1941 года (воскресенье), 1-й день войны. Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й, перешли в наступление согласно плану». Форсированы наши пограничные реки... Заняты первые наши города... Взяты в плен первые наши солдаты... «Командование ВВС сообщало, что наши военно-воздушные

¹ «Первая колонна марширует... Вторая колонна марширует» (нем.).

силы уничтожили 800 самолетов противника». Напомним: «самолеты противника» — это наши самолеты.

Тяжело, необычайно тяжело читать дневник этого самоуверенного завоевателя. «Наши войска взяли Белосток»... А затем Минск, Львов, Псков, Витебск. Это «их» войска берут наши города. Такого рода документы никогда не станут лишь «историческим источником» для нашего поколения! Я помню, как в сентябрьский день того самого сорок первого года вбежал со двора домой, мать лежала в постели, болела. В комнате громко говорило радио. И вдруг мать, побледнев, поднялась с постели и вскрикнула не своим голосом: «Боже мой, Киев сдали!» И заплакала.

Разве можно забыть такое? И разве смогу когда-нибудь со спокойным сердцем прочесть в гальдеровском дневнике подобную вот бесстрастную запись: «19 сентября 1941 года, 90-й день войны. Донесение: В город ворвались три наши дивизии: одна — с северо-востока, две — с юга». Этот город — Киев.

Мы отступали. Горели наши села и города. Но то не было бегством. Нет! С некоторым даже удивлением начальник генштаба гитлеровской армии с первых же дней войны стал отмечать это удивительное, незнакомое ему по опыту западных кампаний упорство наших бойцов. Приводя данные о собственных потерях, Гальдер неоднократно делает примечания, что эти потери «выше, чем в прошлых кампаниях» — первая такая многозначительная запись сделана уже 6 июля. А мы тогда отступали...

Дальше — больше. 11 июля: «...командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически». 15 июля: «русские сражаются с прежним ожесточением». 11 августа Гальдер уже прямо признается, что «колосс — Россия... был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских».

Они, стало быть, недооценили... Еще бы! Уже 21 июля Гальдеру пришлось впервые (впервые!) за два года победного марша по всей Европе начертать неприятное слово «оставить»: «Нашим войскам пришлось, к сожалению, оставить Великие Луки».

А 30 июля Гитлер подписал приказ — первый из множества последующих приказов такого рода, по которому группе армий «Центр» предписывалось «перейти к обороне». И это на важнейшем стратегическом театре войны — против нашей столицы.

4 августа Гальдер подвел итоги потерь за первые сорок дней войны: убито 46 487 солдат и офицеров, не считая огромного числа раненых и пропавших без вести. Всякая цифра имеет значение лишь в сравнении. Так вот: разгром первоклассно вооруженных и находившихся в боеготовности армий Франции, Бельгии, Голландии и английского экспедиционного корпуса «стоил» Гитлеру примерно таких же потерь. И приблизительно за такой же период боевых действий. Но там — полный разгром, а здесь — лишь начало тяжелой борьбы. Сопоставление это красноречивее всяких слов.

Гитлер обрушил на нашу страну всю мощь покоренной им Европы. Никаких серьезных угроз не было за его спиной. Тогда, в сорок первом, движение Сопротивления в оккупационных странах еще только набирало силу, оно широко развернулось уже после Сталинграда. Единственный наш союзник в ту пору — Англия — едва-едва справлялась с атаками немецких самолетов и подводных лодок. Судьба Европы, судьба всего человечества зависела теперь только от стойкости Красной Армии, от крепости нашего государства, мужества нашего народа.

...Судьба Европы и всего человечества. Да, именно так. Здесь ничего не преувеличено.

Самоуверенность захватчиков была поистине беспредельной. Тогда, летом сорок первого, им и в голову не приходила мысль о том, что завоевательные их планы могут нарушиться. Куда там!

«3 июля 1941 года, 12-й день войны: ...не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней».

«8 июля 1941 года, 17-й день войны: противник уже не в состоянии создать сплошной фронт, даже на наиболее важных направлениях».

Однако «противник» воевал «не по правилам» и «сплошной фронт» от моря до моря держался, хоть и подавался на восток. И тем не менее ровно через ме-

сая Гальдер повторяет самого себя: «Противник имеет в своем распоряжении для дальнейших операций лишь крайне ограниченные силы. Если, исходя из имеющегося опыта, в основу расчета положить, что на каждый миллион жителей можно сформировать две дивизии, то окажется, что количество выявленных на стороне противника дивизий является предельно возможным (1) и не следует ожидать дальнейшего комплектования им каких-либо крупных формирований».

Итак, враги подсчитали наши «предельные возможности» еще в августе сорок первого. До битвы под Москвой. До Сталинграда. Удивительно все-таки, с каким постоянством зазнавшиеся захватчики не хотели замечать мощь нашей страны, нашего народа! Так же вот «не замечали» этого Карл XII и Бонапарт и упорно вели свои первоклассные армии вперед, в глубь России. К гибели. И армии эти исчезли в наших полях полностью, без остатка. Шведский король ускакал из-под Полтавы с горстью всадников. Почти целиком полегла под снегом «великая армия» наполеоновской империи. «Погибоша аки обре».

Фашистские агрессоры ничему не научились от своих предшественников, хотя Гитлер и штудировал опыт войны двенадцатого года. Видно, ученье бывает не в прок. «Россия — колосс на глиняных ногах» — вот рефрен всех победоносных маршей, которые захватчики исполняют перед очередным походом. Но уже в начале похода стройные отряды начинают редеть, а затем полностью сметаются с исторической сцены. Навсегда.

Победные фанфары гитлеровских генералов тоже стали фальшивить с самого начала войны. Дневник Гальдера свидетельствует об этом необычайно выразительно и — что особенно интересно — помимо воли автора. 25 июля как бы между прочим отмечено: «Непрекращающаяся война действует людям на нервы. Поэтому понятна повышенная чувствительность» (они уже заговорили о нервах!). В тот же день главнокомандующий германской армией генерал-фельдмаршал Браухич признал: «Своеобразие страны и своеобразие характера русских придает кампании особую специфику. Первый серьезный противник».

Да, перед захватчиком оказался действительно серьезный противник. Народ наш защищал свое государство, свой советский общественный строй — самый справедливый на свете, свою тысячелетнюю культуру. Война наша была истинно Отечественной войной.

Чтобы одолеть вооруженного разбойника, одной решимости мало. Нужно оружие. Оно, это совершенное оружие, у нас было... Гальдер то и дело обнаруживал для себя сюрпризы. То появится «новый русский танк, превосходящий, как говорят, немецкие» (это начали действовать славные наши «тридцатьчетверки»). 25 августа он впервые с невольным почтением поминает «сталинские органы» (так гитлеровцы именовали «катюши»).

В первую мировую войну русская армия постоянно ощущала нехватку винтовок, орудий, боеприпасов. Красной Армии это было знакомо только в первые дни после вероломного нападения врага. И теперь, во всеоружии исторического опыта, нельзя не признать, сколь мудрой и дальновидной была политика партии, нашего государственного руководства в напряженные предвоенные годы, когда вся страна, вся, сверху донизу, готовилась к отражению неизбежного удара извне. Наши трудящиеся затягивали пояса. Не все ели досыта. Патефон считался достатком, велосипед — роскошью. Так было. А на уральских и сибирских заводах лили танковую броню для будущих «тридцатьчетверок».

Гальдер, как и его предшественники, уныло повторяет слова о «фанатизме» русских. Смешно и даже, простите, глупо. «Фанатизм» Василия Теркина? Само это словосочетание нелепо, здесь можно уже ничего и не добавлять.

Не фанатизм, а готовность к суровой борьбе, к самопожертвованию — вот какие качества воспитывались в предвоенном поколении. И тут нельзя не сказать, что советское искусство той эпохи сыграло в решении этой важнейшей социально-психологической задачи огромную роль, думается, не вполне еще оцененную.

Тема защиты отечества сама возникает в сознании, когда читаешь этот шершавый генеральский дневник.

Из первых, так сказать, рук узнаешь, что именно готовили нам чужеземные пришельцы.

«Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация... Это будет «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще». (Закавыченные в тексте слова есть точное выражение самого Гитлера.)

«Киев будет превращен «в пепел и развалины» (указание Гитлера). «Половину этой работы предстоит проделать авиации. Для той части работы, которая отводится артиллерии, достаточно...» (далее следует скрупулезное перечисление потребных для сего батарей и снарядов).

«Сталинград: мужскую часть населения уничтожить, женскую — вывезти» (директива Гитлера от 31 августа 1942 года).

«Русские военнопленные (высокая производительность труда, если они физически здоровы) должны использоваться на заводах, рудниках и металлургических предприятиях...» (указание Гитлера 6 декабря 1941 года).

Довольно этих цитат.

Уничтожить наши города, превратить наш народ в рабов — вот и вся несложная программа захватчиков. Они не затрудняли себя изобретением всяких там «моделей» (нас даже похваливали, как будущую рабочую силу: «высокая производительность труда», ценные, дескать, трофеи, эти русские!). Но и в самом деле довольно. Наш народ очень хорошо усвоил, что захватчики и интервенты всегда, под любыми знаменами, с какими угодно лозунгами и посулами приносили на нашу землю только страдания и жертвы. И ничего более.

...Что ни говори, а конец венчает дело.

Опадали листья в подмосковных рощах осенью сорок первого года. Опадали раньше времени, опаленные огнем, сбитые пулями и осколками. И на осенних подмосковных дорогах забуксовала вражеская военная машина. Вот уже Гальдер начинает нервничать:

«Войска теряют доверие к своему командованию. Понизилась боевая мощь пехоты!» Затем делается мрачен: «Войска охвачены апатией. Обстановка очень серьезная».

Пришла зима. Генерал отметил это в следующих строках: «Населенные пункты сжечь. У местного населения отобрать теплую одежду».

А затем наступил разгром. И после леденящих душу описаний наших отступлений и потерь, после страшных картин разорения и поругания родной земли, наконец, наконец-то наступает час возмездия! В дневнике читаем: «Очень тяжелый день!» Многозначительная запись эта сделана 25 декабря 1941 года.

Но то было только начало. Вскоре генералу пришлось вздохнуть без перерыва: «29 декабря. Очень тяжелый день», «30 декабря. Снова тяжелый день!», «31 декабря. Очень тяжелый день!».

Наступил Новый год, а вслед за ним на фронт пришло недолгое затишье. И теперь Гальдер с явным удовлетворением записывает: «24 февраля. В целом удивительно спокойный день!», «25 февраля. На всем фронте — удивительно спокойный день», «26 февраля. В общем очень спокойный день!». Теперь он доволен этим «спокойствием». Впервые за два с половиной года войны, считая с сентября 1939-го...

Дневник обрывается в разгар великой битвы под Сталинградом — фюрер снял педантичного автора дневника за неудачи на фронте.

На военных картах все, казалось, обстояло хорошо для захватчика, дивизии Паулюса в то время еще двигались к Волге. Но вот что любопытно: если из всех документов минувшей войны остался бы только этот недописанный дневник, то и тогда, прочтя его, будущие историки сказали бы твердо и определенно: Гитлер будет разгромлен. Даже сквозь ограниченное, узкое восприятие прусского генштабиста становится ясно: эту страну, этот народ нельзя покорить никакими силами.

Хороший конец в книге Гальдера!

А вот еще одна книга с хорошим концом. Она как бы продолжает предыдущую в самом существенном

ее смысле. Только география там совсем другая: не Запад, а Восток. И не просто Восток, а Дальний.

Более полувека назад Ленин узнал радостную весть: Красная Армия освободила Владивосток от белогвардейцев и интервентов. Тогда же он произнес слова, в которых звучал характерный ленинский оптимизм: «...Ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький...»

Да, любой край нашей отчизны, даже самый отдаленный,— заснеженные горы, горячие пески пустынь, безлюдные берега холодного моря — все они, эти края, «нашенские»! И безнаказанно покушаться на них никогда и никому не позволялось...

Однако покушались...

Неисчислимые природные богатства Дальнего Востока издавна привлекали внимание японских самураев. Им удалось нанести поражение больной, одряхлевшей царской России в 1905 году. Временные (и случайные!) эти успехи вскружили голову генералам и политикам, возмечтавшим о создании империи «Великой Восточной Азии». В 20-х и 30-х годах не знали покоя наши дальневосточные границы, не знала покоя наша страна. И замечательная песня о том, как самураи однажды ночью решили «перейти границу у реки» — песня эта была тогда ох как злободневна!

Характерно, что агрессоры не делали особой тайны из своих планов. В 1918—1920 годах они уже доходили до Иркутска.

Однако пришлось уйти назад (не всем, правда...). Ничего, решили в Токио, попробуем еще раз, надо только получше подготовиться. И вот почти открыто обсуждаются разного рода военные, политические и экономические планы «присоединения» Северного Сахалина, Камчатки, Приморья и других территорий нашей страны вплоть до... до меридиана Омска — императорские генералы не мелочничали.

Вооруженные силы агрессора были значительные и хорошо оснащенные... А наша страна едва становилась на ноги после лихолетья гражданской войны.

В ту предгрозовую пору речь шла о самом существовании нашего народа, государства, нашего социального строя. От врагов на западе и востоке ожидать «гу-

манизма» не приходилось. И рассчитывать надо было только на собственные силы.

Да, вспоминая знаменитую песню тех лет, надо признать: переходили наши границы эти самые самураи, и переходили не раз. О боях у озера Хасан и на холмах Халхин-Гола и поныне знают у нас все. Романтически звучат эти слова: «Хасан»... «Халхин-Гол»... Свист пролетевшей мимо пули, глухой топот копыт по степи, скрип песка под сапогами... Но нет, Майн-Ридом и Фенимором Купером там не пахло (одиноким всадник рубится в пустыне с экзотическими врагами, отстреливается затерянный в лесу блокгауз). Куда там! На нашем Дальнем Востоке в конце 30-х годов шла война. Необъявленная, но самая настоящая. Вполне современная по тогдашним понятиям. Массовая. С участием многих дивизий, сотен самолетов и танков. И жертв эта война стоила немалых.

В свое время Военное издательство Министерства обороны выпустило книгу японского автора Такусиро Хаттори об истории боевых действий Японии во второй мировой войне. Это объемистое сочинение содержит множество документов и всякого рода сведений. Скажем прямо, что чтение тут не из легких. Военные документы вообще не отличаются изяществом слога, да и сам автор не слишком озабочен легкостью изложения. И тем не менее горячо рекомендуем эту книгу всем, кто интересуется историей Советского государства. Преодолев некоторые стилистические препятствия, читатель увидит — и не прямо, а как бы со стороны, что всегда особенно интересно (когда, скажем, наблюдаешь себя не в зеркале, а на киноплёнке), — читатель увидит, какую громадную, какую выдающуюся роль сыграл Советский Союз в деле разгрома японского милитаризма, этого опаснейшего агрессора на Востоке.

Автор хорошо знает события военных и предвоенных лет по собственному опыту, прослужив штабным офицером в Квантунской армии, — самой сильной из японских армий, и нацелена она была, эта армия, на Советский Союз. Свидетельство Хаттори тем более любопытно, что в своей книге он пытается задним числом оправдать действия японской военщины (на это всякий раз справедливо обращают внимание наши издате-

ли). Именно этим сочинение отставного полковника Квантунской армии особенно интересно: перед нами проходят как бы доказательства «от противного».

Буржуазные историки и публицисты написали тысячи томов на тему о том, что Советский Союз якобы не принимал (или для «объективности» — почти не принимал) практического участия в разгроме японского милитаризма. Мол, американцы уже подошли к берегам Японии, Токио был сожжен миллионами зажигательных бомб, на Хиросиму сбросили только одну-единственную бомбу, но зато атомную, все уже, дескать, стало ясно...

Такие утверждения являются безусловной ложью. Это часть общей задачи империалистической пропаганды: оклеветать прошлое нашей страны, нашего государства от первого до последнего дня его существования. Тут идет в ход и пресловутая «нормандская теория» о призвании варягов на Русь, и ложь о «завещании Петра Великого» — фальшивка наполеоновских времен, где русскому народу приписывается идея мирового господства (1), — эту пропагандистскую находку подхватил потом Гитлер. И так далее, и так далее. В этом же ряду стоит и провокационная ложь о фактическом неучастии СССР в войне с Японией.

Скажем сразу, что наиболее, так сказать, «заинтересованная» сторона — сами японские милитаристы отлично понимали решающее влияние Советского Союза на исход войны. Приведем здесь лишь одно, но в высшей степени весомое свидетельство.

Как известно, СССР вступил в войну в ночь на 9 августа 1945 года. Уже 17 августа император обратился ко всем солдатам и офицерам своей армии. Вот полный текст этого весьма выразительного документа: «Со времени объявления войны Англии и Америке прошло 3 года и 8 месяцев. Все это время наши доблестные солдаты и моряки не щадили жизни на полях жестоких сражений и в бушующем океане, и мы испытываем к ним чувство глубокого уважения за это». Итак, дела шли не очень хорошо, но воевать еще можно было. Но читаем далее: «Теперь, когда в войну вступила Россия, дальнейшее продолжение войны с точки зрения внутренней и внешней обстановки в нашей стране повлекло бы за собой новые жертвы и стра-

дания и могло бы привести к потере основ нашей империи». Вот оно, главное, что решило исход войны! «Поэтому (знаменательное «поэтому»! — С.С.), несмотря на высокий боевой дух нашей армии и флота, я обратился к Америке, Англии и России с предложением заключить мир».

Это, так сказать, финал трагедии, последнее слово в последнем акте. Но исторический приговор тот готовился долго, он стал естественным следствием упорных и героических усилий нашего народа. Книга бывшего полковника японской императорской армии дает в этом смысле необычайно богатый материал.

Итак, сражения под Халхин-Голом закончились разгромом большой японской группировки. Поражения учат. Самураи на собственной, так сказать, шкуре убедились, что Россия теперь совсем не та, что в 1904 году. Пришлось делать практические выводы.

В сентябре 1940 года был назначен новый посол Японии в СССР, ему прямо ставилась задача: урегулировать советско-японские отношения. Уже 13 апреля следующего года в Москве был подписан пакт о нейтралитете: «Обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны».

Хаттори комментирует этот важнейший дипломатический документ так: «Заключением указанного пакта Япония в политическом отношении обезопасила свой северный фланг». В Токио, следовательно, стремились теперь «обезопасить» себя с севера. Мечту о выходе на «меридиан Омска» пришлось отставить.

Благодаря действиям советского политического руководства, как раз накануне смертельной схватки с Гитлером, наше государство смогло в известной степени добиться стабильности на дальневосточных границах. Именно «в известной степени», так как разбойничья природа японского милитаризма ничуть не изменилась. Однако, подобно всем разбойникам, самураи предпочитали грабить тех, кто послабее. То, что «север» оказался крепким орешком, они уже знали. А вот на юге, в теплых морях лежат богатые колонии Фран-

ции, Голландии, Англии... Их хозяева разбиты или ослаблены Гитлером. Не пора ли? На юг или на север?

Настало 22 июня 1941 года. В Токио внимательно следили за ходом советско-германской схватки. Трескучие сводки Геббельса не особенно впечатляли японских генералов, силу нашей армии они знали сами. Но соблазн все же был велик. И вот через несколько дней после начала войны в Токио приняли тайное решение: выступить против СССР в первой декаде сентября и... закончить войну «до наступления холодов». Победой, разумеется.

Но нет. Слишком скоро наступление Гитлера захлебнулось. Под Мурманском и Ленинградом, под Смоленском и Киевом уже в середине июля фашистские армии были задержаны, и надолго. Так на широких просторах России японским милитаристам был преподан еще один урок. Впечатление оказалось сильным. 9 августа императорская ставка принимает решение: «Отказаться от плана разрешения северной проблемы в 1941 году». Наступать было решено в сторону «южных морей».

И вот 26 ноября под покровом вечерних сумерек с Курильских островов (отнятых в свое время у России) вышло в море ударное авиационное соединение, чтобы нанести внезапный удар по Пирл-Харбору. Война на Тихом океане началась.

Ход этой войны освещен в книге очень подробно. На русском языке нет пока более обстоятельной работы на эту тему.

Вот на что, в частности, хотелось бы обратить внимание. Как все-таки легко достались самураям их успехи в «южных морях»! Противник оказался тут совсем не тот, что у озера Хасан. Мощную английскую крепость Гонконг японцы взяли на восемнадцатый день осады. 31 января 1942 года армия генерала Ямасита вышла к Сингапуру — этой твердыне Британской империи в Азии. А 15 февраля сильный гарнизон Сингапура безоговорочно капитулировал. А ведь обе крепости далеко не исчерпали своих боевых возможностей — это признали позже сами англичане. Почти без сопротивления пала Манила — главная американская база на Филиппинах.

Как это не похоже на то, что мы знаем о нашей Великой Отечественной! Ленинград, Севастополь, Одесса, осажденные, держались до конца. Само слово «капитуляция» не значилось в нашем солдатском лексиконе. Нынешние фальсификаторы истории, оправдывая своих неудачливых вояк, вздыхают: да, в Гонконге и Сингапуре имелись большие гарнизоны, огромные припасы, да, но ведь эти крепости не готовились к обороне с суши... Как будто готовились загодя окопы и противотанковые рвы вокруг Ленинграда или Одессы! Наш народ создал их уже под ударами врага. Вот что значит отечественная война.

Еще обратим внимание вот на что: наступление Японии было бы куда мощнее, если бы... если бы не СССР. Императорская ставка держала в Маньчжурии огромные силы. Численность Квантунской армии на 1 января 1942 года составляла 1 100 тысяч солдат, то есть 35 процентов всей тогдашней японской армии! И это в разгар наступления! А если предположить: ну, если бы этот миллион отборных солдат был брошен против Индии или Австралии? Как тогда пошла бы война на Тихом океане? Впрочем, предположения не дело историка.

Где бы ни сражались императорские войска, в Токио все время косились в сторону «севера». По мере сил там старались внимательно следить за тем, что происходит в нашей стране. Оценки внутреннего положения Советского Союза в документах, приводимых в книге Хаттори, в высшей степени характерны.

7 марта 1942 года: «Продовольствия в стране имеется в достаточном количестве. Народ глубоко верит Сталину, дух армии и народа в настоящее время очень высокий».

7 ноября 1942 года: «Политическая власть остается непоколебимой, боевой дух армии и народа сохранится на нынешнем уровне и впредь».

27 февраля 1943 года: «Политическая власть в стране по-прежнему прочна, боевой дух и воля к сопротивлению армии и народа высоки».

Да, боевой дух нашего народа был непоколебим. Любопытно получить еще одно подтверждение этого очевидного для нас факта из уст врага.

Летом 1942 года немецко-фашистской армии уда-

лось развернуть новое наступление против Советского Союза. Гитлеровское руководство прекрасно понимало (получив уже соответствующий опыт на Восточном фронте), что именно наша страна является самым опасным для фашистского блока противником. Именно по этой причине Берлин изо всех сил науськивал своих токийских союзников против СССР.

Хаттори свидетельствует: «20 июня от японского посла в Германии Осима пришла телеграмма: министр иностранных дел Риббентроп требует, чтобы Япония в ходе советско-германской войны выступила против Советского Союза. Но у Японии в этом отношении политика оставалась неизменной. 25 июля было созвано совещание Совета (высшая административная инстанция при императоре — С. С.) для обмена мнениями по данному вопросу.

Совет решил:

Японская империя будет твердо придерживаться намеченного курса в отношении северного направления и, ведя подготовку на непредвиденный случай, будет всеми силами стремиться не допустить японо-советской войны».

Да, в Токио понимали, что значит воевать с Советским Союзом... Нет уж, побеждайте эту страну сами!..

Отгремела великая битва под Сталинградом, за которой, затаив дыхание, следил весь мир — и друзья и враги нашей страны, ибо там, именно там, решалась судьба мира. 2 февраля 1943 года остатки армии Паулюса капитулировали. Хаттори пишет: «С этого момента инициатива на советско-германском фронте полностью ушла от немецких войск. Именно это (!) в корне перевернуло планы трех стран (то есть Германии, Италии и Японии.— С. С.), рассчитанные на покорение Англии путем совместных активных действий в направлении Индии и Аравии».

Да, именно так: великая победа под Сталинградом коренным образом повлияла на весь ход второй мировой войны. Для самурайской военщины отныне начался медленный, но неумолимый путь к полному поражению.

И вот наступил закономерный финал: настал час расплаты за все беды, которые принесли нашей стране японские милитаристы.

В августе 1945-го срок настал. В своем обращении к народу 2 сентября 1945 года Верховный главнокомандующий сказал об этом: «Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам... Они нанесли серьезный ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии».

Счет этот должен был быть рано или поздно предъявлен. «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции».

Западные авторы очень любят писать об атомной бомбе, уничтожившей жителей Хиросимы. Слова типа «решающее событие», «исторический день» и т. п. пестрят здесь густо. Но вот что бросается в глаза в строго документированной книге Хаттори: оказывается, никакого особенного устрашающего впечатления на Японию бомбардировка эта не произвела — чудовищный характер нового американского «изобретения» народы мира осознали позже. А вот о развитии событий на «севере» в Токио следили с пристальным и тревожным вниманием.

В 00 часов 9 августа мы начали наступление на Дальнем Востоке. В документах японских генералов и политиков той поры, обильно представленных в книге, звучит одно и то же: «Это катастрофа... теперь все кончено...»

Квантунская армия насчитывала тогда 1200 тысяч солдат, 2 тысячи самолетов, более 5 тысяч орудий и тысячу танков. И эта махина была разметена Советской Армией в несколько дней. Потери врага составили 677 тысяч человек — это было самое крупное поражение Японии в сражениях второй мировой войны. Самое крупное — эти слова следует подчеркнуть.

Вторая мировая война, в ходе которой наша страна внесла решающий вклад на Западе и на Востоке, завершилась полным поражением агрессоров. Советскому народу есть чем гордиться. Нашим врагам есть о чем помнить.

Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!

К такому, и только такому, выводу подводит читателя подлинный фактический материал об истории и

предыстории великой войны. Наше дело правое — вот почему на нас работает любая добросовестно установленная истина. А нашим врагам приходится прибегать к подтасовкам и фальсификациям.

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

О жизни пограничных застав у нас созданы фильмы, поставлены спектакли, написаны звучные стихи, поются прекрасные песни. Напряженная, истинно мужская страда наших пограничников сделалась неотъемлемой частью народного быта, и частью почитаемой, окруженной уважением и признанием.

Граница и Боец, стоящий на границе, стали у нас символическими, монументальными понятиями.

Наше искусство лишь отражает — более или менее успешно — этот безусловный факт народного самосознания.

Явление такое следует признать уникальным. Ни в одной стране мира не заметно ничего подобного. Можно, конечно, попытаться объяснить это «географическим фактором»: дескать уж больно протяженная у них (у нас то есть) граница, вот по этой причине и забот много...

Ох уж это пресловутое «географическое пространство»! На него всегда ссылаются, когда более нечего сказать, как ссылались на него соратники Наполеона или Гитлера, писавшие на склоне лет оправдательные мемуары. Разве мы не знаем государств и империй, где длина границ была не менее, а то и больше нашей? Например, в Британской империи во времена Киплинга, то есть в совсем недавние для нас времена: певец «белого сагиба» скончался примерно в ту пору, когда в нашей стране начали петь «на границе тучи ходят хмурые»...

Киплинг много писал о делах военных, он был, так сказать, армейский поэт, и «подвиги» британских колонизаторов описывал талантливо, со вкусом. А вот образа Границы, как в нашем искусстве, у него нет. Нет даже намек.

На картах мира цвет нашей Родины всегда выделяется как яркое красное пятно. Долгие годы этот крас-

ный остров был одинок на земном шаре. И защищая весь трудовой мир, пограничники старшего поколения сознавали это. Сегодняшним советским пограничникам легче, у них есть верные товарищи по оружию в других братских странах, но традиция отцов — стоять насмерть на границе, как на последнем рубеже, — эта традиция жива.

Вот почему простое слово «граница» имеет в нашем искусстве значение художественного и политического образа.

В последние годы сделано громадное дело: опубликована серия сборников по истории пограничных войск СССР. Теперь, когда это многотомное издание закончено, у нас появился не только прекрасный повод, но и прекрасный материал для разговора о Границе с большой буквы. Об острейших социальных и политических проблемах, с ней связанных. О тревожных боевых делах, которые случались там постоянно и о которых нельзя было говорить вслух. О людях, стоящих на границе.

Если к истории погранвойск подбирать эпитафию, то им, безусловно, должны стать ленинские слова: «Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы». Сказано с обычной для Ленина прямоотой и недвусмысленностью: да, мы государственники, а не безродные космополиты, и никогда не станем делать свои границы «прозрачными». А ведь находились тогда, в первые часы революции, иные темпераментные товарищи, которые требовали немедленной ликвидации всех и всяких границ во имя ложно истолкованного интернационализма; их было немного, но шумели они громко. Ленин твердо сказал им нет, и с тех пор наши границы легкопроходимы (и «прозрачны»!) только для истинных друзей.

Практика организации пограничной охраны родилась не сразу. Молодому Советскому государству приходилось идти неизведанным путем. С весны 1918 года, когда возникли первые отряды по охране границы, они подчинялись... народному комиссару финансов, а бойцы набирались подчас по вольному найму. Это был детский возраст погранвойск, но «младенец» оказался крепок и быстро мужал.

Очень скоро практика показала, что охрана рубежей есть дело военное, а не финансовое. Уже 18 июня 1919 года Совет Рабоче-Крестьянской Обороны постановил передать погранвойска в ведение военного ведомства. Боевая страда на границе сделала вскоре очевидным и тот факт, что пограничники — это не только солдаты, но контрразведчики: они борются с диверсантами, шпионами, вражескими агентами, они — чекисты. 24 ноября 1920 года произошел дальнейший логический шаг в строительстве погранвойск: все они подчинились Особому отделу ВЧК по охране границ. Во главе отдела стоял тогда В. Менжинский — ближайший сподвижник Ф. Дзержинского.

Такая организация дела вполне оправдала себя за последующие полвека, а «проверка» тут была куда как серьезной. Правда, в 1922 году была сделана попытка передать погранвойска в ведение армии, но очень скоро выяснилось, что такая мера оплошна: армейские части не имеют специальной подготовки для охраны рубежей. И вот 27 сентября 1922 года постановлением Совета Труда и Обороны создается Отдельный пограничный корпус, подчиненный органам государственной безопасности. Эта структура, созданная при Ленине и Дзержинском, в принципе сохранилась до наших дней.

Тяжела была служба на границе в то суровое и героическое время. В сборнике опубликованы фотографии той поры. Подлинный фотоснимок не менее интересный документ, чем отчет или рапорт, а подчас и более выразительный. Вот групповой портрет пограничников: поношенные шинели, гимнастерки не первого срока, обуты кто во что горазд... А оружия всего-то наган, трехлинейка да шашка. На другом снимке — неуклюжее деревянное здание с подслеповатыми окнами, кругом ни ограды, ни газона, ни деревца — застава того времени. Да, суровы были первые годы на границе...

Но именно тогда сложились и закрепились те замечательные традиции пограничной службы, что живут и по сию пору. Документы точно и подробно повествуют о юности погранвойск, и следить за этой повестью необычайно интересно.

Тогдашние пограничники были молоды, но уже успели получить боевую закалку в ходе гражданской

войны, да еще какую. В этом смысле они были хоть и юны, но куда как боевиты. Например, еще в 1921 году на границу с Румынией стала 51-я дивизия — одна из самых знаменитых частей Красной Армии, которой командовал Василий Блюхер. Бойцы дивизии, сформированной в Сибири, в свое время громили Колчака, обороняли Каховку, штурмом брали Перекоп. Да, боевого опыта этим молодым пограничникам было не занимать!

Они быстро научились специфическим навыкам службы на границе. Они и их сверстники на других рубежах Родины. И очень скоро доказали это непрошеным гостям.

Двадцатые годы — годы становления. Во всем. Для нас еще с детства боец-пограничник всегда представляется с собакой. Вспомним хотя бы легендарного Карацупу (ныне здравствующего, кстати говоря). И что же? Оказывается, собаки появились на границе сравнительно недавно, в середине 20-х годов. Более того, «собачья история» проходила не совсем гладко. Официальный отчет свидетельствует: «Появление собак на границе первое время сопровождалось недоверчивым к ним отношением со стороны личного состава пограничной охраны. Личный состав погранохраны, в особенности начальствующий, относился первое время к работе собак с предубеждением, рассматривал появление собак на границе как пустую трату средств и никчемную, никому не нужную затею...

Собаки вместо работы на границе, как правило, содержались при управлении погранотрядов и на границу не выпускались. Работа проводников собак искусственно затруднялась, собаки ставились в чрезвычайно тяжелые условия жизни (не было помещений для жилья, не изготовлялась особая пища, не было регулярной ветеринарной помощи)».

Как видно, появление собак на границе — дело серьезное и совсем не романтическое («особая пища» и т. д.). Ясно, что не каждому хотелось со всем этим возиться. Зато потом собака стала незаменимым другом пограничников. Например, об овчарке со звучной кличкой Вотан в одном официальном документе рассказана целая повесть. И какая повесть!

В ту пору дел у пограничников хватало. Долго

еще на окраинах страны бродили остатки белогвардейских и националистических банд. Некоторые из них укрывались за рубежом и действовали оттуда, бороться с ними было особенно трудно.

В Средней Азии шли упорные схватки с басмачами, порой они перерастали в настоящую войну, изнурительную и кровавую.

Свергнутые народом правители ханств и эмиратов мечтали о возвращении старого. Им помогали разного рода европейские джентльмены, подкидывали оружие, подзуживали на борьбу против нашего государства. Пограничники как-то перехватили письмо бухарского эмира, укrywшегося за рубежом, к одному из басмаческих главарей. Документ этот любопытен не только по стилю, здесь видно, сколь серьезные ставки разыгрывались в среднеазиатских песках.

Эмир писал: «Ваше превосходительство, верный и храбрый вождь мулла Ибрагим-бек, бей, диван беги, ляшкер баши, топчи баши, газии». (Это означает сразу: ученый богослов, помещик, господин, министр, главнокомандующий, начальник артиллерии, борец за ислам.) «Недалек тот момент, когда я возвращусь на свою благословенную родину. Надеюсь, что я тогда лично Вас осыплю своими милостями. Передайте от меня всем начальствующим лицам юзбаши, всему командному составу и всему благородному мусульманскому народу мой искренний привет и поддержите в них уверенность, призывайте всех напярчь все свои силы для защиты ислама и всех действовать единым сердцем и едиными устами, возносите молитвы к богу, возносите молитвы за всех мусульман».

Нет, не вернулся эмир бухарский на землю советской Средней Азии, земля эта, с братской помощью великого русского народа, действительно стала благословенной. Корреспондент эмира «милостей» не дождался, а вот пограничная пуля не миновала ни его самого, ни его головорезов. Пограничные войска сыграли решающую роль в разгроме басмачества, обеспечив нашим среднеазиатским народам мир и покой. Документы, рассказывающие об этой борьбе, читаются с захватывающим интересом.

Какие только враги не пробовали тогда прочность молодых советских границ! Например, из отребья

белоземгрантов в Маньчжурии (на деньги самураев) возникла так называемая всероссийская фашистская партия (ВФП). «Партия» была малочисленная и убогая, она так и осталась бы опереточной, комической бутафорией, но... Дальневосточным пограничникам следовало держать ухо остро, ибо обезумевшие отщепенцы готовы были на все, злоба душила их и толкала на самые чудовищные авантюры. Порой они кончались перестрелкой, лилась кровь, и кровь не только диверсантов...

А контрабанда! О, в 20-е годы контрабандный промысел, как ранее эпидемия тифа, полыхал вдоль всех наших рубежей. Оно и понятно: хозяйство страны было в разрухе, люди жили скудно. Хлеб стоил дорого, а голодные люди ценностей не берегут, не до того. Вот и возникала возможность у разного рода гешефтмахеров по дешевке скупать наше золото, пушнину, драгоценные камни... Контрабандисты 20-х годов шли с оружием в руках. А встречали их пограничники.

Чего только не находили в контрабандистских тюках! В начале 20-х годов к нам тайно перевозили даже... водку.

Впрочем, что водка... Это, так сказать, шутки границы, а вот уже полный контрабандный реестр: «ленты, кружева, ботинки, что угодно для души». У некоего иностранного гражданина, пересекающего границу в районе Новороссийска, при обыске нашли:

а) В старом кожаном чемодане были обнаружены двойные стенки из фанеры, сбитые по краям планками толщиной в 1 см. Между стенками оказались сложенными 8 шт. лакированных кож и 8 шт. кож цветного шевро. В одной же ручке того же чемодана, обитой тканью и кожей, было обнаружено 9 позолоченных цепочек для часов.

б) В каблуках старых ботинок, находившихся в чемодане, оказались искусно выдолбленные и вновь заделанные помещения: в одном в середине ботинка, замаскированном стелькой, а в другом, заклеенном снаружи резиной, было обнаружено 8 шт. женских и 2 шт. мужских часов, из них 2-е золотых и 2-е серебряных.

в) Наконец, при личном досмотре... было обнаружено под пальто, поверх шерстяного ватина и сатино-

вой подкладки, 26 шт. кож кролика, выделанных под котика, подшитых на живую нитку; в голенищах надетых на нем сапог оказалось 3 куска кожи шедро и две пары скроенных голенищ, подшитых в виде подклейки; в каблуках же этих сапог в специально выдолбленном потайном помещении было обнаружено 3 шт. женских и 1 шт. мужских часов, из них двое серебряных и одни позолоченные».

Порой донесения о задержании контрабандистов напоминают сказки о путешествиях Синдбада или о пещере Али-Бабы.

Вот такое, скажем: «Однажды в наших водах была задержана обыкновенная рыбацкая фелюга с обыкновенными на вид рыбаками. «Мы могли бы погибнуть от шторма, но русские матросы спасли нам жизнь»,— говорили на допросе иностранцы.

Рано утром старшина группы мотористов Петр Соколов обратился к своему командиру: «Не нравятся мне эти рыбаки...»

Вскоре удалось установить, что полая мачта фелюги заполнена золотом. Соколов на этом не успокоился. «У них еще где-то есть золото». Внимание его привлек деревянный кол, за который был пришвартован конец фелюги. Подозрения Соколова оправдались. Деревянный кол внутри был тоже заполнен золотом...»

Каждый день на границе гремели выстрелы. То здесь, то там. Что там Дальний Запад, ковбой — оперетта, не более! Вот подлинное событие: «Дозор под командой т. Плоца в составе красноармейцев тт. Игнатова, Сизова, Савинкова, несмотря на большую усталость и снежные заносы на перевалах Яман-Икке, принял неравный бой с группой контрабандистов около 100 человек, в результате коего убито 9 контрабандистов и захвачено 64 контрабандиста, 199 лошадей, 360 тюков и 53 куржума с товарами, 100 кошем и ватных одеял, 4 винтовки и 2 дробовых ружья с огнеприпасами».

Итак, четверо бойцов против ста — куда тут великолепной киносемерке! И они задерживают огромную банду и берут ее в плен. А главное — тут не детектив, не беллетристика, а самая доподлинная реальность. Реальность, которая была в ту пору повседневностью, бытом пограничной жизни. Поистине героинка нашей

границы еще не дождалась своих писателей и сценаристов.

Цитируемый выше документ заканчивается фразой: «Красноармейцы тт. Сизов и Савинков приказом ОГПУ награждаются серебряными часами каждый, с надписью «За храбрость от Коллегии ОГПУ». Часы с такой надписью — это по тем временам награда из самых почетных.

Да и служили пограничники не ради наград, они просто защищали интересы Советской власти, интересы Родины.

Шли годы. Вопреки всем истерическим пророчествам и «ученым» приговорам наша Родина, наша Советская власть мужала и упрочалась. Крепло и молодое детище советского народа — наши Вооруженные Силы.

Исчезли подслеповатые хибары старых погранза-став. Появились броневики и мотоциклы, прожектора, автоматическое оружие. Неизменным осталось одно: безмерное мужество защитников наших рубежей, готовность к самопожертвованию, священное чувство неприкосновенности пограничной черты.

А война уже громоздилась у границ — и на западе, и на востоке. Гитлер и самураи мечтали поделить меж собою нашу страну. Страна знала об этом и готовилась к войне. И в передовом дозоре стояли пограничники. В конце 30-х годов, перед самой войной, вышел на экран и стал очень популярным фильм с символическим названием «Граница на замке».

Это название было в ту пору крылатой фразой. А в недавние времена некоторые наши любители обличать все задним числом стали упоминать ту самую фразу не иначе, как с иронической ухмылкой: и со всем, дескать, не на замке-таки была граница, а даже наоборот; так-то вот, мол...

Да, народ наш в ту пору чутко прислушивался к событиям на границе. И было отчего. Тревожной, крайне напряженной атмосферой отмечено то время. Коричневое пятно фашистской агрессии все шире растекалось по Европе, вплотную подползая к нашим рубежам. В заснеженных северных лесах шли бои с белофиннами. На Ближнем Востоке, у южных границ нашей страны плели опасные интриги империалисти-

ческие державы. И наконец — Дальний Восток. Японская военщина вот уже который раз пытается прошупать кривой самурайской саблей прочность наших рубежей. По существу, на Дальнем Востоке шла необъявленная война. На наших границах — бои каждый день. И каждый день — жертвы...

«26 ноября с. г. в 22.00 пограничный наряд 6-й заставы Рава — Русского пограничного отряда заметил трех нарушителей, двигавшихся со стороны Германии. При попытке задержания двое нарушителей залегли в канаву и открыли огонь по наряду. Третий нарушитель в это время побежал обратно к границе и, пользуясь близостью ее, несмотря на преследование со стороны наряда, скрылся в Германию... Несмотря на предложение нарушителям сдаться, они продолжали стрелять по пограничникам из карабинов и бросили ручную гранату. В результате перестрелки один нарушитель убит, второй ранен. С нашей стороны легко ранено три человека». Год — 1940-й, граница — западная.

А вот граница восточная: «14 февраля в 16.00 пограничный отряд заставы «Павловская» в составе красноармейцев Кокушкина и Денисенко в районе высоты 123,0, что в 8 км северо-западнее с. Турий Рог, обнаружил в 60 м от линии границы двух японских солдат, перешедших на нашу территорию с целью захвата колхозников, прибывших за сеном. Пограничники Кокушкин и Денисенко на расстоянии 200 м по японцам открыли огонь. Завязалась короткая перестрелка, в результате которой один японский солдат был убит, второй, раненый, отстреливаясь, скрылся на территорию Маньчжурии... С нашей стороны потерь нет. Прострелен шлем красноармейца Кокушкина». Тот самый романтический остроконечный шлем, в котором наши отцы и старшие братья встретили Великую Отечественную... Повезло Кокушкину: диверсанты стреляют метко...

Мы процитировали два документа. Два из 807, собранных в книге. 807 беспристрастных свидетельств мужества, самоотверженности и стойкости наших пограничников. «Сюжет» этой книги занимателен необычайно.

Любители динамических приключений в достатке

найдут здесь описания жестоких перестрелок, лихих погонь, отчаянных рукопашных схваток.

Вот хотя бы один пример: «...наряд Жуковского, достигнув берега реки Аму-Дарья, что в 100 м от линии границы, решил вести наблюдение за рекой, приказав красноармейцу Гуркину отвести лошадей в сторону. Жуковский расположился на насыпи арыка и стал вести наблюдение за рекой в сторону границы. Минут через 20 Жуковский услышал тихий шорох в камышах по направлению к линии границы. Приняв шорох за подозрительное явление, Жуковский... стал двигаться в сторону шороха. Пройдя метров 30, Жуковский в камышах увидел стоящего человека, который вел наблюдение за рекой. Решив, что поскольку неизвестный стоит недалеко от него один и ведет наблюдение, значит, в этом районе должна быть группа, поэтому немедленных мер к задержанию неизвестного не принял, а решил вести наблюдение с целью выяснения полной обстановки. Минуты через 4 Жуковский, наблюдая за неизвестным, услышал со стороны берега скрип и шипение. Услышав этот звук, стоявший неизвестный быстро направился к берегу, и тут же за ним бросился Жуковский»...

Но тут мы намеренно оборвем рассказ на самом драматическом месте. Все, кто захочет узнать исход ночной схватки в камышах амударьинского берега, пусть прочтут документ № 545.

подавляющее большинство публикуемых материалов впервые обнародованы в сборниках. Тридцать лет хранились эти секретные и совсекретные донесения в архиве. И понятно: события на границе — это дела огромной государственной важности. Обо всех происшествиях на любой из бесчисленных застав немедленно летело сообщение в Москву, в Наркомат внутренних дел. Важнейшие из них направлялись НКВД сразу в несколько адресов: в ЦК партии, Совнарком, в Наркоматы иностранных дел и обороны. Об этих донесениях и о том, какие меры в связи с ними принимались, знали немногие. То была важнейшая государственная тайна. О каждодневных подвигах наших пограничников газеты сообщали скупно, а если и сообщали, то в самой общей форме. Иначе нельзя было. Но вот теперь мы можем, наконец, получить самый до-

стоверный и скрупулезный отчет о драматических событиях на наших рубежах.

Читая документы сборников, нельзя не поразиться масштабу этой борьбы, нельзя не оценить самоотверженность наших молчаливых и скромных пограничников, каждый из которых в любой миг мог пасть от предательского выстрела. И еще: нельзя не склонить голову перед памятью тех самых костромских, рязанских, полтавских и всех иных ребят, не вернувшихся с дозора, тех, чьи тела легли в землю вблизи наших пограничных столбов.

Сверстники живых и павших, покончив дела, собирались на танцы, шли на стадион, в кино, а часовые границы в дождь и туман, в зной и метель выходили в дозоры. И искали врага...

Враги пытались проникнуть к нам со всех сторон. В ту пору Советский Союз был единственным социалистическим государством, и пограничники имели вполне конкретное представление о том, что называлось академическим термином «капиталистическое окружение». Известно, что цифры, сколь бы большими они ни были, производят на иного стороннего читателя слабое впечатление. И все же: на участке Украинского пограничного округа только за три месяца (июль — сентябрь 1940 года) было задержано 6614 нарушителей, из них 5134 направлялись к нам, так сказать, «в гости». Шесть с половиной тысяч за три месяца, то есть семьдесят с лишним в день! Это значит, что семьдесят раз в течение суток над берегами Прута, на карпатских перевалах, в лесах Галиции раздавался окрик: «Стой!», лязгал затвор, звучали выстрелы.

Нередко на границе происходили настоящие сражения. В сборнике много места уделено борьбе наших пограничников с бандами ОУН (так называлась «Организация украинских националистов»). Эти гитлеровские приспешники с помощью вермахта вооружались, обучались, а затем пытались проникнуть в наш тыл для проведения шпионско-диверсионной деятельности. В столкновениях с этими бандами принимали порой участие целые подразделения пограничников и частей Красной Армии. Как загнанные звери металась оуновские шайки по лесам Западной Украины. Осенью 1940

года закордонный центр ОУН («Краковский провод») дал команду своим активистам переходить в оккупированную немцами Польшу, дабы сберечь «кадры» от полного уничтожения. И вновь документы сборника скупно и деловито рассказывают, как пограничники истребляли бандитов при попытках их прорваться через границу.

Ожесточенные бои с применением всех видов оружия были постоянным явлением на наших дальневосточных границах. Нет, речь идет не об известных сражениях у озера Хасан или на Халхин-Голе. По всей нашей границе с Маньчжурией, на необъятных просторах нашего тихоокеанского побережья японские милитаристы постоянно совершали провокационные нападения. И надо сразу сказать — сдачи они получали. Наши пограничники превосходили врага по всем статьям. В июне 1939 года Посьетский погранотряд отбил очередное нападение японцев. Командование отряда могло с полным основанием заявить, что «японские самураи не в состоянии выдержать серьезного столкновения с нашими частями, довольствуясь стычками с мелкими пограничными нарядами, против которых выбрасываются вооруженные группы, в 10—20 раз превосходящие по численности, но неоднократно уступающие по храбрости, решительности и упорству в бою».

В постоянном напряжении жили и работали тогда люди на нашем побережье Тихого океана. Японские суда при поддержке своего военно-морского флота вели хищнический лов рыбы в наших территориальных водах, совершали грабительские нападения на лежбища котиков на Камчатке, мешали работе наших рыбоконсервных предприятий. Молодой Тихоокеанский флот был тогда много слабее японского. Однако морские пограничники с величайшим мужеством защищали свои рубежи. Нельзя без волнения читать, как маленький советский катер был окружен тремя японскими эсминцами, которые пытались якобы «случайно» протаранить легкий пограничный корабль. Экипаж катера в критическом положении не поддавался панике, проявил выдержку и мастерство. Нервы у наших моряков оказались крепче, и японский отряд вынужден был ретироваться. Несмотря на огромное неравенство

сил, советские моряки неоднократно захватывали японские суда, пробравшиеся в наши воды, брали в плен их экипажи.

Особый интерес вызывает раздел о действиях пограничников на южной границе нашей Родины. Здесь опять-таки вспоминаются популярные кинофильмы 30-х годов: «Джюльбарс», «Тринадцать». В безводных пустынях, в диких, непроходимых ущельях несли боевой дозор наши бойцы. В этих глухих местах то и дело вспыхивали ожесточенные схватки с группами диверсантов и контрабандистов (здесь эти «профессии» обыкновенно совпадали). Вот отрывки из двух будничных, самых обычных, ничем особенным не выделяющихся донесений:

«Наряд под командой майора Прияжнюка смелыми, решительными действиями убил четырех бандитов и трех захватил живыми. При этом изъято: 4 винтовки, два пистолета, 1 бинокль, 154 боевых патрона и 83 кг опиума. Среди убитых оказался и главарь банды Мамед Нияз оглы».

«Наряд т. Скала решительным броском овладел препятствием, занял выгодные позиции и вступил в бой. В результате убито шесть бандитов. Изъято: 2 винтовки, 1 пистолет, 54 боепатрона, 1 бинокль и разный товар. Среди убитых оказался известный главарь банды Анна Мамед Молла»...

Опиум. Это слово встречается в донесениях пограничников очень часто. Вооруженные бандиты готовы были пойти на любое преступление, чтобы пронести через нашу границу свой дьявольский «товар». Но не часто им удавалось осуществить это благополучно, немало предприимчивых «купцов» нашли свой конец под пулями пограничников. И вот теперь еще немного статистики: за сданный в конторы Лаккрастреста конфискованный на границе опиум было получено государством в 1937 году 96 тысяч рублей, в 1938-м — 113 тысяч, в 1939-м — 135 тысяч, в 1940-м — 145 тысяч рублей.

Стоимость кило-процента морфина составляла тогда 12 рублей 85 копеек. Кто интересуется, пусть попробует подсчитать, сколько центнеров страшного наркотика захватили наши пограничники за это время.

Пограничная служба не терпит слабых. Погранич-

ная служба воспитывает в людях отвагу, мужество, выдержку. Так уж издревле повелось на рубежах нашей Родины. Границу нашего Советского государства стерегут такие же лихие и крепкие духом люди. В сборнике читатель найдет поистине бесконечное число примеров самоотверженного исполнения ими своего долга.

Сборники документов — не легкое чтение, это не роман «про шпионов», не рассказы из библиотеки военных приключений. Конечно, читать строгий и суховатый текст боевых донесений труднее, чем беллетристику. Однако мы смело рекомендуем такого рода книги самому широкому кругу читателей, всем, кто интересуется военной и внешнеполитической историей нашей Родины. Ибо читатель прикоснется к подлинным, к самым-самым достовернейшим материалам героической эпопеи — охране нашей границы. Это все равно, что прикоснуться к музейным экспонатам: вот маузер — из него вели огонь по бандитам... вот пробитый пулей шлем... вот кинжал плененного врага... Да, все «вещи» в этом сборнике подлинные.

А теперь самое время ответить на вопрос, была ли наша граница «на замке» перед 1941 годом, надежно ли прикрывалась она? Ну что ж, если бы самоуверенные японские самураи, оуновские бандиты, торговцы опиумом, гитлеровские шпионы и диверсанты — все те, кто сложил свои головы на наших рубежах, — если бы они вдруг смогли восстать из праха и ответить на этот вопрос, внушительный хор голосов сказал бы нам: «Да, ваша граница была на замке!..»

Весна 1945-го... Победа! Все, кто пережил несравненное 9 мая, не забудут этого до конца дней своих. Победа! Война кончилась!

Кончилась... Но везде ли, для всех ли?

«В последнее время в нашей пограничной полосе отмечается повышение активности банд. Только за 24—25 мая имели место 5 случаев убийства бандитами представителей власти, актива на селе и военнослужащих погранвойск. 24 мая в тылу участка бандитами убит капитан Александров и ефрейтор Макагоненко. В д. Балента убит депутат сельсовета...» Донесение поступило с западной границы. Дата документа — 25 мая 1945 года.

Через две недели после Дня Победы.

Да, для пограничных войск боевые действия не кончились 9 мая. На территории Советского государства осталось злое наследие оккупации. Оно было пострашнее минных полей и неразорвавшихся снарядов. Наследие то — отряды вооруженных людей, ненавидевших наш общественный строй, движимых неистовой злобой ко всему советскому, не знавших жалости и пощады.

Если всю эту разношерстную массу определить одним собирательным словом, выражающим самое главное, то вот оно: национализм.

Советская власть установилась на территории Западной Украины и Прибалтики только перед самой войной, новая жизнь не успела пустить там глубоких корней, когда гитлеровское нападение прервало естественный ход событий. И вот в годы фашистской оккупации, когда лучшие сыны украинского, эстонского и литовского народов рука об руку с великим русским народом сражались против общего врага, в это же самое время буржуазные националисты с помощью гестапо начали формировать вооруженные отряды, оборудовать тайные склады боеприпасов да убежища в лесных чащобах. Противник был у них у всех один — наступающая Красная Армия, а цель — сохранение капиталистического строя и буржуазного образа жизни, что они намеревались силой навязать своим народам.

Все это звучит необычайно злободневно, ибо основной контингент дикторов, репортеров и писак из разного рода «Свободных Европ» рекрутируется по сей день из числа националистических недобитков, которым в свое время удалось укрыться от справедливой кары в Западной Германии или Канаде.

Вот, например, так называемые шаулисты — участники литовской профашистской организации «Союз стрелков». В годы оккупации они с немецким оружием в руках расправлялись с советскими патриотами в Литовской ССР, в Белоруссии, на Псковщине. На их счету кровь множества людей различных наций и народностей нашей страны. После освобождения советской Прибалтики наиболее оголтелые из шаулистов ушли в леса и на глухие хутора, закопались в «схронах» — тайных подземных убежищах.

А о действиях шаулистов документы сообщают такое: «9 августа 1949 г. В ночь с 9 на 10 июля банд-группой в количестве 8 чел. из состава сборной бандитской бригады «Кардас», во главе с бандитом по кличке «Маргес» и начальником разведки по кличке «Даугинтас», убиты Степанайтете Лина, 1925 г. рождения, член ВЛКСМ, работала инспектором уполномоченного Министерства заготовок по уезду; Гиджулене Елена, 1895 г. рождения, кандидат в члены КП(б) Литвы. После убийства бандитами совершено ограбление магазина на сумму 16 000 рублей. Бандиты вместе с награбленным имуществом на подводе скрылись...»

Увеличивать число подобных примеров вряд ли есть смысл — их множество.

В первые послевоенные годы на нашей земле копошились националисты самых разных мастей. Вряд ли стоит выделять кого-нибудь, тут, как говорится, «все худшие». И все же стоит сказать особо о бандитах ОУН, потому сказать, что их отличала давняя и самая непосредственная связь с гитлеровской разведкой, но связи эти тщательно скрывались, поэтому им удалось к середине 40-х годов увлечь некоторую часть мелкобуржуазной молодежи Западной Украины. Еще в годы войны оуновцы создали дивизию СС «Галиция». Характерно, что офицерами там были немцы, а украинцам их националистические вожаки оставили роль пушечного мяса. Расплата за предательство не медлила: летом 1944 года под Бродами дивизия была вдребезги разгромлена Советской Армией, почти все оуновские добровольцы погибли, лишь немногим удалось спастись (иные из них сейчас энергично выступают за «демократическое движение» у радиомикрофонов «Свободной Европы»).

ОУН тянет свою историю с 1929 года, центром этих «украинских патриотов» вскоре стал Берлин. С 1938 года во главе ОУН стал бывший петлюровский полковник и штатный агент германской разведки А. Мельник, его соперником позже сделали более молодого и, пожалуй, еще более свирепого С. Бандеру. Именно от этого последнего и вошло в наш лексикон мрачное слово «бандеровцы» — так окрестила народная молва западноукраинских националистических террористов, что

стреляли из-за угла в советских патриотов. После поражения Гитлера главари ОУН бежали в столь хорошо знакомую им Германию (в западную ее часть, конечно!), но хозяев пришлось сменить; теперь они перешли на содержание многих империалистических разведок сразу, но более всего прислуживали самой богатой из них — американской.

Потоки крови пролили в первые послевоенные годы, неисчислимые страдания принесли своим народам фашисты литовского, украинского, эстонского происхождения совместно с отщепенцами других национальностей. Главари тут двигало одно чувство: вернуть, любой ценой вернуть отобранные у них фабрики и поместья, вновь открыть свои магазины и прочие владения. Но корыстные те устремления драпировались возвышенными лозунгами о защите якобы «национальных интересов» и «национальной культуры» от посягательств «русских большевиков». Вожакам бандеровцев и шаулистов плевать было на то, что украинцы с Волини или Львовщины наконец-то получили возможность жить без гнета австро-венгерских баронов или польских шляхтичей, им было безразлично, что книги писателей небольшого литовского народа стали издаваться многотысячными тиражами для всей бескрайней Советской страны.

Они жаждали возвращения старого — любой ценой. Ими попораны и извращены были вековые традиции дружбы и братского союза с русским трудовым народом, с другими народами Советского государства. И вот молодые крестьянские ребята, студенты и старшеклассники, обманутые корыстными соблазнами, шли в банды, чтобы заживо похоронить себя в «скронах», а в конечном счете пасть от справедливой пули или явиться с повинной в горьком похмелье.

Несчастливы судьбы молодых людей, попавших в волчьи ямы националистов! Леденящие душу сцены встают за протокольно сдержанными словами пограничных донесений. Вот хотя бы один пример — речь идет о боях с бандеровской бандой в сентябре 1945 года: «По показаниям задержанных бандитов, входящих в состав сотни «Перемога», сотенный с группой 35—40 чел., в том числе 10 раненых, прикрываясь лесным массивом и оврагами, прорывались из окружения и

ушли в направлении Вулька-Куниинская. В пути движения раненые бандиты начали отставать. Бунчужный сотни «Хижняк» из пистолета пристрелил тяжело раненных...»

Впрочем, не об этих бандитах, застреленных собственным вожаком, наша печаль. В конце концов они сами выбирали себе судьбу и знали, на что шли. Сердце содрогается, когда читаешь, как гибли возвращавшиеся домой воины-победители, гибли от неожиданных выстрелов из-за угла. Летом сорок пятого праздничные эшелоны с демобилизованными потянулись через границу Союза на восток. Увы, доехали не все...

За Львовом и Ковелем, возле Луцка и Вильнюса вдруг валились под откос выдавшие виды фронтовые паровозы, в щепы разбивались старенькие теплушки, хороня под собой солдат, уже сдавших боевое оружие... Все это было делом рук фашиствующих националистов. Они захватывали группы демобилизованных, что беспечно шагали по мирным, как им казалось, дорогам, уводили их, безоружных, в чащобы, а потом долго еще жены и матери ждали своих неведомо где пропавших мужей и сыновей.

Какой мерой измерить эти преступления? Какое наказание было бы тут чрезмерным?..

Спрашивается, на что надеялись главари националистов, когда они бросили дерзкий вызов великому Советскому государству? Ведь им-то хорошо было известно, что силы их ничтожны, социальная база слаба, политическое влияние эфемерно. И здесь, знакомясь с неопровержимой реальностью документов, с особой ясностью понимаешь, сколь гнусную роль сыграл тогда международный империализм в деле разжигания и поддержки политического бандитизма на территории Советского Союза.

Из допросов пленных или раскаявшихся бандитов с очевидностью явствует, что они жили только надеждой на скорую военную «помощь», которую якобы окажут им «свободные» державы.

«Потерпите, подождите, посидите в потемках подземных пещер, поголодайте, ничего, завтра или послезавтра, в крайнем случае через месяц начнется новая война, Советская власть падет, а вы, герои, вы станете...» и т. д. — вот примерно что внушали одураченным

хуторским сынкам матерые националистические главари.

И им верили, долго верили, хотя сроки ожидаемого падения Советов, естественно, переносились не раз.

А как было не поверить, если по разного рода зарубежным радиоголосам звучали провокационные подстрекательства, давались торжественные обещания скорой помощи — обещания, лживость которых была очевидна и тем, кто заказывал подобные тексты, и тем, кто писал и готовил их в эфир.

Один, впрочем, вид «помощи», довольно специфической, осуществлялся реально. Западные разведки из разного рода гитлеровских прислужников вербовали шпионов, кое-как обучали их, а потом забрасывали через нашу границу. Главная цель — сбор шпионских сведений, побочная — поддержка националистического подполья. И вот читаем: «В ноябре 1946 г. английской разведкой через «Эстонский национальный комитет», находящийся за рубежом, в Прибалтику была выброшена группа эмиссаров в количестве 6 чел., которые по заданию английской разведки создали в Эстонии подпольный центр эстонских националистов. Этот центр ликвидирован в декабре 1947 г.»

Около года действовали эти диверсанты на территории нашей страны. А в это время политиканы, пославшие их к нам, произносили торжественные речи о свободе и демократии.

«Гостей» высаживали с подводных лодок, сбрасывали на парашютах. Как правило, везло им не очень... Февраль 1948 года: «Группа пограничников под командованием полковника Иванова около двух суток прочесывала лесной массив, разыскивая сброшенных с самолетов парашютистов. К концу третьих суток все сброшенные парашютисты были задержаны. Изъяты большая сумма советских денег, 3 ручных пулемета, 8 автоматов, 65 мин и гранат, 107 толовых шашек, 2 радиостанции».

Вот так — 107 толовых шашек... Ведь не рыбу же глушить они собирались, эти парашютисты!

Буржуазные националисты, боровшиеся с советским строем, любили говорить, что они, дескать, сражаются с русскими... Это наглая ложь, рассчитанная на разжигание самых низменных расистских инстинк-

тов. Разумеется, русских граждан Советского Союза они убивали, и немало, к несчастью. Тех, например, которых партия послала в Прибалтику помогать тамошним крестьянам строить новую жизнь. Зато бывшие власовцы, полицаи, водители душегубок и прочие изменники родины без труда находили приют у фашистских недобитков, будь они самого что ни есть распрорусского происхождения.

В бандитской «анкете» был только один вопрос, но зато решающий: отношение к Советской власти. Это и определяло все остальное.

Нет, не с русскими боролись фашиствующие националисты, они не могли принять социализма, советского общественного строя, нашей трудовой морали, наших рабочих идеалов. Они тем самым бросили вызов не русским, а всему советскому народу. И советские люди поступали с ними соответствующим образом, как и в недавней войне с Гитлером: врага надо бить без пощады.

В борьбе этой были жертвы. Их понесли многие народы нашей страны, большие и малые.

В документах сборника болью отзываются такие вот скудные сообщения: «смертельно ранен красноармеец Абдукадыров», «младший сержант Ахмаров Хамза Абилямжидинович также был тяжело ранен и умер в военном госпитале», «с нашей стороны убит ефрейтор Омаров и красноармеец Чанчелидзе», «смертельно ранен верный сын азербайджанского народа Казафар Ибрагимов»...

Социалистический строй порождает совершенно новые отношения между нациями — отношения братской дружбы, бескорыстного товарищества. В борьбе против националистических банд уже в первые послевоенные годы рука об руку сражались советские, польские и чехословацкие пограничники. Бандеровцы, например, действовали на территории всех трех государств. С весны 1947 года отряды ОУН сильно поределели, их ждала скорая гибель. Тогда они предприняли попытку прорваться через территорию Чехословакии в англо-американскую зону оккупации Германии. Через словацкие горы и чешские леса потянулись бандеровские сотни. Их путь был отмечен пожарами, трупами, зверскими насилиями. До Мюнхена удалось до-

тянуть немногим. Чехословацким и польским вооруженным силам, тогда еще совсем молодым, помогали советские солдаты. Враг был у них общий, а цель одна — сохранение и упрочение самого справедливого социального строя на земле.

28 марта 1947 года в Южной Польше бандеровцы подкараулили и убили замечательного польского военачальника генерала Сверчевского — участника Октября и гражданской войны, героя республиканской Испании. Возмездие не заставило себя ждать. В течение двух недель советские, польские и чехословацкие пограничники сомкнули кольцо и в кровавых, беспощадных боях уничтожили почти всех бандитов. Только нескольким главарям в сопровождении немногих присных, разбившись на группы по два-три человека, удалось укрыться до поры до времени в лесных чащобах.

В документах есть богатый материал на актуальную в наше время тему о мирном сосуществовании. После выхода из войны правительство Финляндии последовательно и принципиально проводило курс на добрососедские отношения с Советским Союзом. И это самым благоприятным образом сказалось на положении в приграничной зоне. Если в 20-х и 30-х годах советско-финская граница была одной из самых спокойных для нас, то в послевоенное время дело тут изменилось коренным образом. Отдельные нарушители, разумеется, пытались пересечь границу, но это были лишь эпизоды. В целом же пример советско-финских отношений ясно показывает, что мирные рубежи с СССР могут быть у любой пограничной страны, уважающей наши государственные принципы.

...Националисты прикидывались романтиками. Например, именовали свои банды названиями, как бы взятыми из детективов: «Железный волк», «Зеленый черт», «Огонь», «Маленькая Лизавета» и т. п. Звучные клички принимали и бандитские вожаки: Руслан, Сокol, Цапля, Лютый, Ягода... Они изо всех сил пытались выдать себя за защитников «национальных интересов». Обман их длился недолго. Они, именно они, фашиствующие националисты, оказались главными врагами своих народов. Советские пограничники нанесли им беспощадный удар.

Читая документы сборников о деятельности погранвойск, испытываешь гордость за наш народ, за наши Вооруженные Силы. Пограничники не отстают. Пограничники сражаются до конца.

Границы нашего государства заперты крепко. Так было, и так будет всегда.

ДУХОВНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Много у нас ныне говорят об акселерации, даже стихи пишут... Тон этих разговоров преимущественно какой-то глубокомысленно-растерянный, с каким-то даже подбострастием к новейшей этой проблеме. Уважительно покачивая головами, солидные дяди и тети толкуют, что молодежь теперь «не та», вот и рост очень вытянулся, опять же «информационный взрыв» и т. п., далее следует россыпь наукообразной, новомодной терминологии.

Представляется, что в разговорах этих есть некоторое переусложнение не очень уж сложных явлений. Подростки теперь стали выше, чем их родители? Еще бы. Ведь папы и мамы нынешних «акселератов» в детстве сливочное масло кушали по праздникам... Теперь же не то что маслом, а мало чем прочим удивишь единственного ребенка в семье — такие семьи, кстати, типичны для больших городов, а там и «акселераты» повыше... Проблема вроде бы не очень сложная.

Опять же насчет «информационного взрыва». Да, четыре телепрограммы, магнитофоны, радио... Но все равно ведь нельзя смотреть сразу четыре программы (две, шестнадцать и т. д.), три магнитофона сразу не включишь. А вот то, что нынешние городские «акселераты» путают вяз с ясенем, а дрозда со скворцом, так это вроде бы и не считается «информацией». Двенадцатилетний мальчик-горожанин отлично разбирается в марках автомобилей, а девочка лучше своей мамы знает о новейших модах — это многих умиляет: акселерация... А то, что тот же мальчик сплошь и рядом не может смастерить себе лук со стрелами, а девочка — скроить платье кукле, как-то не замечается за всеобщим умилением.

Рост ростом, пусть себе растут, но духовная зре-

лость молодого поколения должна при любых метрических данных быть в центре внимания нашего общества.

Говорить обо всем этом надо, и всерьез, без игры в терминологию. От серьезного обсуждения будет только польза, проблема того стоит. В 1972—1973 годах в журнале «Детская литература» прошла специальная дискуссия о духовной зрелости современной молодежи, о ее гражданском и этическом воспитании. Было там высказано немало интересных суждений. Жаль только, что серьезный тот разговор порой сужался до прагматического вопроса о введении соответствующих предметов или даже уроков в школьной программе.

Как просто разрешились бы все проблемы, если б этой самой зрелости можно было научить на уроках эстетического воспитания, как учат ныне на уроках труда машинописи, токарному или слесарному делу. Тогда в приказе за номером таким-то последовали бы соответствующие изменения в школьном расписании, и проблема оказалась бы благополучно разрешенной.

Ясно, что такая унылая утопия нереальна. Духовная зрелость вырабатывается всем многосторонним укладом реальной жизни, с чем не может конкурировать никакой учебник, даже самый замечательный. Не случайно поэтому в нашем обсуждении затрагивается именно тот самый широкий круг жизненных проблем, встречающих подростка на пороге жизни, а не отвлеченные педагогические назидания.

У множества нынешних школьников отцы родились в бараках, а деды — в курных избах. Их духовная зрелость свершалась рано, может быть, слишком рано, и укреплялась она тяжким трудом на фабрике или в поле.

Сегодняшнее поколение подростков не знает, что такое есть не досыта, не знает, как перешиваются старенькие мамины платья, как донашиваются потертые отцовские пиджаки. Надо со всей прямотой сказать, что подобное устойчивое благополучие может породить и порождаст известный социальный инфантилизм, духовное малокровие, дряблость характера. Спрашивается, что же, ввести опять детский труд на заводах? Вернуть семьи в тесные «коммуналки»?

Нелепость подобных вопросов слишком очевидна. Однако проблема социального инфантилизма молодежи остается, она есть, и для ее преодоления не следует предаваться бессмысленным попыткам вернуться вспять: история, как и время, никогда не поворачивает обратно.

Существует весьма серьезное понятие, которое мы в последнее время вспоминаем, пожалуй, редко, а если и вспоминаем, то в довольно узком смысле. Речь идет об авторитете. Не о том, разумеется, чтобы поддерживать авторитет учителей, родителей, воспитателей и т. п. — здесь проблема вроде бы не должна вызывать споров и осложнений.

Не должна бы... Но вызывала, однако, и не раз. Помнится, лет десять — пятнадцать назад дело обстояло иначе, тогда о воспитании и воспитателях говорилось много и проблема ставилась широко. Правда, как теперь это стало ясно, тогдашний хор голосов, несмотря на свою многочисленность, звучал довольно-таки однотонно: нельзя, мол, очень уж строжить воспитуемых, да и программы слишком велики (пугающее слово «перегрузка» возникло тогда же), надо прощать шалости, молодо-зелено, да и ведь из каждого ершистого юноши, носящего узкие брюки (тогда они были в моде, как ныне расклешенные), из этого, значит, узкобрючного строптивца непременно должен вырасти замечательный физик (геолог, биолог, психолог — род занятий здесь варьировался в зависимости от сезонного спроса).

В ту пору как-то не раздалось достаточно громкого голоса, который бы спокойно напомнил задиристым борцам против «строгости», что педократия столь же плоха, как и автократия, что принуждение, и если угодно насилие, не есть зло всегда и во все времена, что воспитательный процесс немислим без ограничения воли воспитуемого, а разумная требовательность полезна прежде всего самому «объекту воспитания». Вспоминая биографии людей достойных, чья жизнь стала примером, окруженных народным уважением, как-то с трудом припоминаются персонажи, чье отрочество протекало в барском любострастии («сладкая жизнь» по нынешней кинотерминологии), да и немного что-то выросло серьезных людей из представителей

городской шпаны. Зато обратные примеры, где наличествует раннее приобщение к труду и дисциплине, нас не затруднят.

Но тогда модны были иные образцы. Возникло даже такое ультрапрогрессивное поветрие (театрализованное и экранизированное), будто именно из юношей «трудных», «сложных», «ершистых» и прочая, и прочая (эпитеты тут подбирались очень аккуратно, с некоторым даже ласкательным оттенком), будто бы из них-то в первую голову и вырастут грядущие герои нашего общества. Ни больше ни меньше.

Поветрие о высоком предназначении «сложных» и «ершистых» молодых людей оказалось, впрочем, довольно устойчивым. В 1972 году обсуждалась в «Учительской газете» новая повесть В. Быкова «Обелиск». И вот критик А. Бочаров писал, как о само собой разумеющемся: «Не будем сейчас спорить, сколько талантливых людей вышло из своенравных, «трудных» подростков, а сколько из тех, кто руководствовался «умеренностью и аккуратностью»...

Сказано осторожно, но думается, что симпатии критика, очевидно, находятся на стороне этих самых «трудных». А что, если поставить вопрос с другой стороны: сколько из «трудных» подростков появляется, так сказать, «трудных» взрослых? И не появляется ли их больше, нежели талантов, о которых говорит критик? Вопрос остается открытым.

События в повести разворачиваются в предвоенные годы и во время войны в Западной Белоруссии. Герой — молодой сельский учитель Мороз обрисован автором как подвижник и страстотерпец, альтруист, все отдавший детям. Он аттестуется как педагог, применяющий самые прогрессивные методы воспитания. Дети его обожают, начальство относится с некоторым настороженным предубеждением. Сначала — в предвоенные годы — его педагогические приемы не встречают поддержки роно. Затем — во время оккупации — он в отличие от большинства своих коллег-учителей остался работать в школе; его за это многие осуждают, а он говорит: «Не будем учить мы, будут оболванивать они». Наконец, попав в партизанский отряд, Мороз узнает, что несколько его учеников арестованы, им грозит казнь; тогда он покидает отряд и доброволь-

но идет в комендатуру, чтобы разделить участь своих учеников. И гибнет вместе с ними.

Не случайно «Обелиск» вызвал полемику в «Учительской газете». Повесть эта, как и многие другие произведения талантливого писателя, остро публицистична, в ней отражаются злободневные современные проблемы самого разного свойства, в том числе и проблемы педагогики.

«Обелиск» вызвал оживленный критический обмен мнениями. К сожалению, некоторые истолкователи В. Быкова зашли слишком далеко.

Мороз пилит с детьми дрова. Читает им вслух Толстого. Провожает двух девчушек домой через лес. Не позволяет деспоту отцу издеваться над сыном. Он любит своих ребят, они платят ему тем же.

Консерваторы от педагогики жалуются на Мороза, что он, мол, «не выполняет программ наркомата».

Здесь следует со всей энергией подчеркнуть: да, безусловно, что все застойное вырождается и гнивает, и потому все на земле должно совершенствоваться и расти. Равно как и педагогика. Мы ценим и изучаем идеи Песталоцци или Ушинского, но вовсе не для того, чтобы буквально применять их сегодня. Более того: в нашей сегодняшней педагогической науке явно не хватает сильных и разнообразных идей. Все это так. Однако, рискуя пережить какие угодно упреки, осмелимся решительно утверждать, что нигде, может быть, не следует применять всякого рода «новации» с такой осторожностью, как в педагогике.

Человеческая душа — не поле для лихих экспериментов. Здесь как ни в чем нужна осмотрительная, неторопливая мудрость. К сожалению, в своей практике человечество уже достаточно накопило опыт всякого рода «потрясений основ» в воспитании. Вспомним, чтобы не ходить далеко за примерами, некоторые издержки педагогики у нас в 20-е годы: пресловутые дальтон-план, бригадный метод обучения и пр. Неужели подобные «новаторские методы обучения» способствовали воспитанию «талантливых людей»? Ведь дальтон-план был весьма и весьма «новаторским». Куда уж еще!

Что же касается «программ наркомата», о которых идет речь, то здесь тоже надо бы сделать одно кон-

кретное уточнение. Напомним, что действие повести происходит на стыке 30-х и 40-х годов. Именно в это время вступили в действие те педагогические принципы, где отсеялись крайности бездумного экспериментирования и утверждались положительные методы советской воспитательной системы, которые в основных своих положениях остаются в силе и поныне. Здесь не место разворачивать затронутую тему подробно, но напомнить об этой немаловажной детали необходимо.

Быть Человеком — понятие прежде всего нравственное. Оно, это понятие, предполагает наличие таких свойств натуры, как благородство, отвага, преданность долгу, уважение к старшим, готовность к самопожертвованию. Разумеется, абстрактной морали нет, это — изменчивая категория, очень чуткая ко всяким переменам социальных и политических условий. В нашем обществе традиционное народное представление о Человеке обогатилось такими качествами, как верность идеалам социалистического строя, советский патриотизм, коллективизм.

Как вырабатываются эти качества? Естественно, воспитанием. Но каким? Вот, говорят, надо любить книгу, что чтение, мол, само по себе развивает. В общей форме это, конечно, так и есть, но: каждую ли книгу надо любить? всякое ли чтение развивает? да еще автоматически? Предположим, однако, что кто-то отобрал для кого-то безошибочно хорошие книги, предположим, с другой стороны, что «субъект» не только правильно понимает, но и правильно чувствует написанное.

И что же? Иной человек проливает слезы, листая трогательно-трагическую историю Тристана и Изольды, — и при этом остается мелким греховодником в быту, другой отменно декламирует «Гарун бежал быстрее лани» — и быстрее той же самой лани скрывается при малейшей опасности.

Да, воспитывать личность нужно, необходимо. Здесь, как и во многом другом, нельзя полагаться на милость природы. Суть вопроса здесь — в методах. Порой нам самоуверенно и даже с некоторым вызовом декларируют, будто воспитание совершенной личности должно строиться на материале по преимуще-

ству «интеллектуальном». Сейчас ведь кое у кого в моде все «интеллектуальное». Это немножко смешное в своей напыщенности слово призвано отделить все естественное (то есть якобы вульгарное, неорганизованное, неупорядоченное) от всего искусственного, что — для некоторых — только и есть «цивилизация». И вот возникает дефицит на всякие эстетические кожзаменители, умственный поролон, духовный полихлорвинил.

Сделались как бы скомпрометированными такие неперенные компоненты правильного воспитания, как авторитет воспитателя, испытание делом, подчинение коллективу, служение сверхличным целям и пр. Получается, что если, мол, дать человеку побольше умственной пищи, то духовный склад его благополучно устроится сам собой. С этой точки зрения человек, получивший более высокое образование, должен, естественно, быть более нравственным, нежели тот, кто не украшен дипломами (желательно с отличием). Как будто бы мы не слышали о предателях с высшим образованием!

Истолкователи повести В. Быкова «Обелиск» много говорили о педагогике и принципах воспитания. Среди разнообразных и темпераментно выраженных суждений такого рода порой проглядывала одна тенденция, с которой трудно согласиться. Здесь звучит очевидный перепев из размашистых выступлений тех наших публицистов, которым свойственно отрицание строгой требовательности как необходимейшего средства воспитательного процесса. Мол, «пусть не сошлось с ответом», экое дело, важно ведь, чтобы учащийся проявил способности и добрую волю, а все прочее есть педагогический «догматизм».

А все-таки: можно ли прожить без педагогической требовательности?

Всякое последовательное усвоение знаний нужно и необходимо, как и изучение грамматики или биномов Ньютона, — и вовсе не для того, чтобы растить будущих беллетристов или каких-нибудь там суперфизиков. Нет, вся строгая школьная программа, равномерная требовательность ко всем без исключения сторонам учебной жизни есть та гимнастика характера, которая закаляет волю, приобщает к труду и дисципли-

лине, то есть закрепляет те самые нравственные основы личности, которые впоследствии не позволят человеку сделаться проходимцем или босяком и, напротив, позволят той же самой личности развиваться в направлении положительном.

Умение писать без ошибок, грамотность (как и геометрия, астроботаника, семантика, линейное программирование) ценны и полезны не сами по себе, а лишь как средство для воспитания личности. А где найдет себе применение человек — за рулем ли самосвала или у пульта синхрофазотрона, не имеет никакого значения для его личностной характеристики. Владелец той или другой из этих довольно-таки отличных друг от друга профессий в равной мере (подчеркиваем — в равной!) может оказаться благородным подвижником или прохвостом.

А теперь главное: так что же, можно ли «быть человеком», не читая Толстого? Вопрос поставлен остро. Ну что ж, попробуем ответить. Полагаем, что личностная ценность человека и его начитанность — даже если речь идет о книгах Толстого — не связаны жесткой взаимообусловленностью. Это разные понятия, между ними нет автоматического сопряжения. Намерение установить во всех случаях какую-то прямо пропорциональную связь между нравственностью и уровнем образования говорит о необычайной узости, ограниченности взгляда на мир, ведет на ложный, глубоко ошибочный путь.

Здесь следовало бы, не мудрствуя лукаво, всего лишь свериться с реальностью. Все знают и чтят Александра Матросова. А ведь он был лишь рядовой солдат, девятнадцатилетний юноша, сирота с нелегким детством. Что ж, он, возможно, и не успел прочесть «Войну и мир». Если так, то жаль, ясно, что развитие его личности от этого кое-что потеряло. Но право же, даже неловко ставить вопрос, был ли он, этот юноша, — как и множество ему подобных — Человеком или не был им.

Трагическая гибель героя «Обелиска» Мороза является центральной нравственной проблемой повести. Кое-кто из очевидцев осуждают Мороза за бесцельную, по их разумению, смерть (и с ними согласны некоторые из критиков, выступивших в «Учительской

газете»). Отвечая на эти обвинения, Ткачук говорит: «Убил он немца или не убил... Он сделал больше, если бы убил сто. Он жизнь положил на плаху. Сам. Добровольно. Вы понимаете, какой это аргумент? И в чью пользу...»

Нам бы не хотелось вступать в этот спор.

Благородство сельского учителя бесспорно, а его жертвенный конец столь трагичен, что этот «сюжет» не следует и обсуждать.

На этом можно было бы и закончить, если бы не упомянутая статья А. Бочарова. Критик делает далеко идущее противопоставление между человеком, который отдает жизнь в борьбе «по доброй воле», и тем, кто поступает так «по команде»: «Не потому ли так любит В. Быков ситуации, когда человек остается один на один со своей совестью? Бесспорно, легче быть храбрым и стойким, когда вокруг тебя товарищи, когда ты повинешься воле командования. А вот как поведет себя человек, оставшись один, какие начала в нем возобладают?»

Странно: ведь всякий, в ком вообще наличествует совесть, всегда находится «наедине» с ней. Совесть как-то трудно отделить от человека или, напротив, «обобществить». Человек, марширующий в колонне, — он что же, оторван от своей совести?

Смелость «по команде» — это если и не плохо, то, во всяком случае, это смелость «второго сорта». Признаться, нам так не кажется. А вот, скажем, человеку, отродясь не умевшему плавать, приказывают форсировать реку, да еще под огнем, да не как-нибудь, а на том, что носит академическое наименование «подручные средства»? И он идет, пересиливая свой собственный страх и неумелость, и преодолевает, черт побери, эту самую «водную преграду»! Так что же — это смелость «второго сорта»?

Здесь мы позволим себе высказать решительное несогласие.

Вспомним Льва Толстого, имя которого так часто называют герои повести В. Быкова. Вспомним знаменитую сцену на Бородинском поле, когда полк князя Андрея стоит под огнем на вытоптанном овсяном поле. Полк стоит — так ему приказано (в том числе и командиру полка князю Андрею). «Князь Андрей, точно так

же как и все люди полка, нахмуренный и бледный ходил взад и вперед по лугу подле овсяного поля от одной межи до другой, заложив назад руки и опустив голову. Делать и приказывать ему нечего было. Все делалось само собою. Убитых оттаскивали за фронт, раненых относили, ряды смыкались. Ежели отбегали солдаты, то они тотчас же поспешно возвращались. Сначала князь Андрей, считая своей обязанностью возбуждать мужество солдат и показывать им пример, прохаживался по рядам; но потом он убедился, что ему нечему и нечем учить их...

Свист и удар! В пяти шагах от него вырвало сухую землю и скрылось ядро. Невольный холод пробежал по его спине. Он опять поглядел на ряды. Вероятно, вырвало многих; большая толпа собралась у 2-го батальона.

— Господин адъютант, — прокричал он, — прикажите, чтобы не толпились».

Есть принципиальная разница между дуэлянтом и солдатом, идущим в атаку в общем строю (легко быть «храбрым и стойким, когда вокруг тебя товарищи», — пишет А. Бочаров). Дуэлянт и солдат в шеренге равно находятся под дулом противника, но на этом и кончается их сходство (чисто внешнее и поверхностное, кстати говоря). Дуэлянт отвечает только за себя, солдат — за своих товарищей, стоящих рядом, за полк, за армию, за Родину, наконец. Если дуэлянт покинет барьер, он заплатит лишь собственной репутацией, не более; солдат, бросивший строй, не только совершит личное бесчестье, он нанесет вред товарищам (полку, армии и т. д.), вот почему и спрос с такого солдата куда как строже, чем с дуэлянта. И справедливо: кому многое дано, с того много и спросится. Солдату, защищающему Родину и идущему «по приказу» в атаку, дана высшая ответственность — ответственность за общую судьбу своего народа, своей страны.

И все же не подлежит никакому сомнению, что каковы бы ни были педократические эскапады старых и новых публицистов, авторитет непосредственного воспитателя у нас, слава богу, сомнению не подлежит. Однако помимо личного авторитета того или иного конкретного лица существует еще авторитет «сверхличный», социальный авторитет, то есть отслоивший-

ся опыт множества прошлых поколений, выраженный в обычаях, традициях, нормах и правилах поведения, нравственных и моральных критериях всякого конкретного общества. Этот социальный авторитет рождается в глубинах народного бытия, он прочно укоренен в исторической почве, необычайно стоек ко всякого рода кислотам и ядам. Преемственность поколений — вот древо, которое здесь произрастает.

Д. И. Менделеев, мыслитель необычайно глубокий и разносторонний, писал на закате жизни, как бы обобщая огромный свой опыт: «Всегда признается, что прошлая жизнь народа или его история влияет неизбежно, хотя бы многие того и не желали, но полнота понимания получится лишь тогда, когда признают сверх того влияние судеб потомства, и тогда современность поймется как переход между прошлым и будущим».

Общеизвестно, как понимается роль и воспитательное значение традиций в нашем социалистическом обществе.

Для нас бесспорным критерием положительного отношения к тем или иным традициям является их народность. Подобным качеством обладает только такая традиционность, которая родилась в толще трудового народа, освещена памятными деяниями, испытана временем. Оговоримся, что время здесь следует определять не по арифметическому отсчету, как исчисляют выслугу лет. Народное бытие не меряется шагами метронома. Ведь и в судьбе каждого отдельного человека нет равнозначного течения жизни, а случаются вдруг такие дни и часы (их один современный литератор несколько выпендренно назвал «звездными» — и с тех пор этот переводной эпитет сделался у нас моден), бывают такие мгновения, в которых прессируется обыденное время, и в этом спрессованном времени до конца выражается человеческий характер.

Так и в судьбах народных. Уместно вспомнить здесь ленинскую мысль, что для роста народного самосознания каждый день революции значит больше, чем годы будничной жизни¹. Чтобы традиция стала органической частью народного быта, не всегда нужны века или даже десятилетия.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 55.

Первый в мире коммунистический субботник состоялся в Москве 12 апреля 1919 года. Участвовало в нем всего 15 рабочих — 13 коммунистов и 2 беспартийных. А теперь в одну из суббот апреля по всей стране с песнями добровольно выходят на трудовую вахту миллионы людей нашей страны — люди всех наций, коммунисты, комсомольцы, беспартийные. Это немыслимо ни при каком ином общественном строе. А у нас стало живой народной традицией. Победные салюты впервые вспыхнули на московском небосводе в августе 1943 года — и сразу же стали естественным символом наших торжественных вех. Ибо родились они в то самое «спрессованное» время народной эпопеи, имя которой — Великая Отечественная война. И эта традиция стала неотъемлемой частью нашей жизни, и наша жизнь без этой традиции утратила бы нечто существенное.

В речи на III съезде комсомола Ленин дал классическое определение на этот счет, ясно заявив, что коммунистом можно стать, обогатив свое сознание всем лучшим, что накопило человечество.

Советское искусство в своих лучших проявлениях неуклонно следовало этим ленинским заветам. Троцкисты и их духовные наследники хотели бы видеть в прошлом нашей страны и всех народов, ее населяющих, только мрак и невежество. Партия учила наших деятелей культуры видеть прошлое диалектически, отделяя нетленные ценности, созданные разнообразным творчеством трудового народа, от всего чуждого и наносного, что является продуктом идеологии эксплуататорских классов. Партия учила видеть в революционных, боевых и трудовых традициях истории нашего отечества актуальный материал для воспитания современного молодого поколения.

Именно эти традиции, как старые, рожденные в толще трудового народа в прошлые века, и новые, связанные с советской реальностью, эти традиции именно и создают тот самый социальный авторитет, о котором говорилось.

Опора на этот авторитет укрепляет слабого, помогает заблудшему, дает опору сильному. Для молодого человека воздействие такого воспитательного фактора жизненно необходимо.

В этой связи особенно характерно вспомнить предвоенные годы. Положение на наших западных и восточных границах складывалось напряженное. Темные силы мира очевидно готовились к войне с первой советской державой планеты. И тогда, отринув последние остатки пролеткультовского и рапповского очернительства, лучшие художники социалистического реализма стали черпать вдохновение в ратном прошлом Родины, ее народов.

Не фанатизм, не истерическое самопожертвование, а готовность к суровой борьбе — вот какие качества воспитывались в предвоенном поколении, том самом поколении, которому суждено было спасти мир от фашизма. И тут нельзя не сказать, что советская литература и искусство той поры сыграли в решении этой важнейшей социально-психологической задачи огромную роль, думается, еще не вполне оцененную сегодня.

Вспомним киноискусство тех лет. После бессмертного «Чапаева» одна за другой появились на советских экранах картины «Александр Невский», «Суворов», «Щорс», «Минин и Пожарский», «Богдан Хмельницкий». И то были отнюдь не «исторические» фильмы в узком смысле слова и тем более не костюмированное «шоу», столь распространенное ныне на буржуазном Западе (упомянем здесь голливудский «Бен Гур» и бесчисленное множество последующих пошлостей — образцы их иногда почему-то появляются в нашем кинопрокате). Нет, названные наши фильмы были граждански современны, политически остры, глубоко партийны по духу — именно так и понимали их советские зрители.

«Александр Невский», например, отнюдь не воспринимался как картина «из жизни XIII века», нет, речь там шла о делах куда более современных. О необходимости народного единства перед лицом вражеского нашествия. О вожде как выразителе интересов народа. О предательстве как о самом страшном методе врага.

Воинские подвиги народа обычно персонифицируются в героях. Герой — это спрессованная история, это символ того или иного крупного явления в народной

жизни. Мы называем Александра Невского — и за этим именем встает Ледовое побоище, остановившее агрессию с Запада. Мы называем Дмитрия Донского — и это означает великую эпоху Куликовской битвы, освобождение нашей страны от чужеземного ига. Кутузов стал символом Отечественной войны двенадцатого года, Нахимов — героической обороны Севастополя, Макаров — Порт-Артура.

Так же звучат ныне имена наших военачальников времен Великой Отечественной. Вот лишь одно из них — маршал Жуков. Это защита Москвы осенью 1941 года. Это пленение армии Паулюса под Сталинградом. Это взятие Берлина в победном 1945 году. Жуков — это слава наших отцов, стоящих насмерть от Белого до Черного моря. Это слава поколения, спасшего мир.

Сегодня у пограничных столбов нашего государства Советов вместе с солдатами стоят тени Суворова и Чапаева. И это не бесплотные духи, а деятельные боевые помощники наших сегодняшних бойцов и командиров. Ибо в минуту испытания легендарные герои прошлого оказываются в одном строю с защитниками Родины. Здесь уместно вспомнить знаменитый плакат времен Великой Отечественной войны, где изображены красноармейцы, идущие в атаку, а ведут их, вдохновляют их, указывают им путь Суворов и Чапаев. А под плакатом подпись: «Бьемся мы здорово, рубим отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева!»

Истинные ценности не девальвируются быстротекущим временем. В самом деле, разве может когда-нибудь «устареть» роман «Война и мир»? Каждое поколение открывает для себя эту книгу. Разве может «устареть» Пушкин? Он и вчера, и сегодня, и завтра был и останется самым читаемым современным писателем.

Крейсер «Аврора» давно уже поставлен на мертвый якорь, не дымят трубы, не поворачивает рулевой штурвал. И что же — «Аврора» устаревший корабль, и только? Нет, легендарный крейсер по-прежнему в строю. На его борту принимают присягу молодые моряки — моряки нашего Советского Флота. В его кают-компаниях заседают комитеты комсомола, и будущие

Матросовы, волнуясь, поднимаются по старому трапу...

Истинные ценности не умирают.

Одно поколение сменяется другим и передает, как заповедное наследство, все лучшее, все самое ценное тем, кто приходит на смену. Так и мы должны сберечь все самое ценное, что сегодня создает наш великий советский народ, строитель самого справедливого общества на земле.

Сберечь — для поколений, идущих за нами.

УРАГАНЫ РЕВОЛЮЦИИ

В последние годы советские литераторы все чаще обращаются к сюжетам гражданской войны. Это понятно. К великим событиям прошлого никогда не ослабнет великое народное внимание. Ибо в деяниях борцов революции, создателей нового мира находит сегодняшний гражданин добрый и строгий совет для нынешних наших дел и проблем.

И вот недавно на книжных полках появились — и очень недолго там оставались — новые романы о героях гражданской. Герои эти известны всем — гениальный полководец-самородок Фрунзе и народный вожак, красный казак Думенко. Авторы книг — литераторы опытные, широко известные и читателям, и в критике. В романах много общего, и это общее позволяет четко определить новые тенденции в советской исторической романистике.

Судьба книги — явление сложное. Выйдя в свет, она живет уже своей собственной жизнью. Время вынесет ей окончательный приговор, который уже никому обжалованию со стороны автора или даже профессиональных критиков не подлежит, ибо это — глас самой истории.

Бывает, что сочинитель неудачного творения начинает запоздало хлопотать, объясняться, что-то доказывать... И вот в самой доподлинной жизни воспроизводится ситуация, ядовито выраженная в одной сатире Зощенко: «Что хотел сказать автор этим своим художественным произведением? Этим произведением автор хотел...» и т. д.

Но куда там! Неудачника и слушать не станут, разве что из вежливости. Ибо давно сказано: ежели писах, писах.

Еще более поучительно, как на протяжении самого короткого срока рассеивается фальшивая, искусственно сделанная популярность. Каждому памятливы примеры, когда поднимался вдруг неистовый шум вокруг какой-нибудь «острой» повести или «смелого» сборника стихов. И что же? Проходило порой совсем немного времени, и никто не помнил стихов этих и повестей...

Еще нагляднее получается, когда такую забытую временем книжку переиздают усилиями друзей автора и она появляется вновь. Испытываешь неловкость, как при виде пожилого человека, пришедшего в молодежный клуб на танцы. Не ко времени!

Тем более характерны обратные примеры.

Недавно вышел в свет новым изданием роман Михаила Колесникова «Все ураганы в лицо». Вышел — и получил почетную премию. Солидный тираж разошелся молниеносно. Стало быть, книга имеет прочное и устойчивое читательское признание. Добавим, что позднее читательское признание — оно особо ценно, ибо время есть самый строгий селекционер литературного творчества, им отбирается только то, что и в самом деле полезно и здорово в художественном и нравственном смысле.

Роман М. Колесникова посвящен жизни и деятельности известного советского военачальника и государственного руководителя Михаила Васильевича Фрунзе.

Наша великая революция выдвинула множество народных героев, подлинных самородков. Это было большевистское, ленинское течение революционного потока, его стремнина и стрежень.

Именно по этому руслу стремились массы трудящегося народа России, ее рабочие и крестьяне, к новой, справедливой жизни.

Подчеркнем, что само понятие «народный герой» ни в коем случае не может быть втиснуто в узкие, своего рода сословные, паспортные рамки. Народными героями в равной мере стали луганский рабочий Клим Ворошилов и крестьянин-середняк Василий Чапаев, бывший дворянин Куйбышев, бывший разночинец Киров. Они стали народными героями потому — и толь-

ко потому,— что поняли интересы революционных масс, прониклись ими, сражались за них, не щадя сил, и народ поверил им и пошел за ними. Один из таких героев — Михаил Фрунзе.

В романе М. Колесникова он показан в неразрывной связи с массами — в данном случае это несколько штампованное выражение как нельзя более уместно. Уже в самом начале своей революционной жизни, задолго до Октября, он ищет опоры не в либеральных кружках интеллигенции, не в устройстве заговоров масонского типа, а среди русского трудового люда. Он свой среди рабочих, среди солдат. И они считают его своим.

Таким оставался Фрунзе всю жизнь: и в бытность свою скромным рядовым партии, и в должности командарма. Его любовь к народу носила действенный, а не слащаво-сусальный, показной характер. Он был строг, когда требовала того необходимость. Он наказывал. Мог быть суровым. Что ж, любовь проявляется не только в заботе, но и в требовательности... Мы равнодушны только к тому, к чему безразличны.

Эта вот глубокая народность Михаила Васильевича Фрунзе, народность органичная и искренняя, а не показная, выражена М. Колесниковым особенно сильно. Тем книга и отличается от многих иных, где эта черта героя несколько смазана разного рода эффектными событиями боевой его биографии. В этом смысле образ Фрунзе, нарисованный М. Колесниковым, гораздо ближе к исторической реальности, чем во многих других работах. Неразрывная связь с народом — вот источник силы и мужества Михаила Фрунзе в бурном течении революции.

Вести народ на борьбу через страдания и смерть, вести его к победе могут только вожди, кровными узами связанные с народом. Всех приспособленцев, всех «примкнувших», сколь тщательно ни примеряли они свои парики и маски,— всех их рано или поздно отбрасывает со своей стремнины революционный поток. На отмель...

Классическим народным вожаком рисует Бориса Думенко известный писатель-историк Владимир Карпенко.

Казак, лихой кавалерист, стремительный и реши-

тельный командир, басовитый и грубоватый, с крепкой волей и крепким кулаком — таким предстает Думенко в новом романе. В изображении столь колоритной личности всякого автора, словно классические Сцилла и Харибда, подстерегают две опасности. Во-первых, увлечение пресловутой «экзотикой» — ходульные, чубатые казаки, шашкой разрубающие надвое, лубочный лексикон, выдаваемый за «народную» речь и пр. А второе — литературная гладкопись, когда неповторимая в своей драматичности революционная эпоха предстает добропорядочно-благопристойной, как распорядок в образцовой школе.

Скажем сразу, что В. Карпенко избежал и того, и другого. Нет, герои его говорят естественным, а не лубочным языком. Много рассуждают о серьезном, — как это и в самом деле было в ту переломную эпоху, когда люди не только мечтали о новой жизни, но и спорили, и строили. Характерно, что никакой «разэтакой» казацкой вольницы В. Карпенко нам не показывает — и это тоже правда, идущая от изучения истории, а не от беллетристической традиции. Опять же нет и гладкописи в изображении революции. И здесь уместно вспомнить, сколь не повезло в свое время другому красному казаку — Кочубею. В некоторых книгах этот дерзкий, суровый, отчаянный боец превратился в этакое пай-мальчика.

Думенко предстает в романе прежде всего сознательным бойцом за новый мир. Он твердо знает, чего хотят казаки, идущие за своим командиром, и их цели совпадают. И не шашкой машет изображенный Карпенко герой (хотя владеет этим оружием отменно), а прежде всего руководит революционными войсками. Его окружают умные и образованные советники — бывшие офицеры старой армии, целиком и безусловно перешедшие на сторону народа. В итоге Думенко выведен в романе именно тем, кем он был: твердым, талантливым вожаком вооруженных масс. Автор акцентировал это даже в заголовке романа: «Комкор Думенко». Именно так: командир конного корпуса, то есть крупного воинского соединения, а не атаман казацкой вольницы.

К победоносному народному движению всегда стремятся примазаться корыстные и злонамеренные люди.

Конфликт между революционным народом и примазавшимися к движению проходимцами, между народными вождями и самозваными наполеонами — вот один из главных идейных стержней романа.

...Фрунзе тянулся к Ленину с первых шагов своей революционной жизни, тянулся, еще не зная вождя революции лично. Автор хорошо объясняет нам причины этого внутреннего сродства: «Фрунзе восхищался книгами Плеханова, в свое время они явились для него откровением. То была высокая теория, то был холодный, не греющий душу блеск, блеск алгебры. Книги Ленина, наоборот, представлялись студенту Фрунзе страстным вторжением в самую клокочущую жизнь, с ее конкретной нуждой, издевательствами хозяина над рабочими, штрафами, ударами казацких нагаек, с выстрелами палачей у Зимнего и кровью. Ленин открыл новые, еще не виданные формы мышления. Он был мыслителем особого склада, мыслителем, познавшим сложнейшую природу человеческого общества, умом, подчиняющим логике единого революционного процесса сонмища самых разнородных явлений. А кроме того, он обладал способностью направлять эти явления в единое русло. Простота в общении с людьми идет у него от глубокой человечности».

Да, разность человеческих типов Ленина и Плеханова передана тут исторически точно, как и воспринимали их молодые революционеры (сошлемся хотя бы на широкоизвестные мемуары М. Горького). Георгий Плеханов так и остался «баринном», холодным отвлеченным теоретиком, интеллигентом, отделенным от рабочего люда какой-то невидимой, но непреодолимой для обеих сторон стеной. Напротив, Ленин был прирожденный вожак масс, руководитель боевой и твердый. Современники оставили характерные свидетельства, что в долгие годы эмиграции Ленин очень тосковал по практической работе среди масс и нигде не чувствовал себя так хорошо и свободно, как на пролетарском собрании или в захудалом пригородном кафе Парижа или Берна, где собирались на свой нехитрый обед мастеровые.

Ленинское направление нашей великой революции есть направление народное. Соратники Ленина, полководцы и герои этой революции, были плоть от плоти

и кость от кости своего народа, трудового его корня.

Однако в революционном потоке первых лет после Октября в течение некоторого времени рядом с Лениным, как чужая зловещая тень, как прикровенное отрицание ленинизма под маской внешнего суетливого обезьянства, кралась зловещая и уродливая фигура Троцкого.

Троцкизм давно и безусловно разоблачен в нашем обществе. Имеются солидные, безупречные по фактической оснастке научные исследования, где вскрыта социальная сущность троцкизма и показано, какую страшную опасность для нашего народа представляло это явление. Однако в художественной литературе последних десятилетий изображение роли Троцкого и его присных появляется не слишком часто.

Романы М. Колесникова и В. Карпенко, думается нам, дают очень серьезный исторически и вполне убедительный художественно материал о подлинной природе троцкизма.

Человек, бесконечно преданный народному делу, Фрунзе отчетливо замечал и чувствовал все фальшивое и ложное, что стремилось прилипнуть к революции. «Он вообще Троцкому никогда не верил, почти интуитивно угадывал в нем заклятого врага Советской власти. «Иудушка-Троцкий» — эта ленинская характеристика глубоко запала в сознание Фрунзе». Михаил Колесников здесь очень точен в своих характеристиках. Да, поначалу даже такой твердый ленинец, как Фрунзе, только «догадывался» об истинном лице Троцкого, догадывался к тому же «почти интуитивно». Это неудивительно: врагам Ленина приходилось маскироваться, и они маскировались, подчас ловко. Однако в характеристике нашего героя важно именно это — революционное чутье и зоркий глаз государственного человека.

Конфликт между Фрунзе и троцкистами неизбежен, и он возникает. На страницах романа это показано исторически достоверно и во всеоружии фактов.

Троцкизм представлял собой гигантскую опасность для народов нашей страны. В романе описывается, как «единомышленник Троцкого, некто Гольцман», отбросив присущую дельцам такого рода маскировку, потребовал в качестве мер воздействия «беспощад-

ной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам», «применять тюрьму, ссылку, каторгу по отношению к лицам, которые не способны понять наши тенденции»... И каждый думал: окажись полнота власти в руках такого, как Троцкий, он конечно же введет для рабочего класса палочную дисциплину, загонит всех, «не способных понять», в тюрьмы.

Иному современному читателю подобные рассуждения могут показаться фантастическим вымыслом, метафорической гиперболой. Но истинное лицо троцкизма было именно таким: холодно-беспощадным, презрительно-жестоким. Следует даже сделать упрек автору, что он не дал в своей книге больше подлинного материала на эту тему. Ну, например, о том, что сам Троцкий публично защищал рабство как форму труда, которая «в определенных исторических условиях» может быть эффективной. Самое поразительное, что автор этой идеи имел в виду отнюдь не времена Перикла или Цицерона.

Да, именно таковы были троцкисты, именно такое будущее готовили они народам нашей страны.

Фрунзе вместе с другими большевиками дает отпор троцкистам, Троцкий мстит Фрунзе. К сожалению, в ту пору у Троцкого еще находилось достаточно влияния и ловких подручных. Одна из самых сильных сцен романа посвящена тому, как троцкисты пытались подстроить провокацию Фрунзе. Летом 1920 года он приехал со своим штабом в Москву после разгрома эмира бухарского. И троцкистские приспешники распустили слухи о том, что сподвижники Фрунзе якобы украли золото из эмирского дворца... И вот поезд, остановившийся после долгого пути на Казанском вокзале, окружает отряд ЧК. Ситуация обостряется до предела, но... Впрочем, пусть сам читатель узнает из книги о том, как находчиво вышел полководец Фрунзе из этой ловушки.

Еще более зловещей представлена фигура Троцкого в романе о Думенко. Нет, никаких злодейских примет в его внешности или поведении автор не показывает. Он ловок, сдержан, красноречив (во Франции брал частные уроки ораторского искусства), у него умелые помощники, последователи, обожатели даже... Злодейским было не обличье — деятельность Троц-

кого. И в романе В. Карпенко это показано широко и полно.

Вот Троцкий размышляет: «К весне 20-го под ружье встало около трех миллионов! И — кого?! Крестьян, мужичья...» В этом отношении Троцкий особенно отмечал Южный фронт. Кровная ненависть к казачеству, особенно донскому, перерождалась в страх. Дикая степная вольница никому не хочет подчиняться, кроме своих вожаков. Бесило Троцкого то, что сила их невероятно росла, что становились они «неуправляемыми». Подчеркнем: «неуправляемыми» от воли его, Троцкого. В романе В. Карпенко правильно показано, что славный комкор был дисциплинированным командиром Красной Армии и преданным партии солдатом. Но Троцкого и его присных не любил открыто, народным чутьем уловив там фальшь и двурушничество.

Троцкий, в свою очередь, люто ненавидел народных вожаков — Фрунзе, Ворошилова, Буденного, Думенко. Автор отмечает: «Терпеливо вынашивал Троцкий желание избавиться от них. Упорно искал повод».

Увы, в отношении судьбы комкора Бориса Думенко ему это удалось...

В романе подробно показана злодейская интрига Троцкого против казака-героя. Здесь не место излагать ее, но характерна деталь. Когда троцкистские подручные уже «слепили» провокационное «дело Думенко», председатель Ревтрибунала Данишевский, железный большевик из латышских стрелков, почувствовал что-то неладное во всем этом. И тогда Троцкий, используя свое тогдашнее высокое положение, устроил так, что «делом Думенко» стал заниматься в Ревтрибунале «свой человек» — Розенберг. Уж он-то и довел «дело» до трагического конца — расстрела Думенко по заведомо ложному обвинению...

А далее роман В. Карпенко словно получает в этой части продолжение у М. Колесникова. Поединок с троцкистами Фрунзе вел всю жизнь. Он скончался раньше, чем наступила политическая смерть Троцкого и его присных, однако решающий удар по троцкизму был нанесен при Фрунзе. И можно только пожалеть, что автор очень бегло показал в романе партийную дискуссию осени 1923 года, в которой Троцкому было

нанесено крупное политическое поражение, а роль в этом деле самого Фрунзе оказалась исключительно большой.

Герои книги — полководцы, вот почему авторы много уделяют места описанию природы их полководческого таланта.

Случай и в самом деле феноменальный в военной истории: люди, не получившие специального военного образования, оказываются командирами армии, корпуса, да и не в спокойной обстановке, а в период ломки, отступления, паники. Но они стали командирами, да еще какими! Казалось, сама природа создала их для воинского дела!

Талант талантом, но на худой почве он вянет. В романе М. Колесникова показано, как много работал над собой будущий командарм, изучая военное дело. Вот пример, чему учился Фрунзе и какие выводы он делал из этой учебы: «Из истории всех войн он выделял победы русского оружия. Как бы там ни было, но русская армия во все времена одерживала победы над лучшими армиями мира. Победы русских при Кунерсдорфе, при Кагуле, сражение Суворова при Рымнике, штурм Измаила Суворовым и Кутузовым, сражение при Треббии, итальянский и швейцарский походы, Бородинское сражение, сражение на Березине — все это давало неисчерпаемый материал для размышлений».

Подробно показана в романе и полководческая практика Фрунзе. Вот, скажем, бои с басмачами в песках Средней Азии. Это было опасное дело — враг не знал пощады, отличался самоуверенностью и коварством. Басмачи и те, кто стоял за их спинами, стремились создать «Тюркскую республику без русских». Красная Армия под командованием Фрунзе разбила банды националистов, разбила с помощью именно тюркского трудового народа, который прекрасно понимал, что русские трудящиеся — это друзья, а свои бай и ханы — враги. (Здесь, кстати, нельзя только согласиться с той, в общем-то, положительной оценкой, которой автор наделяет средневекового полководца Тимура (Тамерлана). Исследованиями советских ученых доказано, что этот кровожадный грабитель принес народам неисчислимые бедствия, и прежде всего народам Средней Азии.)

Опытным военным, а не стихийным вожаком партизан показан и Думенко. Его операции отличались не только кавалерийской лихостью и казацкой удалью, но и продуманностью плана. Он много учился, хоть и не успел доучиться. Нет, напрасно надеялись троцкисты, что «мужицье» способно только выполнять их команды!..

Конец книги трагичен. Думенко расстрелян. И кем? Своими же, натравленными на своих. Верное писательское предостережение о методах врага.

В финале романа М. Колесникова описывается бой летчика-истребителя Тимура Михайловича Фрунзе, 19 января 1942 года под Старой Руссой. Последний его бой...

Да, революция, война — даже самые справедливые на свете! — не бывают без жертв. Важно, за какое дело пролита кровь. И в победном сорок пятом в казаках, которые, по известной песне, «едут, едут по Берлину», была частица Думенко, частица Фрунзе, которые на своих плечах, ценой своей жизни вынесли первые, самые суровые годы становления великого Советского государства.

Почительность
ПРИМЕРЯ

ДОКУМЕНТ — БИОГРАФИЯ — ОБРАЗ

Биографический жанр является одним из древнейших в сфере человеческого творчества. По мнению многих ученых, уже во времена Древнего Египта существовали биографические заметки. Добавим, что одни из древнейших, дошедших до нас мифов и преданий,— это, если можно так выразиться, «биографии» Гильгамеша и Геракла. Один из первых в истории текстов, имеющих реального индивидуального автора — это «биография» хитроумного царя Одиссея. Безусловно, что весьма раннее возникновение биографического жанра и его непреходящее существование во все исторические эпохи, его устойчивость к любой литературной моде — все это не может не быть явлением закономерным. На наш взгляд, тому есть по крайней мере две причины.

Во-первых, с тех пор как появился человек, homo sapiens, он начал осмыслять самого себя, сущность себе подобных. Всегдашнее стремление человека найти свое место в вечном и бесконечном мироздании властно призывало его задуматься над опытом собственной жизни и жизни других людей. Естественный интерес к обобщению социального опыта человека и породил жанр биографии и автобиографии, причем на ранних стадиях жизни человеческого общества обе эти формы были слиты воедино. Дифференциация здесь пришла позже, в связи с ростом индивидуализма, в эпоху Предвозрождения или Возрождения. Одной из характерных в этом ряду стала «автобиография» (если уместно употребить здесь это слово) чешского

короля Карла IV, появившаяся в Европе в конце средневековья. Итак, биография есть портрет человеческой индивидуальности, созданный словом, причем портрет — в отличие от живописного — данный в трех измерениях, где третье измерение — время. Раскрытие внутреннего мира человека и его деятельности — вот главное значение биографического жанра.

Первое, но не единственное. Вторым важнейшим фактором широкого распространения и всеобщей популярности биографического жанра является чрезвычайно благоприятная возможность отразить в рамках этого жанра историческую эпоху. В самом деле. Разве герой биографии не может быть свидетелем (или участником) грандиозных исторических катаклизмов, причем таким свидетелем, который наблюдал этот катаклизм от начала до конца? Более того, порой изображение этого самого «исторического фона» не менее важно, чем сам, так сказать, герой биографического рассказа. То есть иными словами, зачастую мы видим в биографии лишь сцену, где действует герой (или даже мизансцену, выделяемую крупным планом), но совсем (или почти) не видим и не слышим зрительный зал — тот самый зрительный зал, который был первым (и единственным!) свидетелем происходившего на исторической сцене.

Итак, герой и его эпоха — таковы слагаемые исторической биографии во все времена. Плутарх, подлинный отец этого жанра, в своих «Сравнительных жизнеописаниях» дал для читателей всех последующих двадцати веков столь широкую картину жизни античного общества, что лучшую трудно (или невозможно?) себе представить. И каждый его герой есть индивидуальный образ, своеобразно и прихотливо развивающийся. Читая замечательное по глубине жизнеописание Александра Македонского, мы видим, как одаренный и блестящий юноша, ученик Аристотеля, делается великим военачальником, повелителем мира, делается тираном и злодеем...

Античная биография, к слову сказать, вообще оказала чрезвычайно сильное влияние на развитие этого жанра в Европе, особенно в средние века. Петрарка одним из первых связал индивидуальную интроспекцию с пробуждением античной культуры и присуших

ей форм выражения. Спорным является вопрос о том, какое действие — стимулирующее или сковывающее — оказали эти античные образцы на развитие послесредневековой биографии. И в самом деле: стимулирующее или сковывающее? Нам представляется, что эта проблема заслуживает внимания специалистов.

Итак, бесспорным является тот факт, что биографический жанр имеет чрезвычайное распространение во времени и в пространстве. Разумеется, в разных странах, в разных национальных культурах его развитие идет по-разному. По мнению канадского ученого В. Вильсона, например, в наше время жанр исторической биографии особенно популярен в англоязычных странах, в меньшей степени во Франции, еще меньше — в Германии¹. Оставим в стороне вопрос о том, насколько канадский ученый прав в этом своем наблюдении. Но безусловно главное: сегодня общественный интерес к биографической литературе (в любых жанрах) наблюдается повсеместно, и есть возможность сделать обоснованное предположение, что интерес этот будет возрастать и впредь.

К этой же теме примыкает весьма важный вопрос о критерии в выборе героя биографии. В целом как будто все признают, что не каждый исторический деятель может стать героем биографического произведения. Однако конкретное применение этого принципа в советском книгоиздательстве принципиально иное, чем у западных буржуазных издателей. Буржуазные идеологи слишком часто подменяют понятие «выдающийся» понятием «знаменитый». Но бывают ведь и знаменитые разбойники (отнюдь не шиллеровского образца!). Нам представляется, что вряд ли стоит тратить усилия на создание биографии такого, например, весьма известного персонажа мировой истории, как Герострат. То же можно сказать и о духовных наследниках Герострата, чьи имена стали символами злодейства, предательства, низости и вероломства. И если кому-нибудь этот критерий покажется слишком «узким», то можно возразить: нельзя представить себе героя биографии вне «берегов», вне критериев нравст-

¹ См.: В. Вильсон. Биография как история. М., «Наука», 1970, с. 7.

венности, добра и зла, вне критериев политических и социальных.

Итак, интерес к биографиям велик, и он растет. Почему же?

Ныне во всех сферах гуманитарных занятий наблюдается повышенный спрос на документ. Чрезвычайным интересом пользуются мемуары, дневники, письма и все прочее эпистолярное наследство реальных исторических деятелей. Более того: документ теперь властно вторгается и в ткань чисто литературных произведений. Во всем мире (в том числе и у нас) появляются романы, пьесы, радио- и телеспектакли, целиком и полностью построенные на монтаже подлинных документов. Автор как будто бы даже не обрабатывает их, во всяком случае читатель воспринимает документальный материал как «сырой», как необработанный сколок реальной действительности. Правда, здесь уместно напомнить, что еще Роден использовал в своих скульптурных композициях необработанный камень — он был обработан так, чтобы казаться необработанным. Впрочем, это уже особый сюжет. Как бы то ни было, но документ стал общераспространенным фактом литературных произведений.

Следует признать, что биографический жанр является, пожалуй, наиболее благоприятной формой для подачи документального материала. В жизнедеятельности всякий человек оставляет свой «след» и в делопроизводстве различных учреждений, и в эпистолярном наследии: дневниках, мемуарах, стенограммах выступлений и т. п. Сюда можно добавить и прессу, а с некоторых пор — фотографию, киноленту, магнитофонную запись. Естественно, что наиболее значительное число таких материалов остается после человека, чья жизнь и деятельность отличались широким размахом и значительным влиянием на общественно-политические процессы, развитие науки и культуры, а также тесным общением с выдающимися личностями (а именно о таких людях чаще всего и пишутся биографии). Насыщенность документами ныне свойственна автобиографической и мемуарной литературе (сошлемся, например, на воспоминания маршала Г. К. Жукова и генерала Ш. де Голля). Для жанра документированной авто- или просто биографии в за-

падной науке сейчас возник даже особый термин: стиль life-and-letter¹.

Русская и советская литература и в прошлом и в настоящем имеет немало достижений во всех видах биографического жанра: художественном, научно-художественном, научном. Здесь не место перечислять лучшие образцы всех типов, список вышел бы длинным, да и известны эти книги достаточно широко (еще одно доказательство чрезвычайной популярности биографии как таковой). Отметим, что в нашей советской культуре в жанр биографии было привнесено одно существенное новшество: интерес к личности простого человека, человека труда. В той же связи можно вспомнить очень интересную серию «История молодого человека XIX столетия», задуманную М. Горьким. Остается пожалеть, что сегодня серия не продолжена.

Уместно назвать здесь и многочисленную литературу по истории фабрик и заводов (опять-таки начало было положено по горьковской идее). По горьковскому замыслу книги такого рода должны были как раз и показать коллективную биографию нашего рабочего класса и одновременно личные биографии выдающихся героев труда. К сожалению, горьковские заветы эти выполняются сегодня не слишком-то хорошо. И важнейшим, пожалуй, недостатком подобных книг является как раз то, что авторы их зачастую не умеют сочетать документальность изложения с созданием художественного образа, не умеют вмонтировать документ в ткань повествования.

Невозможно написать историю крупного коллектива, не говоря о людях, не рассказывая биографии тех, чья деятельность особенно тесно связана с заводом. Авторы понимают необходимость этого. Книги по истории предприятий буквально переполнены фамилиями (иногда они помещаются целыми списками). Но вот беда — прошлое и настоящее завода зачастую оказываются полностью безликими. Директора, конструкторы, известные новаторы производства, герои Отечественной войны и т. д. перечисляются с протокольной сухостью, им не дается характеристик, их жизненный

¹ Жизнь и литература (англ.).

путь остается неизвестен читателю. Не более повезло в этом смысле руководителям: директорам, главным инженерам и парторгам. Их имена упоминаются от случая к случаю, нет оценки их деятельности, и почти никогда не рассказывается биография тех воспитанников заводского коллектива, которые добились больших успехов на политическом или научном поприще.

Возьмем для примера такой сюжет: можем ли мы проследить преемственность директоров предприятия на протяжении всей его истории? Оказывается, нет, точнее, почти нет. Это «почти» относится, как ни странно, к старым хозяевам завода. Читатель узнает не только их имена и биографии, но кое-какие подробности и о членах их семей и т. д. В гораздо худшем положении оказались директора заводов советского периода (исключение составляют те из них, которые руководили предприятиями в момент подготовки выхода книг в свет... Тут авторы соблюдают своеобразную «этику»).

Выход в 1931 году Постановления ЦК ВКП(б) о создании истории фабрик и заводов имел громадное значение для развития этой своеобразной отрасли исторической науки. Впервые было обращено внимание на изучение советского периода истории предприятий. Указание на широкое привлечение воспоминаний рабочих, участие общественности в создании книг по истории фабрик и заводов также имело положительное значение.

К сожалению, позднее появилась опасная тенденция «оживления» рукописей диалогами, рассуждениями вымышленных персонажей и пр. Этих недостатков не были лишены даже лучшие книги на данную тему.

Вот, например, как один автор описывает тяжелое состояние завода в годы разрухи. Глава начинается следующей сценой (хронология здесь отсутствует, но, по-видимому, речь идет о 1920 годе): «Старший мастер, обращаясь к заведующему паровозосборочной мастерской Стефановскому, сердито сказал:

— За такую работу старые хозяева магарыч бы поставили. Ведро водки, не меньше. А с вас что взять? Хорошо бы по осьмушке хлеба. Изголодался народ, подкрепиться не мешает.

— Сделать что-нибудь не в моих силах,— ответил Стефановский.— Вот разве товарищ комиссар...

Туманов (комиссар завода.— С. С.), стоявший рядом со Стефановским, недовольно нахмурился. Ох уж этот интеллигентик! Не решается честно и прямо сказать правду в глаза. Комиссар не стал тешить рабочих напрасными надеждами. Он не Тит Титыч, у которого амбары ломаются от хлеба.

— Очень трудно в Питере с продовольствием,— сказал Туманов.— Привезут хлеб — увеличим паек. А пока нужно крепиться. Кончится война, тогда и заживем по-настоящему.

Бригадир широко улыбнулся...» — и конфликт был исчерпан.

Вряд ли есть необходимость критически комментировать этот отрывок — фальшь его очевидна. К сожалению, такие примеры не единичны.

Нередко случается и так, что и биографии «чистого», так сказать, жанра страдают теми же недостатками. Это относится к романам, повестям и к документальным хроникам, посвященным жизнеописанию того или иного героя.

Возьмем в качестве типичного (и печального, к сожалению!) примера такого рода книгу Ильи Амурского «Матрос Железняков» (1968 г.).

Жанр рецензируемой книги довольно трудно определить. С одной стороны, это вроде бы популярный исторический очерк, в основу которого положены документы, воспоминания очевидцев, свидетельства прессы — словом, все то, что на профессиональном языке историков называется «документальные материалы». Используется все это довольно щедро, одни только выдержки из дневника Железнякова занимают 16 страниц текста. В книге идет речь лишь о действительно происходивших событиях, ее герои — реально существовавшие люди. Даже композиция книги от первой до последней строки построена по принципу строгой хронологии, что также является добродетелью скорее историка, чем литератора.

Однако даже в самом популярном историческом очерке автор не имеет права рассказывать о том, что переживал и чувствовал Анатолий Железняков, ведя в бой бронепоезд, если не опирается при этом на под-

длинные и достоверные материалы. В произведении же И. Амурского герои рассуждают, размышляют, разговаривают (очень много разговаривают!), автор подробно, не торопясь, излагает все это. Причем почти все диалоги никоим образом не основаны на подлинном фактическом материале, а порождены авторским воображением. Но это уже иной жанр — жанр исторического романа.

Книга И. Амурского есть некий гибрид истории и беллетристики. Произведения такого рода появились не вчера, но сегодня они приобрели чрезвычайное распространение. Рецензируемое произведение как бы фокусирует все наиболее характерные недостатки подобных сочинений.

Какой же образ Железнякова составит себе читатель книги? Какое представление об эпохе, в которую жил герой?

Начнем с последнего. Здесь следует сразу и со всей определенностью сказать, что сложное и драматическое время революции и гражданской войны изображено И. Амурским поверхностно и приблизительно. Вот, например, центральное событие книги — октябрьские дни в Петрограде в 1917 году. Железняков принимал активное участие в штурме Зимнего дворца. Сейчас известен буквально каждый эпизод этого важнейшего события, имеется множество всевозможных описаний. Но И. Амурский не сообщает читателю ничего конкретного: велик ли был отряд Железнякова, из кого состоял, откуда вел наступление на Зимний. Сцена штурма написана в общих, примелькавшихся фразах, вроде: «Засверкали молнии выстрелов, засвистели пули». И вот уже «мощный людской поток со всех сторон врывается на Дворцовую площадь», а затем «многочисленный человеческий поток врывается под дворцовые своды». А во время атаки матросы Железнякова кричат: «Полундра! Амба контре!» Автор передает, так сказать, колорит эпохи...

Иногда эти развернутые, хотя и не слишком оригинальные описания сменяются протокольной лапидарностью. В этих случаях И. Амурский лишь перечисляет события, участником которых был Железняков, не показывая, в чем именно это его участие проявилось. Победа над казаками Краснова в конце октября

1917 года была весьма важным эпизодом в судьбе революции и в личной судьбе Железнякова, связавшего с революцией свою жизнь. Вот как сообщает об этом автор: «Поднятые тревожными гудками фабрик и заводов, двинулись на фронт тысячи питерских рабочих, войсковые части, отряды матросов. Ушел на фронт и Железняков». И все...

Эта приблизительность описаний и недостаток конкретных фактов характерны для всей книги. Во время гражданской войны судьба бросала Железнякова по всей стране, от одного фронта к другому. Книга в изобилии насыщена названиями городов, сел и железнодорожных станций, где отряду Железнякова приходилось сражаться, так что читателю предстоит основательно вспомнить географию. Но в этом географическом калейдоскопе многочисленные сражения Железнякова неразлично одинаковы и однообразны: враги (порой трудно определить, кто именно эти враги) трусливо нападают из-за угла, всегда имея превосходство в силах, а потом так же трусливо убегают или сдаются в плен. Гораздо меньше внимания уделено фактической стороне дела, здесь авторская скороговорка делает непонятными для читателя многие важные эпизоды. Известно, например, что бронепоезд, которым командовал Железняков, сыграл большую роль в разгроме мятежа Григорьева на Украине. Но из текста книги неясно, что это был за мятеж, какое значение имела борьба с ним в общем ходе гражданской войны, неизвестно даже, где и когда он происходил. В описании боя с григорьевцами чуть ли не основное место уделено командам и восклицаниям Железнякова: «Орудия к бою!», «Крой беглым!», «Разнесем!», «Молодец, Романов!», «Полный вперед!» и т. д. и т. д.

Упрощенность, с которой И. Амурский изображает революционную эпоху, порой просто поразительна. Посол США Фрэнсис «раздраженно» и даже «зло» диктует указания Керенскому, а тот лишь однажды «осмелился» перебить посла или робко «пробовал возражать». Или вот такая бутафорская сцена: тот же Керенский и морской министр Вердеревский обсуждают, как лучше помочь немцам погубить русский Балтийский флот. При этом Керенский даже беспокоится

за немцев: «Достаточно ли германские силы?» — спрашивает он.

Так изображена революционная эпоха.

Могут возразить, что ведь книга И. Амурского — не историческое исследование и даже не популярный исторический очерк. Может быть, не стоит придирааться к неточностям? Все знают знаменитую песню о матросе Железняке. Строго говоря, обстоятельства гибели героя там воспроизводятся не совсем точно. Но песня эта содержит нечто большее — образ матроса-партизана, отчаянного и бесстрашного. И трагизм гражданской войны. И русский размах, неудержимый и безграничный во всем. Какое значение в сравнении со всем этим имеет тот факт, что смерть настгла Железнякова не «в степи под Херсоном», а западнее Екатеринослава?

Увы, образ Анатолия Железнякова, нарисованный И. Амурским, напоминает памятники выдающимся людям, которые возводились у нас в недавнем прошлом. Изображенные на памятниках, они поражают удивительным «лица общим выраженьем». Отличить их друг от друга можно только так: у этого сюртук, у того фрак, у этого борода, у другого бакенбарды. Так и герой книги Амурского напоминает своего реального прототипа лишь тельняшкой да бескозыркой. Индивидуального портрета автору создать не удалось.

Неистовый, бурный темперамент, крайняя решительность в поступках и суждениях, бескомпромиссность и готовность идти до конца во всем — вот каков был Анатолий Железняков, этот бунтарь по натуре, человек, словно специально созданный для революции.

А в книге? Здесь мятежного матроса как будто бы одели в парадный мундир, застегнутый на все пуговицы. И этот Железняков утратил яркие свойства своей природы, превратился в некий стандартно положительный типаж. Тот самый Железняков, который накануне революции (ему исполнился тогда двадцать один год) записал в своем дневнике: «И я верю, — а иначе и жить нет смысла, — что наступит пора, когда человечество, шагая через трупы товарищей и врагов, пройдет тяжкие испытания и среди смрада, зарева пожаров и разрушений увидит ее, всю облитую кроваво-

красным светом, великую, единственную и могучую мать-свободу».

Эти и многие другие весьма характерные отрывки из дневника и писем героя приведены в книге. Но они существуют сами по себе, а образ, нарисованный автором, сам по себе, и порой кажется, что речь идет о разных людях.

В книге говорится и о храбрости Железнякова (в атаках он «бежал впереди» — об этом сказано несколько раз). О его жажде борьбы («— Разрешите, товарищ командарм, выйти на позицию»). О его ненависти к врагам революции («— Ну, держись, золотопогонники!..»). Все это, бесспорно, соответствует истине, но написано с такой протокольной бесстрастностью или с такой неумеренной восторженностью, что художественная достоверность всех этих (и иных) эпизодов до крайности неубедительна. И даже сама драматическая смерть Железнякова в командирской рубке окруженного со всех сторон бронепоезда, даже эта финальная сцена книги написана невыразительной скороговоркой: «Железняков начал стрелять по врагам из нагана. Эта смелость стоила герою жизни. Железняков был смертельно ранен. Падая, он отдал последний приказ:

— Бронепоезда не сдавать, товарищи!

Приказ командира был выполнен. Бронепоезд не сдался».

И совсем плохо, когда И. Амурский начинает повествовать о своем герое по принципу юбилейной речи, когда все то, что может повредить Железнякову в мнении самого автора, приглажено или опущено. Остановимся в этой связи лишь на одном, но весьма важном обстоятельстве. В книге нет даже упоминания о том общеизвестном факте, что Железняков одно время примыкал к анархистам. Вот описывается митинг в апреле 1917 года (оговоримся, что здесь и в иных случаях даты приходится восстанавливать по косвенным признакам, так как автор нередко пренебрегает хронологией).

На митинге у Железнякова спрашивают: «Ты за какую партию стоишь?» Железняков отвечает уклончиво. Второй диалог на ту же тему происходит, по видимому, в мае:

«— А к какой партии принадлежишь?..

— В партию я еще не вступил...— тихо ответил Железняков».

Странная застенчивость для такого боевого парня. Но застенчивым в данном случае оказывается сам автор. Ведь именно в это время Железняков активно действовал совместно с анархистами. Автор описывает, например, захват дачи Дурново в Петрограде в июне 1917 года — событие, весьма шумевшее даже в то бурное время. Железняков принимал в этом деле самое энергичное участие. (Автор вскользь говорит, что захват был осуществлен «рабочими организациями». Это неверно. Авантюра на даче Дурново была делом рук анархистов, к которым примыкал Железняков. Отметим, кстати, что арест анархистов — и Железняка — на даче осуществили не «юнкера и казаки», а солдаты Семеновского полка — это не единственная фактическая небрежность автора.)

Итак, об увлечении Железняка анархизмом в книге ничего не сказано. К чему это явное и сознательное умолчание? Чтобы задним числом «улучшить» Анатолия Железняка? Но заслуги его перед революцией достаточно велики, он не нуждался в подобном «улучшении».

Так выглядят матрос Железняков и его эпоха в книге, принадлежащей к смешанному жанру истории и беллетристики.

Особо следует остановиться на книгах старейшей нашей биографической серии — «Жизнь замечательных людей».

Судьба серии началась четыре десятилетия тому назад.

...5 июля 1932 года «Литературная газета» известила своих читателей, что по инициативе А. М. Горького решено приступить к выпуску серии биографий замечательных людей. «Главная задача издания — дать подробный марксистский анализ той социальной среды, в которой великим людям приходилось жить и работать; показать их упорную и самоотверженную работу; выяснить различие положений человеческой личности в эпоху докапиталистических, капиталистических отношений и в период строительства социализма». Был определен и читательский адрес: «Серия

будет ориентироваться на передовые слои рабочих, студенчество и актив нашего строительства».

К началу 1933 года четыре подготовленные к набору рукописи легли на стол Горькому, который был членом ответственной редакции, но жил в ту пору в Сорренто.

Малая числом, редакция опиралась на широкую редколлегию, которая была одновременно и представительной, и рабочей. В нее входили: М. Горький, видные партийные и государственные деятели — Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, академик С. И. Вавилов, профессор И. Э. Грабарь, известный журналист М. Е. Кольцов, профессор А. П. Пинкевич, крупный издательский деятель А. Н. Тихонов, академик А. Н. Фрумкин, профессор, впоследствии знаменитый полярный исследователь О. Ю. Шмидт и другие.

Трудности организационного периода редакция серии смогла быстро преодолеть. Номер первый стоит на обложке книги А. И. Дейча «Генрих Гейне», затем выпуски следовали регулярно.

Так сорок лет назад начала свою жизнь советская биографическая серия.

Естественно, что Горький в какой-то мере опирался на опыт Павленкова, его биографической серии, однако в новых исторических условиях этот опыт не мог быть использован механически. Давая в общем безусловно положительную оценку этой первой в России универсальной биографической серии, следует, однако, сказать о некоторой ограниченности ее. Прежде всего в силу объективных условий, в которых издавалась серия, жизнеописание ряда выдающихся людей России и мира не нашло своего места. Назовем здесь Разина и Радищева, Болотникова и Чернышевского, Робеспьера и Маркса. Деятельность ряда героев серии получала субъективистское истолкование, исторические события в большинстве книг толковались с идеалистических позиций. Горький считал, что в павленковской серии материал подобран зачастую случайно и лишен внутренней связи.

После Великого Октября, всколыхнувшего к новой жизни огромные массы народа, необычайно вырос интерес к книге, в частности, к книге биографической.

Однако создать советскую биографическую серию оказалось делом совсем не простым.

Горький в январе 1933 года писал Ромену Роллану: «В этом году я редактирую серию биографий». Эти слова выражают очень точно деятельное участие Горького в становлении серии. Он читал рукописи, предлагал авторов будущих книг, высказывал общие соображения о том, как, по его мнению, следует вести дело. Тогда же он писал Кольцову, что серию надо бы было ставить исторически: «Например, доисторический герой, как его изображает народное творчество: Геркулес, Прометей и т. д. Люди Эллады: Архимед, Аристотель, Платон, Демокрит, Рим — люди республики, а затем империи, эпоха разрушения Римской империи, затем раннее средневековье, норманны: Вильгельм-завоеватель, Роберт Гвискар, трубадур Бертран де Бор и т. д.

Дать побольше людей Возрождения, кондотьеров, семейство Медичи, голландских банкиров, Фуггеров, алхимиков, медиков 18-го в., материалисты и основоположники экспериментальных наук и т. д.

Переходя к 19 веку необходимы: Гегель, Маркс — Энгельс, Бальзак, их бы надобно дать в первую очередь».

И в другом письме: «...Необходима серия биографий большевиков, начиная с В. Ильича, кончая типичным рядовым партии, вроде Петра Скороходова...»

От плана исторически последовательного, хронологического построения серии пришлось, при всей его заманчивости, отказаться из-за его негибкости. Давая биографии «в разбивку», можно было сразу развернуть серию по всему историческому фронту. Это делало ее более открытой времени и запросам текущего дня.

«Наполеон» Е. В. Тарле был последней книгой, которую читал в своей жизни Горький. На ней сохранились его пометки. Последняя книга, на которой стояло его имя как ответственного редактора, но уже в траурной рамке, — «Байрон» А. К. Виноградова.

Судьба серии очень занимала Горького до последних дней его жизни. В апреле 1936 года он послал тогдашнему генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ А. В. Косареву письмо с предложением взять серию

«Жизнь замечательных людей» под наблюдение комсомола.

Вскоре так и случилось. В 1938 году Журнально-газетное объединение перестало существовать и биографическая серия была передана издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Издаваясь в «Молодой гвардии», серия как бы «помолодела», четко определился ее комсомольский адрес, она приблизилась к современности.

Итак, около сорока лет назад серия «Жизнь замечательных людей» стала частью комсомольского издательства. Такое положение сохраняется и по сей день.

Замечательные люди, о которых издает книги «Молодая гвардия», принадлежат истории. Вот почему и биографии этих людей, относящиеся к жанру художественной литературы, являются в то же время сочинениями историческими. В том смысле историческими, что они должны основываться на достоверных подлинных материалах. Уже давно сказано, что художник должен проверять свое вдохновение линейкой... Для автора историко-биографического романа такой линейкой является строгая достоверность фактического материала.

В энциклопедиях и справочниках биография того или иного лица состоит только из фактов и дат: родился, совершил то-то и то-то, умер... Этот перечень может быть каким угодно длинным, сколь угодно подробным, безусловно достоверным, но главного — образа героя не создаст. Точно так же, как самое скрупулезное описание примет человека не создаст его портрета. Для жанра романизированной биографии необходимо прежде всего воссоздать образ героя, со всеми его индивидуальными и неповторимыми чертами.

Оговоримся сразу, что при этом не может быть и речи о пренебрежении к исторической точности. Такая оговорка тем более необходима, что некоторые авторы пренебрегают этим. В конце каждой книги имеется список «основных дат жизни и деятельности» героя. Увы, иногда без этого подручного справочника трудно обойтись. Например, в биографии Семенова-Тян-Шанского (автор А. Алдан-Семенов) о защите героем магистерской диссертации сообщается так небрежно, что год приходится устанавливать по упомянутому

списку, а точная дата вообще остается неизвестной. Часто приходится заглядывать в список при чтении биографии Шаумяна (автор И. Дубинский-Мухадзе) и Комиссаржевской (автор В. Носова). Иногда невнимание к хронологии носит, так сказать, скрытую форму: дата вроде бы есть, но она затерялась в тексте, как в лесу, и ее трудно обнаружить. Вот будущий адмирал Лазарев готовится к своему третьему кругосветному путешествию (автор биографии Б. Островский). На семи страницах описываются сборы в далекий путь, но лишь перевернув восьмую, читатель сможет установить время действия — лето 1822 года (с. 87). И совсем плохо, когда хронология заменяется сообщениями такого рода: Лазарев женился «во время очередного приезда» в Петербург (с. 160)...

Повторяем, точность фактического материала необходима в романе-биографии, но она есть лишь средство для достижения главной цели: создания образа героя. Читателю должен быть предоставлен достаточно убедительный материал, чтобы он сам, без подсказки автора, увидел в герое книги подлинно «замечательного человека». Вот биография известного химика Зелинского (автор Е. Нилов). Речь идет о студенческих годах героя, когда формировался талант будущего ученого. «Занятия по качественному анализу увлекали Зелинского... Николай Зелинский полюбил и количественный анализ» (с. 23). Герой защитил диссертацию. В ней, сообщает автор, он «показал себя вдумчивым исследователем, критически оценивающим полученный им богатый экспериментальный материал, стремящийся найти общую связь, единые закономерности в различных явлениях» (с. 47). Но кто из крупных ученых не был «вдумчивым исследователем» и не искал «общую связь явлений»? Эта безликая характеристика может быть отнесена к кому угодно.

Или вот аналогичный пример из совсем иной сферы. Речь идет о деятельности Постышева на посту секретаря ЦК ВКП(б), заведующего отделом пропаганды (автор Г. Марягин). Здесь есть о чем рассказывать, тем более что герой был человеком ярким и интересным. Но вот как сообщает нам об этом автор: «Постышев подчеркивает, что новые задачи требуют от партработников конкретного, гибкого, оперативного руко-

водства...», «Постышев по-прежнему внимательно относится к запросам, письмам, предложениям с мест...», Постышев «часто выступает на совещаниях, пленумах, конференциях» (с. 236). Подобными фразами автор излагает на шести страницах сведения из жизни героя за два с половиной года. Можно смело сказать, что откуда читатель ничего не узнает о Постышеве, кроме наименования должности, какую он в то время занимал. Но для этого достаточно было бы взглянуть на перечень «основных дат» в конце книги...

Иногда подобное бесстрастное изложение сопровождается некой деталью, долженствующей напомнить читателю, что он имеет дело с художественной литературой. В биографии Шаумяна (автор И. Дубинский-Мухадзе) есть рассказ о том, как герой пишет статью в легальный печатный орган и поэтому вынужден сдерживать свои мысли и выражения. Следует соответствующая цитата из этой статьи. А потом: «Большим белым платком Степан стирает со лба капельки пота. Покусывает губы. Сдерживается» (с. 94). К чему эта литературная красивость, если все уже объяснено? В наши дни капли пота на лбу волнующегося героя не станут снимать самый непритязательный кинорежиссер: штамп, избитый штамп.

Общие слова, которые никак не воссоздают конкретного образа героя, особенно часто встречаются в биографии Петровского (авторы Ф. Бега и В. Александров). О многих весьма важных событиях в жизни героя сообщается в какой-то суммарной форме. В ответ на расстрел рабочих 9 января 1905 года в Екатеринославе вспыхнула забастовка: «Группа Петровского пыталась изменить характер забастовки, повернуть ее на революционный путь... Начала вести агитационно-пропагандистскую работу...» (с. 65). Героя в этих событиях нет, есть только «группа Петровского». В разгар революции 1905 года герой становится членом Совета депутатов. Туда «рабочие шли со всякими предложениями, обидами, просьбами. И отказать в разборе дела было нельзя: рабочий люд шел к своим вожакам, которым полностью доверялся в трудный час испытания» (с. 82). Какая выигрышная ситуация для авторов, чтобы показать нам личность героя! Но мы узнаем о нем только то, что он был членом Совета.

Так же описан и арест Петровского в 1914 году вместе с другими рабочими депутатами Государственной думы: «Арестованные держались достойно, без тени страха...» (с. 204). Свершилась Октябрьская революция. 30 ноября 1917 года Петровский стал во главе Народного комиссариата внутренних дел. Авторы уведомляют: «А работы у НКВД было поистине невпроворот» (с. 243). Верно, невпроворот, но читателю интересно узнать именно то, как действовал герой в этих условиях, какие черты своего характера проявил. В книге бегло перечислены некоторые мероприятия, в которых принимал участие Петровский, находясь на этом посту до апреля 1919 года, и только. А личности героя нет. Совсем нет.

В биографиях замечательных людей не должно быть места агиографии¹. А порой бывает, что авторы, влюбленные в своих героев, сопровождают каждое их деяние благовестом. И тогда все, что ни свершает герой, описывается в тонах самых восторженных, с полным набором прилагательных в превосходной степени.

А. Лебедев попытался нарисовать портрет Чаадаева. Но вот, например, как оценивает автор известное «Философское письмо», опубликованное в 1836 году: «Это был выстрел в ночи. Это был набатный удар в стране онемевших людей. Это был живой звук в государстве мертвых» (с. 16—17). Сказано энергично. Никто не станет умалять значения Чаадаева, но зачем же стулья ломать? Ведь он жил в России, а не в сурдокамере. Разве Пушкин и Гоголь, Тютчев и Белинский, в полную меру своего гения творившие в ту пору, разве они — «онемевшие люди»? И разве Крузенштерн и Лобачевский, Пирогов и Глинка, Брюллов и Росси — из «государства мертвых»? Герой ничуть не возвышается от того, что под пером автора все, его окружавшее, унижено. Скорее наоборот.

Быть может, особенно трудно избежать агиографического искуса биографам знаменитых актеров: их герои получают громкую славу при жизни, никто не решается потревожить их прах после смерти. Но вот в книге о Комиссаржевской апологетический тон начи-

¹ Агиография (греч.) — вид церковной литературы, посвященной жизнеописанию «святых».

сто отсутствует. Один спектакль был, по мнению автора, удачен, другой нет. И еще. В последние годы распространилась мода безоговорочно принимать все, что в свое время считалось «левым». Нарушителей этой моды карают порой уничижительными отзывами. И в этой связи следует особо отметить независимость авторских оценок В. Носовой, когда она не старается писать икону с лика Мейерхольда, критически судит их совместную работу с Комиссаржевской. Никакой идеализации нет и в биографии Римского-Корсакова (автор И. Кунин). Ни по отношению к герою, ни к его друзьям — Балакиреву, Мусоргскому, Стасову. И, описывая взаимоотношения между ними, автор не ставит этих поистине замечательных в своем роде людей на котурны. Ни всех вместе, ни каждого в отдельности.

Строгую и достойную сдержанность проявляют обычно авторы биографий об ученых, оценивая вклад своих героев в отечественную и мировую науку. В этой связи следует назвать книги о Лобачевском и Зинине, Боткине и Зелинском. Несколько хуже обстоит дело, когда заходит речь о взглядах и действиях героев в связи с общественными и политическими проблемами. Бывает, что автор стремится задним числом улучшить своего героя согласно собственным представлениям. Вот А. Алдан-Семенов, например, словно стесняется того, что знаменитый путешественник и географ Семенов-Тянь-Шанский был монархистом, помещиком, одним из соавторов реформы 1861 года, которая не удовлетворила крестьян. И автор начинает как бы извиняться перед читателем за своего непутевого героя: он-де и «Колокол» с сочувствием читал, и об участи крепостных печалился, и при разработке проекта реформы выступал на стороне «либералов» против «реакционеров» (в иных случаях автор не забывает ругнуть и «либералов» тоже)... А то, что Положение об освобождении крестьян получилось недостаточно хорошим, так Семенов-Тянь-Шанский тут ни при чем: он, защищает своего героя автор, «был обманут горячо обожаемым монархом» (с. 132). Так и написано: был, мол, обманут... Догадливый читатель без труда сообразит, что долголетняя деятельность именитого географа в качестве члена Государственного совета будет лишь мельком отмечена в книге. Неловко как-то: круп-

ный ученый — а заседает в таком реакционном учреждении. Вероятно, по этой же причине биограф Боткина Е. Нилов очень глухо и как бы вскользь говорит о службе своего героя в должности лейб-медика. А ведь знаменитый врач лечил Александра II и его семью не один год.

Герои не становятся симпатичнее от таких пластических операций. И лучше всего это доказывают те авторы, которым удалось избежать подобного. Химик Зелинский, долго работавший в Московском университете, неоднократно был свидетелем бурных революционных событий, происходивших в его стенах. Автор биографии ученого в точном соответствии с исторической правдой показывает сочувствие героя передовой молодежи, но ни в коей мере не стремится превратить его самого в революционера. Объективность сохраняется также и при описании Зелинского в период Октября: он отнюдь не принадлежал к числу той профессуры, которая пыталась бойкотировать Советское правительство, но некоторое время он не принадлежал и к активным сторонникам нового строя (как Тимирязев, например). Комиссаржевская не раз давала значительные суммы денег Красину и Коллонтай на нужды большевистских организаций. Но автор ее биографии не делает на этом основании актрису таким членом-соревнователем партии. На протяжении всей книги четко прослеживается мысль о том, что Комиссаржевская сочувствовала революционному движению, но мало интересовалась политическими вопросами и слабо разбиралась в них.

Или вот биография Пирогова, изданная в 1965 году (автор В. Порудоминский). Великий медик длительное время провел на государственной службе, занимал высокие посты, был, например, попечителем учебного округа, выступал в печати в эту пору по вопросам просвещения.

В книге автор делает извиняющуюся оговорку. О ней стоит сказать подробнее. Читателя как бы просят простить героя за его недостаточно прогрессивные взгляды: «Пирогов не был революционером. Но он был благороден, искренен, независим». Все это верно. А далее следует такой странный поворот темы: «Благодаря этим качествам Пирогова орбита его деятельности пе-

ресекала (?) орбиту революционного движения. Пирогов не помогал революционерам. Он объективно им способствовал» (с. 258). Не будем останавливаться на неудачном образе с «пересечением» орбит. Дело даже не в том, что Пирогов—человек консервативных взглядов — никак не способствовал и не хотел способствовать революционерам. Дело в том, что такие моральные качества, как благородство, искренность и независимость, быть может, и благоприятствуют, но совсем не обязательно «объективно способствуют» революции. И то и другое — разные плоскости, и насильственно сопрягать их не следует.

Когда деятельность героя (а тем более деятельность государственного значения) описывается громкими, но лишенными конкретного содержания фразами, у читателя может возникнуть впечатление обратное тому, которое стремился вызвать автор. Например, вот какими аттестациями награждается выдающийся руководитель русского флота адмирал Лазарев: «Поразительно плодотворна была вдохновляющая деятельность Лазарева! Охватывая большие масштабы, он не упускал и самые незначительные мелочи» (с. 155). Этим наградным стилем можно исписать целые тома, но картины «вдохновляющей деятельности» не получится. Или еще пример такого рода. Шаумян приехал на рудники поднимать забастовку. И вот что случилось сразу же после его появления: «—Бросай работу! Выходи из штолен! Живо!—с быстротой молнии разносится в июльский полдень». И тотчас же тысячи рабочих «спешат выбраться из исполосованной (?) забоями толщи земли». Позже автор вложит в уста Шаумяна слова: «Начать забастовку было совсем нетрудно» (с. 110). Нет, летом 1906 года организаторам стачек приходилось нелегко. Но дело даже не в этом. Почему приезд Шаумяна сыграл столь выдающуюся роль? Почему на его призыв так вот сразу откликнулись тысячи рабочих? Раскрыв это, автор очень обогатил бы наше представление о герое. Но этого в книге нет. Предполагается, что читатель должен верить автору на слово...

В биографии Постышева многократно и настойчиво перечисляются всяческие достоинства героя. Он отказывается ездить в персональной машине, предпочи-

тая ей трамвай; он приходит инкогнито («посетитель в полушубке») на прием к заведующему собесом и деликатно отчитывает его за пренебрежение к людям; он стоит в очереди за макаронами, а потом борется с грубостью продавцов, и т. д. и т. д. Можно предположить, что, рассказывая о каждом таком случае, автор опирался на соответствующий подлинный материал. Но ведь перечисление само по себе не создает художественный образ, а если к тому же еще автор не проявляет должного вкуса и меры, то вместо реалистического портрета возникает грубая олеография.

Здесь уместно упомянуть книгу о Лобачевском (автор М. Колесников). Она посвящена гению, который из XIX века смотрел в XXI, человеку огромной воли, страсти и темперамента. Казалось бы, вот где простор для звучных эпитетов! Но в этой книге читатель не встретит ничего похожего на агиографию. Несчастлива была судьба этого сурового, вспыльчивого человека. Он жаждал погрузиться в свои мысли, свои искания — его всю жизнь отвлекала чиновничья поденщина, он нуждался в общении ученых, равных себе, — его окружали фигуры средние или просто ничтожные, он искал покоя и уединения — его преследовали житейские заботы, семейные неурядицы.

И подлинной трагедией был финал жизни Лобачевского. Слепой, пораженный тяжким недугом старик, одинокий гений, не признанный окружавшими его людьми, переживший смерть своих детей, — он медленно угасает, сознавая это. И умирает в бедности, в долгах, оставив своим наследникам запутанные дела, а родине — гениальные открытия. Все это нельзя читать без душевного волнения. Но мы закрываем последнюю страницу, и печаль наша светла. Светла, ибо мы прикоснулись к жизни воистину замечательного человека, которыми так богата земля наша.

Как сказано, чтобы изваять статую из куска мрамора, надо отсечь от этого куска все лишнее. Очевидно, и для того, чтобы создать в биографическом произведении образ героя, необходимо сосредоточить внимание на важнейших, особо характерных сторонах его жизни (и его эпохи). Это нелегко, ибо многие из тех людей, которых потомки называли замечательными, прожили жизнь бурную, насыщенную событиями, бо-

гую интересными встречами и драматическими столкновениями. Значит, строгий отбор фактического материала здесь тем более необходим. Но не только отбор. Любой, казалось бы самый незначительный, эпизод, любая бытовая деталь эпохи, описание природы и погоды, наконец,— все это в романе-биографии должно быть подчинено одной цели — образу героя.

Повинуясь желанию родных, молодой Римский-Корсаков становится военным моряком и уходит в долгое плавание. Где только ему не пришлось побывать, даже в далекой Бразилии! Но автор биографии композитора не отвлекается разными экзотическими подробностями, а все время фиксирует внимание читателя на главном, на том, как складывался внутренний мир будущего творца «Садко»: «Придет срок, и сверкание звезд взойдет в его музыке, раскинется во всю ширь влажная пустыня океана, волны и ритмически покачивающиеся мачты запоют свою песню».

Однако в ряде книг серии «Жизнь замечательных людей» встречаются длинные описания, которые непосредственного отношения к личности героя не имеют. Видный деятель большевистской партии Ногин (автор биографии В. Архангельский) побывал в разных краях России и долгое время провел в эмиграции, путешествуя по многим городам Европы. Описания того, что во время своих нелегких скитаний видел (или мог видеть) герой, занимают в книге весьма большое место. Но чем эти описания обогащают наше представление о личности рабочего-революционера? К сожалению, ничем. В 1896 году Ногин впервые приехал в Петербург. И вот на двух страницах следует описание знаменитого Невского проспекта. Описание, страдающее литературными штампами (Гостиный двор «словно потревоженный кем-то улей») и просто сомнительными образами: «мрачные (?) крылья Казанского собора», «островерхая (?) громада Петропавловской крепости» (с. 24—25). Таким же образом рассказано в книге и о европейских городах, в которых жил (или через которые проезжал) Ногин. Эти рассказы напоминают цитаты из туристических справочников. Вот как выглядит у автора Париж: «Эспланада Дома инвалидов, площадь Звезды, Собор Парижской богородицы, Гран-Опера и Елисейские поля — такого архи-

тектурного богатства было достаточно даже не для одного города» (с. 145). Точно таким же стилем описаны Цюрих (с. 136), Руан (с. 146), Мюнхен (с. 189).

Многочисленными длиннотами страдает и биография Семенова-Тян-Шанского. Автор делает пространные экскурсы в историю Центральной Азии. Один за другим следуют рассказы о кровавых междоусобицах местных племен. Легенды. Мифы. Однако наше представление об ученом-географе все это несколько не обогащает. Скорее наоборот, герой теряется в экзотических декорациях. В книге много описаний природы, но беда в том, что природа существует сама по себе, а путешественник сам по себе. Видимо, автору следовало бы показать Тянь-Шань через восприятие своего героя. Тогда рассказ о горных кручах и водопадах стал бы куда более эмоциональным, а личность смелого землепроходца гораздо полнее предстала бы перед читателем.

Герой книги Б. Островского адмирал Лазарев тоже немало путешествовал по свету. Здесь простор для всякого рода отступлений на самые разные темы был поистине океанский. Но автору удалось четко соблюсти пропорции в изображении героя и окружавшей его обстановки, фона, так сказать. Пытливый и разносторонний человек, Лазарев в бытность свою в Южной Америке во время первого кругосветного путешествия специально интересовался тамошним животным миром (и вообще очень любил животных). Но из всей бесконечно богатой фауны далекого материка автор задерживает наше внимание только на ламах. И не случайно: Лазарев взял этих животных на корабль и, проявив немало изобретательности, настойчивости и терпения, смог впервые в мире перевезти диких зверей через океан (с. 35).

В биографическом произведении герой должен все время находиться в фокусе повествования. Для этого, вероятно, одного лишь пропорционального соотношения между героем и фоном недостаточно. И когда фокус авторского внимания так или иначе сбивается, тотчас же и образ самого героя в восприятии читателя делается расплывчатым и зыбким. Обратимся опять-таки к биографии Лазарева, к той ее части, где речь идет о плавании шлюпа «Мирный» к берегам Антарк-

тиды. Здесь скорее получилась история самого плавания, чем биография героя. Автор не смог художественно переработать источники, он просто пересказывает их. Вот почему помощник Лазарева мичман М. Н. Новосильский, оставивший интересное описание путешествия, обрисован в этой части книги гораздо более полно, чем его капитан. Или, скажем, описание Наваринского боя — самое, пожалуй, яркое событие в биографии знаменитого моряка (он был начальником штаба русской эскадры), чему посвящено немало страниц. Но за пороховым дымом и криками «ура» героя не видно и не слышно. И опять-таки молодой лейтенант П. С. Нахимов выглядит в этом эпизоде куда более живо и лучше запечатлевается в памяти.

Никакие, даже очень важные сами по себе события не должны заслонять героя в биографическом произведении. Одним из самых известных эпизодов в жизни старого большевика Петровского была его деятельность в качестве рабочего депутата IV Государственной думы. Естественно, что данной теме авторы уделяют много места. Но вот как это делается: на семи страницах описана обстановка в стране во время выборов и ход выборов вообще, а потом на трех страницах скороговоркой рассказано об избрании самого героя. Причем рассказ ведется в таком стиле: Петровский «твердо стоял и защищал большевистскую политическую платформу». Как защищал, какими словами, об этом читателю не сообщается ничего. И получается в итоге, что картина выборов в IV Думу в книге есть, но самому герою в ней предоставлена роль второстепенного персонажа.

Фокус авторского внимания четко наведен на личность героя в биографии Боткина. Уже немолодым человеком знаменитый врач отправляется на русско-турецкую войну 1878—1879 годов. В книге почти ничего не говорится о движении войск в ходе сражений. Боткин не покидал тыловых госпиталей, где развернулась его энергичная деятельность. Но вот что интересно: мы не видим лихих казачьих атак, не слышим грохота канонады, но перед нами возникает широкая панорама войны, жестокой и кровавой. Можно рассказать о войне по сводкам сражений, можно по письмам солдат, а можно — как это получилось у авторов — по описанию

госпиталей. И это не просто история войны, а война, увиденная глазами самого Боткина. Точно так же читатель увидит героическую оборону Севастополя через восприятие Пирогова. Герой и события, в которых он участвует, здесь неразрывно связаны между собой.

Строго соблюдены пропорции между общим и биографическим материалом в книге о Зелинском. Здесь нет отступлений в экономику, политику, искусство, ибо все это было вне сферы интересов героя. Зато университетская обстановка и атмосфера научной жизни описаны щедро и интересно. И такой взыскательный отбор материала делает более выпуклым образ самого героя. Подобными же словами можно охарактеризовать и биографию Комиссаржевской. Автор сравнительно редко описывает мир, простиравшийся за пределами театральной рампы. И справедливо, ибо вся жизнь героини, все ее мысли и чувства были связаны с театром. Но вот, например, в книге показаны студенческие волнения 1899 года в Петербурге. Показаны потому, что в эту пору актриса выступала перед студенческой аудиторией с чтением «Песни о Соколе». В той накаленной атмосфере выступление Комиссаржевской было очень шумным общественным событием.

Здесь уместно сказать об использовании авторами биографических романов подлинных документов: дневников, писем, воспоминаний и т. п. Все больше и больше появляется произведений самых различных жанров (до пьес включительно), основой которых является документ. Это явление, с нашей точки зрения весьма плодотворное, не миновало и жанра романа-биографии. Быть может, использование разнообразных документальных материалов особенно эффективно именно в этом жанре. Тому уже есть примеры. И хоть мы условились ограничиться анализом биографий только замечательных людей — наших соотечественников, нельзя не вспомнить имевшую широкий успех книгу А. Моруа «Три Дюма». Хорошая четверть текста этой книги представляет собой цитаты из документов, но это не только не затрудняет чтение, а наоборот — дает поразительно богатый и колоритный материал о людях, которыми густо населена книга, и об эпохе, в которую они жили.

Среди наших биографических романов, изданных в последние три года, нет аналогичных примеров, где бы документы занимали столь значительное место. Но используют документальные материалы все без исключения авторы.

Используют по-разному.

Прежде всего необходимо, чтобы цитируемый в книге документ был бы интересен сам по себе. Герой — молодой рабочий-революционер — оказывается в тюрьме. Следует авторское описание жизни героя в одиночке — описание традиционное, каких мы уже немало читали.

И вдруг такие строки: «Милая мама! Вы не скучайте и не сердитесь на меня... Нахожусь в одиночной камере и неприятно то, что никого, кроме надзирателей, не вижу». Бесхитростные, человеческие слова, за которыми встает образ простого и доброго паренька. Это письмо Ногина, отправленное им из петербургской тюрьмы (с. 95). Таких писем приведено в книге В. Архангельского несколько, и, если прочесть их подряд даже вне контекста, они прекрасно передадут нам не только внешнюю канву жизни героя, но и его внутренний мир.

В биографии Зелинского приведена пространная цитата из воспоминаний студента-химика. Здесь мы найдем интересную характеристику не только главного героя книги, но и его коллег, живые зарисовки университетского быта. Написано все это превосходно, ибо упомянутый студент-химик известен нам как писатель по имени Андрей Белый.

Пожалуй, наиболее широко пользуется документальными пакетами биограф Шаумяна И. Дубинский-Мухадзе. Здесь есть несомненные удачи. Интересно сделан монтаж из секретных полицейских донесений о слежке за Шаумяном в сочетании с описанием его реальных действий и действий его товарищей. Еще успешнее применяет автор этот метод документального монтажа, воссоздавая военную и политическую обстановку в Баку летом 1918 года и деятельность самого героя в этот период; здесь в очень живой и свободной форме представлены телеграммы, письма, воспоминания очевидцев и т. п. Получается красочная и весьма достоверная картина эпохи во всех ее сложностях и

противоречиях, а образ самого Шаумяна предстает рельефным и выразительным.

Мало, однако, располагать важными и интересными документами. Они должны органически войти в ткань повествования, чтобы не оказаться там инородным телом. Документы, цитируемые в романе-биографии, лишь внешне кажутся независимыми от авторского воздействия, а на самом деле требуют весьма тщательной обработки: величина цитируемого текста, его датировка, происхождение, комментирование неясных мест и т. д. и т. п. — все это вместе представляет собой задачу довольно непростую в художественном произведении.

Документ, не подвергнутый такого рода обработке, мстит за себя автору. Рассказывая о деятельности Петровского в Государственной думе, Ф. Бега и В. Александров дважды приводят длинные отрывки из его думских выступлений: на восемь страниц (с. 120—127) и на шесть страниц (с. 153—158). Дело не только в том, что эти цитаты кажутся чрезвычайно растянутыми. Для современного читателя речи Петровского требуют пояснений и комментариев, чтобы понять их общественное значение в то время, когда они произносились. В книге этого нет. И читатель должен сам проделывать ту работу, которую не выполнили за него авторы.

Биограф Шаумяна также иногда неудачно пользуется документальными материалами. В особенности это относится к изложению литературной деятельности героя. Здесь все строится по такому элементарному принципу: раз Шаумян писал статьи, значит, надо процитировать их. На восьми страницах книжного текста перепечатана статья Шаумяна о Л. Толстом от 1910 года (с. 161—168). Автор никак эту статью не комментирует, не объясняет нам ее значения: ни общественного, ни в судьбе героя. Просто перепечатывает, и все. Тут же воспроизводится другая статья Шаумяна на эту же тему, теперь на шесть страниц (с. 169—174), — и снова авторского отношения к ней не заметно. И, наконец, третья подряд цитата — уже на девять страниц — из статьи о М. Горьком (с. 175—183). И тоже без комментариев.

Весьма интересным документальным источником, в

особенности для характеристики эпохи, является пресса. Однако авторы почему-то редко к этому источнику прибегают (исключение составляет здесь лишь книга В. Носовой о Комиссаржевской). Между тем именно материалы прессы позволяют создавать самые динамичные и самые оригинальные документальные композиции. К тому же этот вид источников очень распространен и легко доступен.

Советское книгоиздательство накопило большой опыт в области биографического жанра. Нельзя пожаловаться и на невнимание критики к книгам такого рода. Представляется, однако, необходимым рассмотреть биографическую литературу в целом с общей, в какой-то мере даже теоретической точки зрения.

Подобный подход при анализе современного состояния биографической литературы является своевременным и наиболее плодотворным. Тому есть свои причины. Жанр биографии издавна пользуется широкой популярностью, причем популярностью всеобщей — и у читателей и у критиков. Скажем, книги серии «Жизнь замечательных людей» рецензируются практически все без исключения, а часто — по многу раз в различных изданиях. Однако подобного рода анализ биографических книг позволяет рассмотреть лишь частные вопросы общей проблемы; как правило, рецензенты сосредоточивают свое внимание лишь на конкретных особенностях «своего» произведения (а порой — как это, к сожалению, слишком часто бывает — ограничиваются лишь пересказом содержания). Проблемные — или даже обзорные — статьи о биографической литературе крайне редки.

Итак, не претендуя на афоризм, можно с уверенностью заключить, что жанр художественной биографии сегодня изучается в основном лишь в жанре библиографии.

Думается, что сегодня изучение интересующего нас жанра особенно нуждается в обобщенном, теоретическом подходе. В последние годы количество издаваемой у нас биографической литературы увеличилось необычайно. При этом речь не идет о чисто научных работах и даже о работах так называемого научно-популярного характера.

Отчетливо наблюдается широкое распространение

именно научно-художественной биографии: Этот несколько неуклюжий термин представляется тем не менее довольно точным. Произведения такого рода основываются на достоверных фактах и обстоятельствах, авторская фантазия ограничена здесь жесткими рамками конкретной реальности. Однако — и в том заключается отличительное свойство явления — эта самая реальность может быть передана в форме художественных образов. Следует подчеркнуть, что названный жанр оставляет достаточный простор для беллетризованной и даже романизированной подачи изображаемого материала, включая и показ внутреннего мира героев — область чисто художественного творчества.

В советском издательском деле накоплен солидный опыт в создании книг такого рода. Думается, что давно настала пора исследовать накопленный опыт, эти наши традиции, исследовать широко, всесторонне и на большом фактическом материале.

Существует тут и еще одна сторона дела — чисто количественная. Знакомство с продукцией (если уж разрешается так говорить о книгах!) некоторых центральных издательств за один только 1975 год свидетельствует о весьма значительных здесь арифметических показателях. «Политиздат» в серии «Пламенные революционеры» выпустил пять книг, в «Молодой гвардии» издано шесть в серии «Пионер — значит первый» и шестнадцать — в серии ЖЗЛ. Все эти книги выходили очень большими тиражами — до 200 тысяч экземпляров. Меньшие тиражи имели биографические книги других издательств, однако число названий здесь также велико: в «Искусстве» появилось девять книг в серии «Жизнь в искусстве», пять книг в издательстве «Просвещение» и столько же в «Знании», три — в «Московском рабочем» (многие эти книги также объединены в продолжающиеся серии).

Разумеется, приведенный выше краткий библиографический обзор отрывочен и, безусловно, неполон. Важно здесь подчеркнуть другое: десять-пятнадцать лет назад биографические книги выходили сравнительно редко, ныне стали неслучайной и немалочисленной частью издательских планов, и отнюдь не только в Москве. То и дело возникают новые серии биографий,

порой не всегда удачно продуманные, а от этого и с короткой собственной «биографией».

Процесс инфляции порой бывает свойством всякого массового производства, особенно в сфере духовной, гуманитарной. Биографическая литература, столь бурно растущая «вширь» в последнее время, как нельзя более нуждается в глубинном, качественном анализе. В этом видится главный смысл нынешнего обмена мнениями, хотя здесь проблемы могут быть только намечены. Решение их — впереди.

Анализ предстоит сложный, мы находимся в самом начале работы, и вряд ли стоит сразу же запутывать ясный, в общем-то, предмет игрой в термины (хотя игра эта нынче сделалась весьма модной). Так в статье Я. Кумока появился терминологический неологизм — «новейшая биография». Контуры этого понятия у автора расплывчаты, зыбки, нет даже попытки ясно определить термин. Представляется, что следует еще основательно поразмыслить, прежде чем выделить нынешнюю биографическую литературу в некий особый, имеющий специфические признаки раздел литературы.

Вспомним в этой связи, скажем, столетней давности трехтомный труд Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Слов нет, не все там равноценно, многое, безусловно, устарело и по материалу и концептуально, однако в целом эту книгу смело можно рекомендовать сегодняшнему читателю — любителю биографического жанра. А скажем, биографии Дмитрия Донского и Богдана Хмельницкого, написанные Костомаровым, являются, на наш взгляд, наиболее обстоятельными среди всех прочих на тот же сюжет; живо и темпераментно повествующими о деятельности великих людей нашей истории.

Разве это единственный случай, когда «старая» биография не заслоняется «новейшими»?

Вообще, в этом питете перед всем «новейшим» есть некая умилительная восторженность «прогрессом». Думается, что терминологический неологизм Я. Кумока оказался неудачен.

Разумеется, советская биографическая литература, появившаяся в последние годы, имеет ряд отличительных свойств и качеств, поэтому следует попытаться определить их.

Автор научно-художественного произведения находится в невыгодном положении сравнительно с ученым или романистом. Он не может спрятаться за сухой каркас фактического материала, он не имеет права прикрыть прорехи в познаниях «заплатами» собственного воображения. Тем более почетен здесь успех.

В целом представляется безусловным, что наши лучшие книги указанного жанра — а их, этих хороших книг, немало — отличаются высокой культурой авторского исполнения как в смысле литературном, так и в методах работы над историческими и всякими иными источниками. И это является несомненным достижением всего нашего книгоиздательского дела.

Разумеется, выходят биографии блеклые, болтливые, скудно оснащенные фактическим материалом. Такие книги, к сожалению, тоже нередки. Обратим внимание однако на неудачи, так сказать, органического свойства.

Недавно В. Аксенов издал биографию видного деятеля большевистской партии Л. Б. Красина. Автор — известный и опытный литератор, однако книга его кажется некоторым диссонансом среди наших биографических книг. У В. Аксенова бросается в глаза небрежение к солидной основательности, свойственной жанру, к той, в общем-то, высокой культуре лучших наших биографий, о чем уже шла речь. И дело не в огрехах — фактических и стилистических, — а именно в самоуверенном обращении с малознакомым предметом, в приблизительности описаний, когда нехватка подлинного материала и недостаточное его осмысление подменяются устоявшимися беллетристическими приемами и т. п. Здесь огорчает именно эта вот размахистость не к месту.

Герой биографического произведения является обыкновенно личностью крупной и значительной, причем — в положительном плане (в нашей стране, слава богу, не печатают жизнеописаний знаменитых бандитов или гешефтмахеров). И это тоже накладывает на автора такого произведения дополнительную ответственность. Здесь речь идет о сложном и весьма осложненном в последнее время соотношении: изображаемый предмет и личность автора. Соблазн выставить свою персону в литературном произведении совратил

не одного человека, к сожалению, слишком часто без должных к тому оснований.

Жанр научно-художественной биографии требует от авторов определенного самоограничения. Здесь все субъективно-индивидуальное должно быть сознательно представлено как вторичное, как подчиненное. И это вполне естественно и органично, ибо главной задачей является здесь создание образа центрального героя, а все прочее, мешающее, заслоняющее, должно быть, безусловно, устранено. Даже авторское «я», столь драгоценное для некоторых.

Можно с уверенностью заключить, что наша биографическая литература, в общем, сохранила и утвердила уважительное самоограничение автора по отношению к своему герою, и это хорошо. Слишком уж много развелось любителей помещать свои изображения на обложках. Здесь уместно вспомнить о замечательных летописцах, которые сознательно не ставили в текстах своих имен, ибо главное видели в служении будущему, а «что в имени тебе моем?..» Они шли на это подвижничество сознательно, во имя высших целей, а не ради суетного любования в литературное зеркало.

Кстати говоря, читатель отлично чувствует эту разницу между биографией и беллетристикой. В библиотеках спрашивают: дайте роман такого-то писателя. Но с другой стороны: дайте книги о том-то...

Думается, что так оно и должно быть. В общем, так и есть, ибо кокетливая книга А. Лебедева о Чаадаеве является все же исключением. И теперь, когда первые впечатления улеглись и многое устоялось и прояснилось, очевидно, что книга та — факт биографии А. Лебедева, а не Чаадаева.

Устаревают ли биографии? Коварство вопроса состоит в том, что он неприменим к чисто художественной сфере; ну в самом деле, нелепо спросить, устарел ли роман «Война и мир» или рублевская «Троица». А вот о биографической книге спросить такое можно. Что ж, ответим, что биографии действительно устаревают. Биографическое произведение состоит как бы из синтеза двух сред — фактологической и идеологической, и старению подлежат обе. О всяком предмете постепенно накапливается новый материал. На что уж

хорошо изучен Пушкин и его окружающие, но даже здесь нет-нет да и попадаются какие-то новые сведения, хотя бы и косвенные. А вдруг завтра найдут, скажем, «легенду пушкинистов» — письма Натальи Николаевны?.. Словом, если трудно говорить о «новой» биографии, то вполне можно говорить о биографии, устаревшей по материалу.

Сложнее обстоит дело тогда, когда устаревает «кровь» жизнеописания, то есть мысль, идея. Проблема «старения» состоит в том, что каждое поколение, или точнее — каждая эпоха, как бы создает свой портрет героя. И этот портрет является также автобиографией самой эпохи.

Среди всех выдающихся людей нашей страны — ее вождей, мыслителей, художников, строителей и воинов, — среди них есть три героя, жизнеописание которых представляет собой задачу исключительной сложности. И не только потому, что здесь требуется изучить поистине безграничное море фактического материала. Не только потому, что автору придется столкнуться со множеством разнообразных суждений самого различного толка, и суждений, порой ярко выраженных и солидно аргументированных, — в этом сильном и нестройном хоре нетрудно потерять собственный голос.

Нет, главная трудность для биографа кроется в том, что каждый раз ему придется ставить и решать главные проблемы нашей страны: в истории и современности.

Петр I — это ответ на вопрос о том, как создавалось русское государство.

Пушкин — это вся русская культура, ее величие и своеобразие, ее настоящее и будущее.

И наконец, важнейшее имя нашей эпохи, имя, под знаком которого вот уже почти столетие развиваются события мировой истории, — Ленин. Это суть нашей великой революции, величайшей из революций, бывших когда-либо на планете Земля, которая коренным образом изменила мир.

Думается, что биографии этих трех величайших из великих будут написаны нашим поколением. И быть может, даже скорее, чем это можно ожидать.

МОСКВА СТРОИЛАСЬ НЕ СРАЗУ

Социальный прогресс, достигнутый в нашей стране в последние десятилетия, столь велик, что мы, современники этого прогресса, порой просто не можем его в должной степени оценить, представить во всем историческом значении и масштабе.

Ну в самом деле, отступим мысленно всего лишь на каких-нибудь двадцать лет. Разумеется, время — категория весьма условная в количественных мерах, но все же согласимся, что названный срок не чрезмерно велик даже для скоротечной человеческой жизни. Итак, два десятилетия назад, конец 50-х годов...

Большинство нынешних граждан хорошо помнит то время. Тогда телевизор еще почитался предметом чуть ли не роскоши. Говорили: «А у них телевизор есть (значит, что-то особенное, приметное). Или еще более характерное: «Идем к соседям телевизор смотреть» — и ходили, как ходят и поныне в кино или на стадион, то есть это было событием, а не привычным поворачиванием ручки под экраном.

Впрочем, что телевизор — мелочь. От его отсутствия никто еще, кажется, не сократил себе жизни, мы привели его лишь как весьма распространенный бытовой пример. А вот уже нечто гораздо более серьезное — жилище. В конце тех же 50-х говорили: «А у них отдельная квартира...» Да, в те не очень давние времена большинство горожан еще теснилось в «коммуналках» с общей кухней и нередкими, к сожалению, ссорами и спорами. Да, так было, и совсем недавно. Теперь отдельная квартира (с телевизором, конечно) есть обычная норма.

Достижения эти нельзя не признать выдающимися, хоть и свершались они естественно и спокойно, как-то неприметно даже. Будущие историки в полной мере оценят эти наши социальные преобразования, отдадут в полной мере дань уважения и признательности нашей партии и Советскому государству, ибо только при нашем общественном строе такой общенациональный прогресс возможен.

Теперь, когда давно уже улеглась строительная пыль в первых кварталах гигантской массовой застройки, многое стало более очевидным, чем тогда, в

горячке начинаний. Общим местом в последние годы стала манера бранить, а то и брюзжать в адрес Черемушек — московских или иных: однообразие, монотонность, безликость, серость — число подобных эпитетов можно было бы многократно увеличить. Справедливы ли эти несколько запоздалые претензии? В общей форме вроде бы да. Монотонные ряды одинаковых домов производят унылое впечатление, эстетикой тут и не пахнет, одна технология.

Однако...

Есть ведь и социальная эстетика. Она протестует против Версаля, окруженного лачугами. Она предпочитает самый, что ни есть типовой «жилмассив» курной избе, пусть даже имеющей неоспоримый этнографический интерес. С середины 50-х годов эта социальная эстетика мощно заявила о своих правах, и то было не только право, но и высшая справедливость.

Наследие первых героических пятилеток — это не только Турксиб и Сталинградский тракторный, славно работающие и поныне. Это также и бараки вокруг тракторного, возле «Уралмаша»... Наследие великой Победы — это не только Вечный огонь у Кремлевской стены, не только слава героев, спасших мир. Это и теснота послевоенных квартир, очереди у бань, самодельная мебель, пиджак погибшего отца на юношеских худых плечах.

Всему этому был положен предел. С истинно большевистской решительностью и размахом народ наш начал это дело и решил его успешно и в кратчайший исторический срок.

Да, скучновато гулять в Черемушках, слов нет. Но позвольте, а разве веселее в тех барачных кварталах, остатки которых еще доживают, где-нибудь в Марьиной роще? Наверяд ли. Ибо в самых-самых скучных кварталах Черемушек нет общей кухни, а есть ванная и — прошу прощения — теплый туалет. Целое поколение тружеников нашей столицы выросло без этих вот ныне столь обыденных благ.

Так что не будем бранить Черемушки. Это такой же памятник трудовым достижениям народа, как Магнитка или Братская ГЭС.

Размах социального переустройства жизни наших горожан в последние полтора-два десятилетия грома-

ден, его прямо-таки невозможно переоценить. Народ наш приучен к крупномасштабным явлениям: самая большая страна, самые богатые недра, самая великая из революций... Это необычайное богатство нашей природы дает нам хорошую основу для размаха наших деяний.

Обидно и горько, когда мы порой запоздало чешем в затылке и замечаем, что кое у кого размах незаметно перешел ту грань, где уже началось размахайство. Еще хуже, когда в таких случаях с преувеличенной бодростью ссылаются на печально популярную поговорку про лес и летящие щепки. Но сто крат хуже, если подобное размахайство осуществляется намеренно, сознательно, мимикрируя под «русский революционный размах».

Наша великая революция, преобразующая мир, началась, в частности, таким обращением к народу:

«Граждане, старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане, берегите это наследство, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших...

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает новое народное искусство».

Эти слова взяты из воззвания Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, текст которого еще в марте 1917 года был расклеен на улицах и площадях столицы России — колыбели революции. В этих словах выражено отношение российских трудящихся к культуре прошлого. И это бережное отношение к всему ценному, накопленному народом-тружеником и его передовой культурой, свойственно всей полувековой истории нашего Советского государства.

Его основатель великий Ленин глубоко разработал теорию усвоения и использования культуры прошлого в новом социалистическом обществе еще задолго до победы Октябрьской революции. Формулируя теоретические основы нашей партии в этом вопросе, Ленин

писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики».

Передовая культура прошлого есть основа социалистической культуры — такой принцип был, есть и остается основополагающим во всей идеологической работе нашей партии в области культуры,

Не сразу, не вдруг, не мирно, а в жестокой борьбе с врагами партии, народа и государства восторжествовали и воплотились в жизнь эти ленинские принципы. Троцкисты, а потом пролеткультовцы, лефовцы и рапповцы изо всех сил пытались разорвать связь времен, хотели видеть в новом социалистическом обществе «голового человека на голой земле», договаривались до призыва «сбросить Пушкина с парохода современности».

И то были не случайные обмолвки, нет. То была вполне сознательная и по-своему дальновидная политика: лишить народы нашей страны временной, исторической перспективы, оборвать веками освященные традиции трудящихся классов, вытоптать нашу тысячелетнюю культуру, и все это с тем, чтобы превратить человечество в безликую и аморфную массу, послушное орудие политических авантюристов, мечтающих править миром. Ведь не кто иной, как Лев Троцкий наставлял своих присных, что, мол, Россия всегда была бесконечно отсталой страной, что никакого культурного наследия русский народ не получил и что наша страна поэтому неспособна к самостоятельному развитию...

Все эти демагогические рассуждения имели глубокий политический смысл. Как же можно было строить новое социалистическое общество в такой дикой стране, как бывшая царская Россия, без помощи «передовых» держав? По Троцкому, ясно выходило, что невозможно.

Ленин и партия вели решительную борьбу со всякими нигилистическими настроениями подобного рода. Ленин оставил нам также и прекрасный практический

пример бережного отношения к памятникам народной культуры. Глава Советского государства находил время лично интересоваться судьбой восстановительных работ в Московском Кремле или в Ярославле, где в ходе боев гражданской войны получили повреждения многие исторические памятники. 6 мая 1919 года «Правда» сообщала об отпуске значительных сумм на ремонтные работы в Московском Кремле, в соборе Василия Блаженного, в Троице-Сергиевой лавре. Грозная обстановка тех лет не требует пояснений, перед нами великолепный образец для подражания и вместе с тем укор еще бытующему у нас небрежению.

Нигилистический разгул некоторых деятелей, примазавшихся к нашей великой революции, не оставил своим вниманием архитектуру, они остро ненавидели народность и национальные традиции в искусстве, чувство гармонии было им органически чуждо, как чужды оказались и государственные задачи молодой родины Советов, и стратегические цели нашей партии.

Москва подверглась особенно яростным нападкам. И это легко понять: Москва была не только столицей, но и городом, где трудились многие поколения строителей, где, как слои в историческом раскопе, читались архитектурные почерки минувших эпох. «Новой» Москве, по мнению самоуверенных и энергичных разрушителей, предполагалось в будущем предстать в виде башни Татлина, этакое агрессивно-угловатого веретена, кособоко нацеленного в небо; «шедевр» к тому же должен был вращаться вокруг своей оси. Веселая перспектива!

Разумеется, истерические мечты тогдашних нигилистов не сбылись и не сбудутся никогда, покуда жив наш общественный, государственный строй. Татлин благополучно эмигрировал, его собратья по перекройке нашей столицы и нашей культуры вообще, все они постепенно стусеивались, зычный их хор развалился, а потом и вовсе умолк.

Без потерь, разумеется, не обошлось, и они, эти потери, ныне всем хорошо известны, а их причины — понятны. Не следует сейчас хоть сколько-нибудь подробно напоминать о том, как хотели снести собор Василия Блаженного и Исторический музей — они, по мнению некоторых «специалистов», якобы мешали проведению

демонстраций на Красной площади. Как успели снести Сухаревскую башню...

Что было, то было.

Летом 1972 года на 2-м съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры много говорилось о начале 60-х годов, когда массовая застройка наших городов приняла уже нынешние масштабы. В этих условиях контроль общественных организаций за деятельностью архитекторов-планировщиков стал насущно необходим. В некоторых местах сложилось неправильное отношение к охране памятников, наблюдались проявления безответственного отношения к судьбе порой уникальных памятников нашей истории и культуры. К этому важному делу должным образом не были привлечены общественные силы.

Все это вызывало серьезную озабоченность в Центральном Комитете нашей партии. В целях мобилизации общественных, государственных и других организаций на улучшение этого важного дела было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Заслуги названной организации в деле сбережения и пропаганды нашего исторического прошлого поистине невозможно переоценить.

Общество было основано в июне 1966 года и сразу же сделалось важным и глубоким положительным фактором нашей идейной и гражданской жизни. Авторитет его велик, и он растет.

Первые шаги общества были нелегкими, и это вполне объяснимо.

Не все умели понимать ценность памятников прошлого, их значение в духовной жизни народа — нашего советского народа.

Не все умели — а некоторые, к сожалению, и не хотели — понять, что произведения архитектуры или скульптуры можно убить или испортить не только непосредственным физическим воздействием, но и «морально», например окружив охраняемый государством «объект» чуждой ему стилевой средой, и тогда несчастный этот «объект» затеряется здесь, как утопающий среди обломков корабля.

Здесь надо подчеркнуть, что речь идет именно о чуждой стилевой среде — о чуждой, то есть дисгармо-

нирующей, противоположной, враждебной. Дело не в стилевых различиях. Последнее неизбежно во всяком древнем городе, и Москва, кстати сказать, является примером именно такого рода. Нельзя, однако, допустить сочетание несочетаемого.

В последнем случае обыкновенно ссылаются на знаменитую Эйфелеву башню: вот, мол, тоже шумели когда-то, что она портит Париж, а зато теперь... и т. д. При этом как-то не обращается внимания, что Эйфелева башня даже в наш перенасыщенный техникой век так и осталась одной-единственной в своем роде, она присуща только Парижу и стала его сувенирной приметой именно благодаря своей неповторимости и уникальности. Но никто, даже самые свирепые поклонники «стекла и бетона», не решится произнести что-нибудь про «уникальность» сооружений иных безликих новостроек.

В первые годы своего существования Обществу пришлось выдержать немало разного рода битв с теми, кто не понимал некоторых простых истин, и с теми, кто не хотел понимать. Теперь, когда прошло время, следует спокойно признать, что в «юношеский», так сказать, период становления Общества некоторые его активисты тоже допускали в своих выступлениях максимализм и запальчивость¹.

Теперь все это в прошлом. Общество охраны памятников прочно вошло в структуру нашей гражданской жизни. Необходимость сбережения исторического прошлого ныне уже глубоко проникла в сознание народа, и это свершилось на наших глазах и в исключительно короткий срок. Факт, имеющий огромное социальное значение.

Гигантские, беспрецедентные по масштабам работы по охране и реставрации исторических памятников были проведены в Москве. Неузнаваемо изменились запущенные некогда архитектурные ансамбли Новоспасского и Высоко-Петровского монастырей, Крутицкого подворья. Реставрирован дом А. С. Грибоедова на улице Чайковского. Парк усадьбы Кусково объявлен

¹ Автору также доводилось во время оно чрезмерно обострять некоторые проблемы, так что приведенные выше слова являются в какой-то мере и самокритикой.

заповедной зоной. Сооружается музей-заповедник Коломенское. Здесь приведены лишь отдельные примеры огромной кропотливой работы, размах которой все более расширяется. Все это оказалось возможным только благодаря помощи Моссовета, Московского комитета партии, Советского правительства. Сбережение исторической памяти народа стало у нас задачей государственного значения.

В завершение темы краткая статистическая справка: всего в Москве под государственной охраной находится 407 памятников и 101 мемориальное здание. Слов нет, сделано немало. Нужно, чтобы эта деятельность продолжалась и расширялась.

Здесь следует помянуть добрым словом ушедших уже от нас замечательных советских патриотов, уважаемых московских граждан скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова, художника Павла Дмитриевича Корина, бывшего ректора Московского университета академика Ивана Григорьевича Петровского — они много, очень много сделали для сбережения исторического облика нашей столицы, явив всем нам пример преданности делу отечественной культуры. Пример их является молчаливым укором тем строителям, которые вдохновлялись всем, чем угодно, но только не любовью к нашей столице.

Мудрость и справедливость однако не торжествуют сами по себе, за них нужно бороться, их следует отстаивать. Вот почему нужно давать решительный отпор всем легкомысленным или ложным тенденциям в отношении исторической памяти нашего народа. Вот почему нельзя пройти мимо одного ошибочного, принципиально неправильного рассуждения, которые нам недавно самоуверенно преподнесли.

В свое время появилась статья журналиста А. Шамаро, несколько претенциозно представленная как «раздумья над книгой». «Если попытаться,— начал он,— разделить по основным группам все необозримое многообразие памятников старины, уцелевших до наших дней, в большинстве своем они распадаются на три главных категории: во-первых, церковь и монастырь; во-вторых, дворец и усадьбы и, наконец, в-третьих, крепость, которая часто бывала одновременно и монастырем».

Тут сразу же возникает недоумение. Позвольте, а какой же из трех этих «категорий» отнести здания Манежа или Московского университета? Знаменитую избу в Филях? И разве Пушкин жил в Москве и Петербурге во «дворцах», а не снимал квартиры? Или все это исключение? Порядочно же их наберется, этих исключений!

Бог с ней, однако, с этой неудачной систематизацией, она даже чем-то забавна в своей наивной решительности. Тем более что главное нам преподносят далее. Вот: «Таким образом, большинство памятников древней истории древней культуры, по существу, увековечивают память об отрицательных сторонах дореволюционной истории: о религиозном дурмане и церковном засилье; о классовом общественном устройстве, основанном на эксплуатации трудящихся масс, за счет которых и можно было народным захребетникам — от коронованных особ до провинциальных бар — воздвигать роскошные дворцы и усадьбы; о бесконечных войнах — неизбежном бедствии, проистекающем из классовой природы общественного устройства».

Итак, церкви, усадьбы, крепости и т. п. увековечивают в нашей истории только лишь память об отрицательных (даже отрицательных!) явлениях. Поразительно слышать такое в наши дни! Не будем здесь пускаться в сложные рассуждения исторического или эстетического порядка. Приведем лишь по этому поводу очень простые и очень глубокие слова академика И. В. Петрянова, сказанные недавно: «Я живу в Москве; по дороге на работу прохожу каждый день по площади Ногина мимо старой церкви. Ничего особенного в ней нет. Вероятно, ее не раз перестраивали. Теперь она в плохом, неприглядном состоянии, заставлена киосками и ларьками. Наверное, московские архитекторы, перестраивающие столицу, мечтают о том, чтобы ее снести и, вероятно, в конце концов снесут».

Но старый храм Всех Святых, «что на Кулишках», был воздвигнут Дмитрием Донским в память Куликовской битвы. Отсюда когда-то, в далекие времена ушли русские воины на Куликово поле.

И вот я мечтаю о том, что этот храм в центре столицы, мимо которого каждый день проходят сотни тысяч людей, будет реставрирован, приведен в поряд-

док, от него будут убраны неприглядные, уродливые ларьки, будут посажены цветы и, самое главное, поставлена доска с точными, хорошими словами, которая расскажет всем проходящим о том, как много веков тому назад именно отсюда ушли наши предки войны спасать Родину. Тогда эта старая царковь перестала бы только мешать уличному движению и начала бы работать на новое, на нас, на Советскую власть, внесла бы немалый вклад в воспитание патриотизма. Великая Отечественная война показала, какое большое значение могут иметь глубокие исторические аналогии, когда наступает время смертельной схватки»¹.

Усадьбы опять-таки напоминают нашему репортеру лишь о «народных захребетниках». Что же, каждому видится свое. Только неужто отыщется много людей в Советском Союзе, у которых возникнут такие же чувства при посещении Тригорского, Ясной Поляны, Спаского-Лутовинова, Карабихи?

Крепости, стало быть, тоже напоминают только о «бедствиях, проистекающих из классовой природы». А как быть с Троице-Сергиевым монастырем — священным памятником нашей воинской славы? Или — даже неловко как-то спрашивать — с Московским Кремлем?

Сделав беглую оговорку — все же нынешние времена того требуют — про «талантливость зодчих и мастеров прошлого», А. Шамаро тем не менее декларирует с той же решительностью: «...в обширном мире памятников исторического прошлого, к глубокому сожалению, мало самых важных и самых священных для нас — памятников народного труда и быта минувших времен».

Итак, мало у нас памятников «самых священных», и это вызывает у нашего журналиста «глубокое сожаление». А ведь, право же, ему не следовало бы так расстраиваться. Ибо Андроников монастырь, где сохранилась братская могила воинов, павших на Куликовом поле, и восстанавливаемая ныне усадьба в Шахматове, и парк Останкинского дворца, и многое, многое иное — все это и есть истинно священные места в

¹ Петрянов И. В. Чувство родины. — В сб.: Тысячелетние корни русской культуры. Новгород, 1972, с. 11—12.

исторической памяти нашего советского народа. И их, этих памятников; совсем не так «мало». И если журналист захочет продолжить свои «раздумья» в области, где он взялся теоретизировать, ему следует хотя бы ознакомиться с официальным списком памятников истории и культуры Российской Федерации, а там насчитывается их, этих памятников, более семи с половиной тысяч. И все они — да, все! — дороги для советских патриотов.

Как всякий живой, здоровый организм, Москва растет. Создание нового и сбережение всего ценного, что оставляет нам история — близкая или далекая, — есть дело исключительно ответственное — как в социальном, так и в культурологическом смысле. Академик Б. А. Рыбаков очень точно сказал: «Город — это не только место, где мы живем, не только сгусток сооружений и дорог, город — это священная история народа, отраженная в названиях урочищ, улиц, районов, сохраненная в его архитектурном облике».

XXIV съезд КПСС постановил превратить Москву в образцовый коммунистический город. Задача грандиозная, неслыханная. Сегодня на наших глазах создается столица, которая завтра должна послужить примером и образцом для всех больших и малых городов нашей страны, да и не только страны! Строители и архитекторы, вся наша общественность, все граждане Москвы должны с отчетливой ясностью и полной ответственностью осознать значение того, что предстоит начать и осуществить. Ибо все то, что касается облика нашей столицы, есть дело всенародное, и ошибки здесь недопустимы и опасны.

Об украшении столицы мечтал еще Ленин. В марте 1920 года он выступал на заседании Московского Совета и тогда, в разгар гражданской войны и разрухи, говорил о грядущем благоустройстве столицы и прозорливо предрек ей стать примером для всей страны.

Весной 1972 года Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР утвердили основные положения нового Генерального плана развития Москвы и лесопаркового защитного пояса.

На встрече с гражданами Бауманского избирательного округа столицы Л. И. Брежнев сказал, что

Генеральный план «ориентирован на использование самых последних достижений градостроительства и вместе с тем сохранение своеобразия исторически сложившегося облика Москвы». В этих словах кратко и точно выражена сущность нового Генерального плана.

Новый план, разработанный весьма тщательно, предусматривает в самой максимальной степени сохранить исторический облик Москвы. Именно облик, то есть архитектурный образ города, а не отдельные здания и сооружения, сколь бы ни было важно каждое из них в отдельности. Принятый план предусматривает сохранение своеобразия Москвы, сбережение ее архитектурных и градостроительных традиций.

Генеральный план рассчитан на длительный период. Он предусматривает — и должен предусматривать — только самые общие, принципиальные соображения государственного масштаба. Конкретная разработка плана и тем более его реализация являются уже компетенцией исполнителей этого плана, и ответственность за принятие соответствующих решений в каждом частном случае ляжет уже непосредственно на них самих. Органом, которому в основном придется нести эту ответственность, является Главное архитектурно-планировочное управление Москвы (ГлавАПУ).

Уместно вспомнить здесь, что на протяжении последних лет руководители ГлавАПУ неоднократно подвергались серьезной критике со стороны общественности. Не следует сейчас распространяться на эту тему — нам следует больше думать о будущем, нежели о прошлом, однако подчеркнем, что в основном московских планировщиков упрекали именно в пренебрежении к своеобразному, неповторимому облику столицы. Претензии высказывались весьма серьезные, и руководству ГлавАПУ следует все время иметь их в виду.

Партийные и советские органы Москвы вынуждены были сделать серьезные замечания в адрес столичных градостроителей. 21 июня 1972 года принято совместное постановление МК КПСС и Моссовета «О застройке центральной части города, улучшении качества проектирования и строительства Москвы».

Приведем выдержку из этого важного, принципиального документа: «Многие магистрали, площади,

жилые кварталы в течение длительного времени не получают своего градостроительного завершения. В результате далеко не всегда диктуемого необходимостью увлечения стандартизацией строительства ряд новых кварталов, многие жилые дома и здания культурно-бытового назначения оказались архитектурно невыразительными, однообразными и монотонными. В центральной части города построен ряд домов, не носящих индивидуального характера. Объем и высота ряда зданий, построенных в центре, нарушают целостность сложившейся архитектуры, не вписываются в существующие ансамбли и ухудшают внешний вид магистралей и площадей города.

Имеются случаи необоснованного сноса старых домов, по своему техническому состоянию пригодных к эксплуатации. В то же время ветхие и малоценные здания, расположенные внутри жилых кварталов и в переулках, в течение длительного времени не ликвидируются. Перед сносом ветхих зданий не прорабатываются проектные предложения об использовании освобожденных участков, в результате чего они длительное время не благоустраиваются.

До сих пор не рассмотрен и не утвержден проект детальной планировки центральной части города в пределах Садового кольца».

Как видно, в этом директивном документе высказаны весьма серьезные и основательные претензии в адрес московских градостроителей. Постановление ставит перед ГлавАПУ ясные и вполне конкретные цели, а эти цели должны быть выполнены: таково указание Московской партийной организации, таково желание граждан столицы, всего советского народа — увидеть в социалистической Москве благоустроенный город коммунистического завтра, город, в облике которого были бы бережно сохранены труд и слава минувших поколений, история нашего великого государства.

Строительство и реконструкция столицы — всенародное дело. Вот почему конкретные мероприятия по переустройству Москвы должны стать и становятся предметом широкого общественного обсуждения. Именно этот демократический принцип есть выражение духа нашего социалистического строя.

НЕ СБЕРЕЧЬ ПЫЛЬ МОСКВЫ НА ШЛЯПЕ...

И пыль Москвы на ленте старой шляпы
Годами, как святыню, берегу.

Среди двух миллионов русских эмигрантов, оставших страну после революции, эти строки поэта-эмигранта пользовались большой популярностью. Да, от бывшей Родины у них осталось только это: пыль на старой шляпе...

В послевоенные годы тысячи и тысячи русских эмигрантов потянулись на Родину. Из Парижа и Шанхая, из Праги и Брюсселя, из Софии и многих, многих иных городов мира. Потом у нас появились и книги о жизни на чужбине. Некоторые из них вызвали большой читательский интерес и получили общее признание.

Речь идет прежде всего о книгах Л. Д. Любимова и Д. И. Мейснера¹. Они изданы большими тиражами, имеются в любой сколько-нибудь крупной библиотеке и хорошо знакомы читателям.

Грустные исповеди бывших эмигрантов содержат много интересного и поучительного. Интересного потому, что на страницах книг мы увидим много знаменитых людей, узнаем о многих важных и драматических событиях, погрузимся в малознакомый нам быт европейской жизни недавнего прошлого. Поучительного, ибо мемуары дают возможность воспользоваться чужим жизненным опытом, хоть и не всегда опытом положительным.

Круг проблем, очерченных Любимовым и Мейснером, объясняется в немалой степени их социальным положением в эмиграции, где тоже были свои «верхи» и «низы». Оба они, в общем-то, приближались к первым и, естественно, описали свой мир. И вот сравнительно недавно у советского читателя появилась возможность увидеть жизнь самой сердцевины эмиграции, ее, так сказать, «массового человека». Новые мемуары заставляют еще раз задуматься над центральными мировоззренческими проблемами и преж-

¹ См.: Любимов Л. Д. На чужбине. М., «Советский писатель», 1963; Мейснер Д. И. Миражи и действительность. М., изд-во АПН, 1966.

де всего над вопросом, может ли человек жить без родины...

Сейчас на Западе весьма энергично звучат голоса,— а отголоски слышны и у нас, хоть и «под сурдинку»,— будто само понятие «родина» устарело, что в век высокоразвитых коммуникаций, всеобщей интеграции и прочих явлений, определяемых столь же звучными и учеными терминами, в наше, мол, прогрессивное время любовь к своему отечеству есть чувство отсталое, немножко смешное и даже — здесь оппонент значительно прищурится — ретроградное. И вот в нашей нынешней литературно-критической жизни нет-нет да и заметишь подобную же презрительно-снисходительную усмешку: да полно, что это вдруг за сантименты по поводу родной березки или полянки, лугов, стогов и пр.? Береза, как известно, растет везде, и ничего в ней особенного нет...

Да, воистину, что имеем — не храним, потерявши — плачем. Эту печальную русскую поговорку постоянно вспоминаешь, читая мемуары бывшего эмигранта Б. Н. Александровского¹. 15 ноября 1920 года в числе 145 тысяч себе подобных покинул он родину вместе с остатками разбитой врангелевской армии. Возвратиться довелось ему только через двадцать семь лет.

Трагическая одиссея русской эмиграции описана, казалось бы, достаточно полно. Тут память сразу же подсказывает имена Алексея Толстого, Ивана Бунина, Александра Вертинского и иных, оставивших в назидаение потомству свои рассказы о мытарствах на чужбине. Совсем недавно у нас было издано еще несколько новых воспоминаний на эту тему. И тем не менее нет никаких сомнений в том, что среди сочинений видных политических деятелей, одаренных литераторов и осведомленных публицистов рецензируемая книга займет свое особое и безусловно заметное место.

Автор воспоминаний в бытность свою за рубежом не занимался политиканством, не издавал газет, не председательствовал в организациях. Он не был на короткой ноге с эмигрантской элитой, чьи имена имеют

¹ См.: Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., «Мысль», 1969.

громкую известность. Он написал только о том, что видел и слышал сам. Он не ставил своей целью дать широкие обобщения или составить хронологически последовательную историю русской послереволюционной эмиграции.

Мемуары Б. Н. Александровского — это безыскусный и необычайно искренний рассказ рядового русского интеллигента, коренного москвича, оказавшегося волею судеб вне родины. Читатель получит объективное и весьма достоверное свидетельство того, как жили, что чувствовали, чем страдали и о чем мечтали самые обыкновенные, так называемые «средние эмигранты».

Начнем с того, что социальный тип автора мемуаров весьма интересен — хотя бы в силу большого распространения его во времени и в пространстве. Б. Н. Александровский, сын московского врача и сам врач, вырос в классической среде русской либеральной интеллигенции дореволюционной эпохи и был ее типичным представителем. Он, как и другие люди его круга, испытывал, как ему казалось, искреннюю любовь к народу и не менее искреннюю ненависть к самодержавию. И что же? Потребовались потрясения гражданской войны, ужасы эмиграции, многолетняя тоска по родине и нескорая встреча с ней, дабы с опозданием сказать, что «за этим совершенно искренним пафосом отрицания существующего строя и за идущей от чистого сердца идеологией бескорыстного служения народу не крылось никакой позитивной программы». Более того. Мемуарист вынужден с горечью признать иное, не менее важное: «Истинных желаний, надежд и чаяний народа мы не знали. В подавляющем большинстве мы даже и разговаривать-то с ним не умели».

И закономерным финалом являлось то, что когда народ — реальный, а не рожденный прекраснодушным воображением, — вышел, наконец, на авансцену истории, перепуганные насмерть либеральные интеллигенты искали себе места на кораблях, увозивших остатки белых армий из Архангельска и Севастополя, Новороссийска и Владивостока. Как видно, одно дело собираться да рассуждать в уютной гостиной о свержении «деспотического строя», занимаясь этим среди

воспитанных и приятных единомышленников, и совсем другое — оказаться участником или хотя бы очевидцем народной революции... Крушение русского либерализма в грозные годы гражданской войны показано в мемуарах очень сильно и с подкупающей прямотой.

Ноев ковчег эмиграции, никому в Европе не нужный, отовсюду гонимый, приткнулся, наконец, у дальних берегов Сены. И вот здесь возник новый город. Он не обозначен на географических картах, но в нем в течение четверти века жили особой, замкнутой жизнью многие десятки, а то и сотни тысяч людей. Город этот — «русский Париж». Здесь осели бывшие офицеры генерального штаба и молодые полковники Добровольческой армии, бывшие студенты и актеры императорских театров, бывшие статские советники и земские врачи, бывшие, бывшие...

Мемуарист рисует образную картину их странной, неестественной жизни. «Читал этот «русский Париж» газеты только на русском языке; русские книги брал в русских библиотеках, ютившихся на чердаках многочисленных русских учреждений; по воскресеньям ходил в русские церкви, а после богослужения собирался за столиками «обжорок», питейных заведений и ларьков и, поглощая одну за другой рюмки «столовой очищенной с белой головкой», вздыхал и проливал слезы по утраченным московским улочкам, береговому граниту Невы, просторам Волги и Камы, белым акациям Полтавщины, бескрайним кубанским степям... Развлекался «русский Париж» на бесчисленных русских благотворительных балах, вечеринках, танцульках, ходил на концерты Плевницкой, слушал хоры донских казаков, смотрел пляски ансамбля кубанских казаков, покупал за последние деньги билет на Шалыпина и на русскую оперу...»

Рассудительный французский буржуа смотрел на этих непрошенных гостей с враждой и презрением. В «свободной стране» тысячи русских эмигрантов лишены были права на работу. В «демократическом обществе» они оставались совершенно беззащитными перед хозяином предприятия, перед последним «ажаном» (полицейским), перед консьержкой... Даже самый быт «русского Парижа» раздражал и возмущал

тамошних обывателей. Б. Н. Александровский язвительно передает те полные негодования расспросы, которым подвергали униженных русских эмигрантов:

«Почему вы чуть ли не каждый день шляетесь друг к другу в гости без всякого к тому повода, тогда как приличные люди приглашают гостей или сами ходят в гости два-три раза в год?»

«Почему, зарабатывая 500 или 600 франков в месяц, вы ухитряетесь прожить 700 или 800, тогда как все уважающие себя люди прячут в «чулок» половину заработанных за месяц денег?»

«Почему вы завтракаете и обедаете, когда придется, в то время как все приличные люди при всех обстоятельствах садятся за завтрак в половине первого, а за обед — в половине восьмого вечера?»

На все эти неприязненные «почему» трудно было дать ответ, слишком уж на разных языках говорили обе стороны. Это справедливо, кстати сказать, и в самом буквальном смысле: многие русские эмигранты, долгие годы прожившие в Париже, так и не научились французскому языку — вот в сколь замкнутом мире они существовали.

подавляющее большинство эмигрантов не хотело, да и не могло ассимилироваться в чужой стране. Они оставили родину, движимые лютой ненавистью к новому строю, народу, который признал этот новый строй. Но вот оказалось, что покинутая ими родина росла, крепла и процветала, а они... Год за годом все больше и больше их отправлялось в последний путь на русское кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Родина обошлась без них — они страдали и мучились без родины. Родина жила — они вымирали.

Общеизвестно, сколь сильна была галломания среди российской «образованной публики». Кто не побывал в Париже, тот вообще не мог претендовать на почетное звание «европейски образованного человека». (Пренебрегать собственными духовными и культурными ценностями в этой среде не считалось зазорным, скорее наоборот.) Но вот Б. Н. Александровский спокойно и обстоятельно повествует, как в великолепном Париже большинство русских эмигрантов проявляло удивительное равнодушие и даже холодность ко всем

тамошним знаменитым памятникам, музеям и театрам. «Я много раз спрашивал этих людей о причинах такого непонятого безразличия,— рассказывает мемуарист.— Их ответы можно было суммировать следующим образом:

— Когда мы жили на берегах Невы, Москвы-реки, Днепра, Камы, Дона, мы бредили Парижем, его памятниками и храмами, его выставками, театрами, музеями, антиквариатом. Мы преклонялись перед Мольером, Виктором Гюго, Эмилем Золя и другими французскими литературными «богами». Нас тянуло на французский роман, живопись импрессионистов и музыку Клода Дебюсси.

Теперь мы рядом со всеми этими благами. И что же?.. Образы произведений Мольера, Виктора Гюго, Эмиля Золя полностью для нас потускнели. Зато вспыхнули ярким светом другие образы: Тургенева, Лескова, Островского... Импрессионисты больше не трогают нас — нам нужны Репин, Васнецов, Айвазовский. Клод Дебюсси не заставляет нас рыдать от восторга, как прежде. Зато от музыки Глинки и Чайковского мы возносимся к небесам».

И наконец, как вывод, как итог горькой и неудавшейся жизни, как с отчаяния удар кулаком по столу:

«— Нет!.. Радость и счастье жизни не в Париже — чужом, нудном, холодном и бездушном, а в родных Царевококшайске и Тмутаракани, в брянских лесах и на полях Северной Таврии, на берегах Днепра и Енисея, среди благоухающих садов, что цветут по-над Доном, и среди елей родной тайги...»

Примечательные слова! Поучительная история!

И вот в «русском Париже» возникает «Русская консерватория», «Русская опера», «Русский народный университет»... Отчаянные попытки хоть как-то сохранить и уберечь от распада свое национальное самознание, свою национальную культуру! Тщетно. В мемуарах Б. Н. Александровского с неумолимой правдивостью рассказано, как захирела с годами «Русская опера», как распался «Русский университет», как раскололась от внутренних склок «Русская консерватория», а потом все эти осколки постигла та же печальная судьба.

Б. Н. Александровский был близко знаком с творческим миром русской эмиграции — рассказы его в этой части особенно интересны и содержательны. И главная тема — человек и его родина — звучит здесь необычайно сильно. На чужбине потускнел талант даже такого великолепного музыканта, как А. К. Глазунов. На склоне жизни он говорил своим почитателям: «Для того чтобы написать что-нибудь, есть только одно средство: вернуться на берега родной Невы, коснуться родной земли и вдохнуть воздух родного города. Вновь вступить под своды консерватории и Марининского театра; встретиться с русскими артистами, музыкантами и русской публикой, встать за дирижерский пульт и взмахнуть палочкой. Тогда, и только тогда на меня вновь снизойдет вдохновение. Тогда, и только тогда я вновь буду способен к творчеству...»

Много утратил в своем творчестве талантливый художник Ф. Малявин. Великий Шаляпин как-то сказал о нем: «Малюет он и сейчас неплохо, да только все его сарафаны полиняли, а бабы сделались какими-то тощими, с постными лицами... Видно, его может освежить только воздух родных полей и больше ничего...»

Добавим, что этого самого воздуха так не хватало и самому Федору Ивановичу Шаляпину...

Да, действительно.

...Отвлечемся, впрочем, в этом месте от грустной исповеди мемуариста, вспомним известное нам самим из истории эмиграции. Да, немало талантливых людей оказалось среди них. Но что создали они на чужбине, чем обогатили русский язык, русскую художественную палитру, русскую музыку?

Увы, отчитываться почти нечем...

Вот писатель Куприн — куда уж как даровит, мастеровит и опытен был. И что же? Ряд злобных пасквилей, о которых лучше и не вспоминать из уважения к памяти писателя, да несколько второстепенных вещей — добротных, но явно пораженных ностальгией («Юнкера», например), — вот и весь итог за двадцать лет. Но все же Куприн вернулся на Родину. Старый и больной, он ничего не успел создать, но прах его все же приняла родная земля.

Одаренные поэты Бальмонт или Зинаида Гиппиус издавали за границей сборники стихов, да вот... стихи-то слабоваты, что даже очевидцам событий ясно было, а уж потомкам... Зато много писали «прозы» — вульгарную газетную брань на новый строй. Никакой ценности все это не имеет, тем более «художественной».

Сильно поувяло в эмиграции и своеобразное дарование поэта Игоря Северянина. Правда, оказавшись в эмиграции, этот некогда весьма популярный поэт не грешил бранью в адрес оставленной Родины. И тем характернее, что в 1940 году, когда Эстония, где он временно проживал, вернулась в лоно братских советских народов, у старого певца словно открылся новый голос. Обращаясь к новой «человечекровой» Родине, он радовался искренне, от сердца: «Потому что ты жива не случаем, а идеей крепкой и великой. Твоему я кланяюсь могучему, солнечно-сияющему лику».

Вернемся, однако, к мемуарам Б. Н. Александровского.

Случалось и так, что некоторые эмигрантские художники или художественные коллективы добивались порой значительных и шумных успехов. Так, например, хор донских казаков, созданный в Болгарии в 1921 году, с триумфом исколесил чуть ли не все страны Европы. Но это были исключения. И то сказать: мемуарист с присущей ему объективностью рассказывает, что когда в Париже в конце 30-х годов появился ансамбль под руководством А. Александрова, слава хора донских казаков померкла навсегда. Но даже у тех русских художников-эмигрантов, которые иногда выбивались на европейскую авансцену, судьба была не сладкой. В мемуарах описана тяжелая доля превосходного русского хора под управлением Н. П. Афонского: певцам навязали кабальный контракт, результатом которого были непрерывные гастроли по разным градам и весям и... грошовые гонорары (и это при огромном успехе концертов!).

В мемуарах Б. Н. Александровского содержится множество детальных и притом очень интересных сведений о самых различных сторонах эмигрантской жизни. Нередко его сообщения весьма существенны и новы. Таков, например, рассказ о знаменитой газете «Последние новости», издававшейся в Париже лидером

кадетской партии П. Н. Милюковым. Оказывается, эта «левая» газета получала весьма существенную поддержку: «среди широких кругов эмиграции была хорошо известна связь редакции газеты с международными масонскими и сионистскими финансовыми кругами...» Вообще надо отметить, что рассказ Александровского о деятельности масонских лож представляет чрезвычайный интерес, ибо современная деятельность сих «вольных каменщиков» широкому советскому читателю почти неизвестна.

Интересных и новых сюжетов в рецензируемой книге столь много, что здесь следует ограничиться лишь одним советом: прочесть эти мемуары.

Высоко ценя информированность и точность мемуариста, мы совсем не хотим сказать, что книга его абсолютно точна в каждой букве, что ею можно пользоваться как справочником. К сожалению, здесь имеются фактические погрешности и неточности. Вот лишь несколько примеров. Автор сообщает, что великий князь Николай Николаевич — последний «официально» признанный «наследник» российского трона — умер «в конце двадцатых годов», хотя известна точная дата: 5 января 1929 года. Сумский гусарский полк ошибочно причислен к гвардии. Генерал А. И. Деникин издал не трехтомные, а пятитомные мемуары, и не «в начале тридцатых годов», а в 1921—1926 годах. Н. А. Столыпин был убит не в 1912 году, а 5 сентября 1911 года и т. д.

Эти, а также некоторые иные неточности, которые нет нужды здесь перечислять, не являются упреком мемуаристу. Он написал, как помнил, как ощущал, следовательно, свою задачу выполнил. Но вот издательству «Мысль» упрек предъявить следует, и серьезный. Так издавать мемуары на столь сложную тему просто-напросто недопустимо. В книге нет даже самого краткого предисловия, ничего не сказано о судьбе автора. Нет никаких комментариев и примечаний. Последнее особенно обидно. В нашем книгоиздательском деле накоплен превосходный опыт комментированного издания политических воспоминаний и публикаций. Уместно напомнить здесь опыты А. Шилова и П. Щеголева. Солидное столичное издательство обязательно было найти специалистов, которые снабдили бы

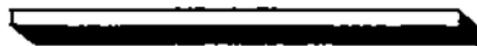
книгу соответствующими разъяснениями и справками. Это тем более необходимо, что никаких хоть сколько-нибудь серьезных обобщающих работ по истории русской послереволюционной эмиграции у нас пока еще нет.

Мемуары Б. Н. Александровского — полезная и поучительная книга. Умудренный суровым жизненным опытом пожилой человек еще раз напомнил своим соотечественникам: горе тем, кого отринет мать-Родина!

И наконец: пыль Москвы, видимо, можно увезти и даже сохранить на полях старой шляпы, но воздух Москвы, душу Москвы, душу родины в эмигрантском чемодане не увезешь.

Такие предметы не экспортируются.

Уроки МАСТЕРОВ

ЯСНЫЙ ИДЕАЛ .

(Образ русской женщины в поэзии Некрасова)

В русской поэзии никто не пропел столь возвышенного гимна в честь русской женщины, как Некрасов. И если бы довелось ему создать только «Мороз Красный нос» да «Русские женщины» — уже одно это навеки причислило бы поэта к нашей литературной классике. Оставленное нам некрасовское наследство не есть экспонат мемориального музея, не материал ученой схоластики — нет, его поэтические образы вошли органической частью в нашу культуру, в наш язык. Редкая и завидная для любого художника судьба! Ибо нет человека, знающего русский язык, кому были бы неведомы некрасовские строки о русских женщинах.

Назовите, например, любую из этих строк, и всякий подскажет вам следующую:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,—
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнцем осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»
...Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Во всякой работе ловка...

Этический и эстетический идеал русской женщины разработан Некрасовым с блеском и с присущей его

творчеству идеологической прямой. Прекрасные женские образы глядят на нас со страниц его поэтических книг. Чистота и цельность, трудолюбие и доброта, верность долгу, беспредельная самоотверженность материнства — вот что искал и что находил поэт в своих героинях. Свет и тепло излучают они. Но не всегда светла и тепла была жизнь, и Некрасов видел это, быть может, лучше многих других. Поэт остро социальный, обостренно чувствующий и отражавший в творчестве всякую несправедливость, он не мог не отразить народные тяготы и страдания. И все то тяжелое, что было в судьбе русской женщины, выражено им сильно и полемически темпераментно. Картина вырисовывалась невеселая. В стихотворении «Свадьба» Некрасов горько предрекал молодой жене ее будущую судьбу:

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких:
Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,
Плакать, работать — да думать уныло,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что даст вперед...
Бедная! лучше вперед не гляди!

«Бедная» могла и не глядеть вперед, так оно, может, и лучше. Но поэт глядел. Где и как найти его, это женское счастье? В каких краях, в каких мирах обретается оно? И нередко звучат в поэзии Некрасова такие вот печальные ноты:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынники
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут — не найдут!

«Ищут — не найдут!»... Но может быть, ищут не там? Или не те? Да и что ждать, право, от «книжников-начетчиков»...

В 60-е и 70-е годы прошлого столетия оживленно дебатировался вопрос о так называемой женской эмансипации. Меры здесь порой предлагались самые

радикальные, достаточно помянуть хотя бы младшего современника Некрасова — идеолога казарменного социализма Сергея Нечаева. Этот по-своему одаренный, но беспредельно жестокий и совершенно аморальный человек отрицал всякие общественные нормы поведения, включая семью. Эта проповедь «свободной любви» дала повод реакционерам чернить революционное движение, хотя — и это надо подчеркнуть — русская демократическая общественность осудила Нечаева и нечаевцев.

Некрасов проявил тут себя достаточно осмотрительным и мудрым. Для него идеал женщины лежал в сфере специфически женской. Семья, дети, сдержанное достоинство в поведении, самоотверженность — все эти атрибуты женского естества всегда оставались для героинь поэта явлением, определяющим их жизнь и жизненные интересы. Любопытно, что среди многочисленных женских образов Некрасова нет ни одной «эмансипе», как говаривали тогда; он не преминул ядовито помянуть «синий чулок» (см., например, его полушутливое-полугрустное стихотворение «Прекрасная партия»).

Не сразу Некрасов увидел свой идеал, не сразу пришел к нему. Разного рода модные поветрия действовали и на него — что говорит не столько о слабости его характера, сколько о сильном воздействии моды на людское сознание вообще.

Книжный заемный ум, почерпнутый из переводных сочинений Жорж Санд и некоторых прочих, самоуверенно требовал «освободить» женщину от всего женского. Идеалом здесь выставлялась дама, во всех отношениях свободная от «предрассудков», причем сами эти «предрассудки» толковались в высшей степени широко. Отсюда возникла примечательная тенденция, проводимая в ту пору еще осторожно, но которую будущий модернизм подхватил и заявил громко и агрессивно, — тенденция почитать идеалом подобной вот «освободившейся» женщины не кого иного, как особу весьма определенного поведения.

Молодой Некрасов не избежал этого модного поветрия. И вот появляется известное стихотворение «Когда из мрака заблужденья»... Героине стихотворения, девушке с улицы, герой предлагает: «В дом мой

смело и свободно хозяйкой полною входи». Все тут от книжной схемы. Панельный промысел — это, видите ли, «заблужденье». Как будто кто-то не знает, что воровать или торговать собой грешно при всех обстоятельствах! Тут можно говорить о чем угодно, только не о заблуждениях. Да и радикальное приглашение проститутки в хозяйки дома — рекомендация, вряд ли приемлемая для многих...

Поветрие прошло, а стихи про «мрак заблужденья» не попали в народное устное наследство, где нашли место очень многие строки поэта. Приговор этот следует считать окончательным, и литературоведческому обжалованию он не подлежит.

Прославился Некрасов иным. Светлыми, сильными, цельными характерами своих героинь. Не одно поколение вдохновлялось ими, просветлялось и облагораживалось. Положительное нравственное воздействие поэзии Некрасова в этом смысле является поистине выдающимся примером в русской и мировой литературе.

Возвышенные поэтические образы любящей и преданной женщины-супруги дает нам поэма о декабристах. Героини поэмы — не крестьянки, то жены офицеров-декабристов, столичные аристократки. Некрасова упрекали, что он неточно передал в поэме историческую реальность, что его героини модернизированы на полвека. Не будем касаться этих споров. Подчеркнем другое: Некрасов создавал не исторический портрет, а обобщенный образ русской женщины, как она ему виделась и мечталась. Его княгиня Трубецкая говорит:

Нет! что однажды решено — *
Исполню до конца!..
...Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!..
...Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Некрасов не делает свою героиню сознательной революционеркой. Да и не было в ту пору подобного женского типа, он лишь формировался и сложился

позднее. Здесь важно подчеркнуть другое: высокое чувство долга и самоотверженность — вот что чтит поэт в своих героинях. Это богатство природы могло проявиться (и проявилось не раз) и в защите своего отечества или в служении делу революции и иных сверхличных задачах. Важна первооснова личности — высокая и строгая нравственность и цельность природы. Такая нравственная основа и определяет все поведение героинь поэмы «Русские женщины». Отсюда глубокая народность характеров этих двух княгинь, как глубоко народна была графиня Наталья Ростова. Страдания очистили этих аристократок, слетела словесная и классовая шелуха, обнажилась суть природного характера. Княгиня Волконская скажет о себе по праву:

В дороге, в изгнание, где я ни была,
Все трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...

Поэт глубоко социальный, Некрасов отнюдь не являлся социологом. В том смысле не являлся, что холодные (хоть бы и на сто процентов выверенные!) социологические конструкции не подавляли в нем горячего эстетического чувства. И — что особенно важно — образного поэтического восприятия мира. При этом порой случалось, конечно, что в пылу борьбы и увлечений узкий (или, если сказать сильнее — вульгарный) социологизм и оставлял след в его стихотворных строках. Все наносное, преходящее, вся мрачность гражданского и социального бытия не заслоняли у него этической и эстетической красоты его женских образов, их высокую духовную природу.

В этой связи интересно разобрать известнейшее стихотворение Некрасова «Тройка» («Что так жадно глядишь на дорогу...»). Милая крестьянская девушка с алой лентой в волосах, красавец офицер, пронесшийся мимо на тройке, — вот и все «действующие лица». Романтическое томление девушки, мечта девичь-

его сердца о любви — вот его лирическое настроение, трогательное и чуть грустное.

Эти мечты чисты, нравственная безупречность мечтательницы очевидна, хоть и не выставляется поэтом напоказ. Да, ей хочется жизни счастливой и радостной, но кому же на этом свете не желается счастья и радости? Но это крестьянская девушка — сызмальства труженица, она знает цену хлеба и отдыха, ее счастье не в праздном бездельи, не в модной суетне, а в душевной гармонии, сознании правоты справедливости и добра — но не только для себя, а для всех, ей подобных и близких.

И куда как менее симпатичен в сравнении с ней «проезжий корнет», который еще в детстве от гувернера-швейцарца усвоил, что «la reuple gusse» — это дикари... Почему и девушка — в его, а не авторской лексике! — называется тут «чернобровой дикаркой». Автор-то стихотворения, хоть и было ему тогда всего лишь двадцать четыре года, отлично понимал, что «дикари» — это отнюдь не крестьянские девушки, не русские крестьяне вообще, а некие совсем другие господа, хотя порой бывали они, быть может, и очень блестящими. Внешне...

И вот уже сто лет звучит над Россией песня про молодую девушку с лентой в волосах, что грустит у дороги. Меняются дорожные покрытия, виды транспорта и пассажиры в нем, меняются и будут меняться — а девушки по-прежнему грустят у дороги... И поют песню про «бешеную тройку».

Но главный идеал русской женщины воплощается у поэта в материнстве. «Всевыносящего русского племени многострадальная мать» — вот кто является главной героиней его поэзии. И этой героине поэт посвящает свои самые возвышенные чувства и лучшие поэтические строки.

Материнская любовь, по Некрасову, чувство великое и всеобнимающее. Именно женщина-мать, знающая цену любви и скорби, лучше всех поймет это чувство безграничной доброты. Широта и размах — так уж во всем, таков характер народа. И русские женщины выразили этот национальный характер, быть может, наиболее сильно.

В рассказе Матрены Тимофеевны («Кому на Руси

жить хорошо») есть потрясающий эпизод, как мальчик пожалел голодную волчицу. Это чрезвычайно сильная сцена, и поэт разворачивает свой этический идеал с присущей ему страстью и категоричностью оценок. Сын плачется матери:

Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи... и завывла вдруг!
Я бросил ей овцу!..

Что ж, либеральничать по отношению к волкам хорошо в уютном кабинете, когда эти звери знакомы по зоопарку и книгам Брема (и что немаловажно добавить — когда они едят *чужих* овец). У крестьянина-труженика своя оценка красивого зверя, и оценка эта устойчива на протяжении столетий. Классически выразил ее еще дедушка Крылов: «С волками иначе не делать мировой, как...» и т. д. по тексту. Кормить волков крестьянскими овцами? Тут и говорить нечего, тут (опять-таки помянем Крылова) «надо власть употребить». И только Матрена Тимофеевна понимает своего Федотушку, понимает его и прощает ему. Какой поразительный образ для сурового поэта-гражданина! Да, существуют волки и овцы, да, нельзя щадить волков, и шкуру с них долой, и жалость к ним немыслима и предосудительна — все так, только одна лишь мать в безграничной любви своей к миру может понять и простить всех и вся!

Мирской суд скор:

Подпaska малолетнего
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать!

Мирской суд этот справедлив, и поэт не оспаривает его приговор. Но поэт видит чуть дальше и выше мирского суда, пусть даже и справедливого. Ибо есть еще та высокая мера, где исчезают страсти и пристрастия, узаконения и правила, обычаи и регламенты, и

мера эта — всеобъемлющая любовь матери. Видно, недаром у многих народов нашей земли образ матери — любящей и страдающей — стал символом возвышенности и чистоты.

Я пошла на речку быстрюю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала сирота!..
Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!..
Ты ушла в бесповоротную
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь!..

Кто пожалеет, кто разделит скорбь с той же Матреной Тимофеевной? Кто простит ее и поймет в жестоком том мире, где властвует сильный и богатый? Да та же мать ее, хоть и ушла она «в незнакомую дороженьку». Так конкретный образ крестьянской женщины становится у поэта глубоким, обобщающим символом Матери, идеалом Любви и Добра.

В поэтическом наследстве Некрасова образы матерей, им созданные, пленяют своим благородством и чистотой. Здесь народность поэта выразилась, быть может, наиболее полно. В этом смысле он создал целую традицию в русской литературе, идущую через Горького и Есенина к Шолохову. Великие имена! поклонникам некрасовской музыки есть чем гордиться.

Автор «Клима Самгина» всю свою долгую жизнь был борцом, не знавшим снисхождения. Ему принадлежат мужественные слова, которых так стесняются иные либеральные истолкователи его творчества, слова, с которыми наш народ встретил великую войну и победил в ней: «Если враг не сдается, его уничтожают». И этот же писатель восславил женщину-мать в такой прекрасной поэтической оде, каких мало сыщется в литературе.

Создатель «Тихого Дона» куда как не сентиментален. Недавно П. Палиевский очень глубоко и точно заметил: «Если все русские писатели чему-то соответствуют у Пушкина, иной раз — строке, то Шолохов, на-

верное: «Суровый славянин, я слез не проливал». В седьмой части романа есть страшный эпизод, когда казаки убивают пленных красноармейцев. И вот «одна величественная и дородная старуха строго сказала начальнику конвоя:

— Ты ослобони вот этого чернявенького...»

Сама потерявшая сыновей на войне, она выхаживает раненого юношу, солдата воюющей с ее хуторами армии, и говорит, отправляя его через фронт:

«— Идите с богом! Да глядите, нашим служивым не попадайтесь!.. Я не одна такая-то, все мы, матери, добрые... Жалко ить вас, окаянных, до смерти!»

Какими словами выразить, какой мерой измерить красоту души этой русской крестьянки, этой поистине величественной женщины?..

В поэтической палитре Некрасова немало темных, трагических тонов. Ну что ж, такова была жизнь, и поэт-гражданин не мог пройти равнодушно и холодно мимо того, что возмущало его сердце. Но музу поэта, ту музу, что воспела русскую женщину, никак нельзя назвать мрачной. Нет! Вопреки всем тяготам жизни героини некрасовской поэзии в соответствии с реальными своими прототипами дали нам образец духовной стойкости и нравственного здоровья.

Женщина-мать, женщина-труженица, прочно стоящая на земле, сильная духом — такова героиня поэта, таков его идеал русской женщины. Суров мир, тяжела житейская доля, но поэт увидел и запечатлел для нас светлый образ труженицы, побеждающей — вопреки всему! — сумеречную усталость и приземленность. И яркой оптимистической картиной, созданной поэтом, уместно будет заключить наши заметки:

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

ИСТОРИЯ — ЭТО ПАМЯТЬ НАРОДА

К 100-летию писателя В. Яна

В «минуты роковые» мира особенно ясно становится истинное значение всех и всяческих ценностей. Тут уж не до суеты. Все ложное, фальшивое, чужеродное стусевывается, просто перестает быть. Любомудрствованием и соблазном кажутся потом словесные венки, возложенные на ничто, на пустоту. Плохо тому, кто во время не разглядит этой пустоты и ступит в ее сторону.

К апрелю 1942 года завершилась великая битва под Москвой. Враг попятился. Фронт стал. Но боже, где проходил он тогда, этот фронт! За черной его чертой остались Новгород и Смоленск, Курск и Харьков — коренные центры России, про которые не так уж давно говорили, что оттуда до границы три года скачи, не доскачешь...

Фронт стал. Готовились новые бои, день победы был еще далеко. И вот в краткую ту передышку, 12 апреля, вышел очередной номер «Правды». Там публиковался список лиц, которым присуждалась Государственная премия за выдающиеся работы в области литературы и искусства за 1941 год. Среди прочих там значилось имя писателя В. Яна и его роман «Чингизхан». В передовой статье того же номера было сказано о книге нового лауреата: «Можно только приветствовать появление таких произведений, которые рисуют далекую историю народов нашей страны, которые на исторических примерах воспитывают художественные вкусы и учат бороться за независимость, честь и свободу своей родины так, как боролись славные наши предки».

Примечательные слова. А ведь шел тяжелейший сорок второй год, тогда было не до комплиментов.

Без сомнения, этот день был самым счастливым в творческой судьбе писателя. К этому успеху он пришел уже пожилым, под семьдесят лет, но пришел закономерно и заслуженно.

Писателями не становятся в библиотеке. Изучив самое большое и самое изысканное книгохранилище мира, можно сделаться ученым, искусствоведом или критиком, и хорошим. Но чтобы внутри библиотеки

мог вырасти настоящий писатель?.. Его формирует жизнь, а книжная мудрость только оттачивает и шлифует эту формовку. Ложно обыденное представление, будто кратчайший путь к писательству лежит через университет и аспирантуру. Где были «университеты» Максима Горького, «аспирантура» Михаила Шолохова?

Прежде чем стать литератором, В. Ян много повидал и пережил, очень много работал, многое знал и умел. Он в совершенстве изучил несколько языков, штудировал серьезнейшие книги, он был широко образован. Но более всего его умудрила жизнь, собственная трудовая судьба, она не была у него очень уж благоустроенной, но зато была насыщенной и целенаправленной.

Василий Григорьевич Янчевецкий, избравший позже литературный псевдоним В. Ян, родился 4 января 1875 года в Киеве в семье преподавателя греческого и латинского языков, позже директора гимназии. Он вырос в интеллигентной русской семье, большой и дружной, где любили книгу и все гуманитарные занятия, где умели шутить и веселиться и относились друг к другу по-товарищески. С детства жизнь будущего писателя сложилась так, что на одном месте ему долго жить не приходилось — бытовая черта, характерная для всей его дальнейшей судьбы. Вместе с родителями он переезжает в Петербург, затем в Ригу, наконец, в Ревель (Таллин). Здесь семья обосновалась прочно, здесь Ян окончил гимназию, отсюда уехал учиться в Петербургский университет, на историко-филологический факультет.

Честолюбие никогда не владело Яном. Окончив столичный университет, он не поспешил начать ученую или иную карьеру, он вообще никакой карьеры не избрал. «Не пружу я грудью в генералы и не ползу в ассессора», — мог бы он сказать так о себе пушкинскими словами, и сказать про всю свою жизнь.

Молодой историк пошел «ходить по Руси». Надев сапоги, закинув за плечи неприхотливую котомку, отправился он через Чудское озеро на Селигер и далее, далее по бескрайней России. Ходил он на баржах и лодках по Волге и Днепру, посетил Троице-Сергиеву лавру, и Ярославщину, и... И многое другое, тем более

что «хождение» продолжалось более трех лет. Правда, с перерывами: молодой путешественник отдыхал в родительском доме и успел даже совершить поездку в respectable Англию.

Слов нет, такая любознательность стоила немалых денег, но отец был не бедный — в ту пору директор гимназии считался видной фигурой, «его превосходительством». Конечно, любознательность молодого Яна удовлетворялась сравнительно легко, невелик все же подвиг путешествовать с аккредитивом в кармане, но отметим тут главное, существенное: Ян не спешит «устроиться» в жизни, не торопится начать какое-либо деловое предприятие, хоть самое мелкое. С чисто русским бескорыстным идеализмом он широко знакомился с миром, не ставя никаких практических целей, им движет одна лишь романтика чистого познания. Для человека, который позже посвятит себя изучению народной истории, это, безусловно, полезнейшее начало жизненного пути.

Здесь не место излагать биографию В. Янчевецкого. Но для понимания истоков творчества писателя В. Яна полезно вспомнить, что активная, действительная любознательность не покидала его до самого пожилого возраста. Он исколесил вдоль и поперек Среднюю Азию, побывал корреспондентом в Маньчжурии во время русско-японской войны, с репортерскими заданиями изъездил Ближний Восток, Балканы и Турцию, во время мировой войны жил в Бухаресте. В печати часто появлялись его статьи и заметки, даже вышла книга о путешествиях, но все это было, что называется, на среднем уровне. Отметим, однако, и тут, что Яну-журналисту так же был чужд дух деляческого гешефтмахерства, как и Яну-путешественнику.

Революция застала его врасплох. Он не был готов к тем социальным катаклизмам, которые разверзлись на его родине, и, конечно, не сразу понял их значение и смысл. Но характерно: Ян не торопился выступать против новой власти, даже находясь в Сибири при суровом режиме адмирала Колчака. Не помышлял он о том, чтобы уехать в эмиграцию, не разделил он судьбу тысяч и тысяч русских интеллигентов, которые порвали со своей страной и медленно увядали на чужбине, в тоске или бессильной злобе. Никогда — ни в молодос-

ти, ни в зрелые годы — не шумел Ян о любви к родине, он тихо и прочно любил ее, вот и все.

Двадцатые годы были трудным временем не только в смысле материальном. На гребне великой революции всплыли на поверхность разного рода левацкие извращения. Все эти Авербахи и Бескины, Зонины и Лелевичи, Брики и прочие Родовы, свистя громче соловья-разбойника, требовали разрушения всей старой культуры России. Характерно, что большинство этих «революционеров» были выходцами из зажиточных, подчас богатых семей, в недавнем прошлом воспитанниками коммерческих училищ или частных гимназий, однако именно они рьяно боролись за «пролетарское искусство» взамен прежнего, что сплошь объявлялось «буржуазно-дворянским».

К несчастью, их крикливый нигилизм, полное отрицание всего самобытного и исторически устойчивого принималось некоторыми за новое слово, причем слово, рожденное революцией. Пагубное заблуждение, которое отравило творчество не одного русского художника. Особенно досталось в ту пору отечественной истории. Тут уж ничего не жалели в «проклятом прошлом»! В этом самом прошлом — далеком и близком, все равно, — надлежало видеть только мрак и невежество. Будто бы и не было у нас величайшей духовной культуры, трудовых и ратных свершений, будто и впрямь не рождались у нас «Платоны и Невтоны». Произведения писателей на исторические темы, проникнутые патриотическим духом, подвергались разносу. Вспомним хотя бы, как поносили первую книгу Алексея Толстого «Петр Первый» в журнале «На литературном посту». Оторопь берет, когда прочитаешь строки, написанные в 1931 году неким Н. Иезуитовым.

В ту пору В. Ян начал пробовать себя как писатель. Он сочинял детские пьесы, критические статьи, сатирические стихи, рассказы, фельетоны, печатался в крошечных газетах Минусинска и Самарканда. Не сразу, но зато прочно нашел он свою тему — исторический роман.

Первые его работы касались древней и далекой истории. В 1931 году появилась повесть «Финикийский корабль», немного позже — роман о восстании Спартака, некоторые другие работы на аналогичные темы.

Начинающий, хоть и немолодой годами писатель сразу обратил на себя внимание живым и легким стилем изложения. Он не занимался стилизацией, избегал вычурных приемов письма и нарочитой усложненности композиции, чем так увлекались некоторые модные в ту пору авторы. Подкупало и основательное знание Яном своего предмета — не даром все же учил он древние и новые языки и получил превосходное историческое образование. Тем не менее первые эти произведения не поднимались выше благополучной беллетристики, хоть и вполне обеспеченной читательским спросом, они не содержали каких-нибудь интересных идей, оставались в стороне от тем народной самобытности и народной государственности, что так сильно проявилось позже. Далекая библейская Финикия тоже была избрана как своеобразная дань тогдашней моде — прославлять историю собственного отечества РАПП и Леф не поощряли.

В стройках, в социальных преобразованиях, в борьбе с врагами социализма мужало и крепло Советское государство. К середине 30-х годов потерпели сокрушительное идейное поражение нигилистические и очернительские тенденции в нашей культуре. Тема защиты отечества стала необычайно своевременной — понятно почему. Ян почувствовал, что нужно сейчас от него, писателя-историка, и почувствовал верно. Так началась работа над книгой, которая принесла ему громкую славу, — романом «Чингиз-хан».

Для такой темы не хватило бы одних лишь исторических познаний для литературного опыта. Вот когда пригодились писателю его, казалось бы, необязательные путешествия по Средней Азии! Он видел, он сам видел, как пасутся табуны коней в степях, пересекал пустыню с верблюжьим караваном, слушал рассказы аксакалов возле юрты у потухающего костра. Он лазил по каменистым, голым холмам, что некогда были цветущими городами, пока не пресекла здесь жизнь безжалостная воля завоевателя.

Книга писалась скоро, легко. Но... оказалось, что издателя найти теперь куда труднее, чем для финикийской истории. В 1935 году руководство издательства «Молодая гвардия» отвергло предложение об издании «Чингиз-хана». Не торопились и в других. Однако

времена круто менялись, и теперь патриотическая книга, остро необходимая читателю, не могла не увидеть света. И вот свершилось: в апреле 1939 года «Чингизхан» был издан.

Роман сразу же приобрел широкую и устойчивую читательскую популярность. Книга многократно переиздавалась, издается ныне, будет издана еще не один раз. Это исторический роман в лучших традициях русской и классической литературы. Эпическое неспешное повествование. Точный историзм, никакого насилия над реальностью в угоду моде или какой-нибудь «концепции». Ясный, чистый язык, лишенный всякой стилизации или экзотики. Занимательный сюжет. Обильный материал для исторического образования.

Главное же достоинство «Чингиз-хана» в идейной, нравственной стороне дела. Книга эта учит верности своему народу, своему отечеству. На реальном, а оттого и более убедительном для читателя примере показано, как жалка, презренна и трагична в конечном счете судьба тех, кто пытается пригреться у костра чужеземных поработителей.

Отпор, отпор жестокому насильнику! Меч против меча! Враг, возомнивший о мировом господстве, не ведает пощады, ему угодны только рабы, человеческий скот. Смотрите, люди, как скверно кончили те, кто пытался низостью или изменой спасти свою жизнь, свою мощну. Меч против меча преступника!

Роман оказался необычайно созвучен тревожному предвоенному времени. И это гражданское подвижничество писателя было сразу и в полной мере оценено. Как известно, И. В. Сталин внимательно следил за развитием советской литературы. Весной 1940 года, выступая перед выпускниками военных академий, он высоко оценил «Чингиз-хана» как талантливое и патриотическое произведение.

Обрадованный успехом и вниманием, В. Ян энергично принялся за написание второй части эпопеи — «Батый». Книга вышла в 1942 году. Дата говорит сама за себя... События 700-летней давности оказались вдруг необычайно близкими, словно речь шла об этой, сегодняшней войне. Подчеркнем, что никаких иллюзий или намеков Ян не допускал, речь шла о XIII веке — и только; однако описание страшного нашествия, леденя-

щие душу сцены пожаров и кровопролитий не могли в ту пору восприниматься как сугубая история, хотя бы и своя, кровная.

Читатель сорок второго года видел перед собой совсем не XIII век, когда перед ним вставала сцена разорения Рязани:

«В числе немногих спасшихся был и Савелий. Несмотря на ледяную воду, он переплыл Оку. В мокрой одежде, с топором за поясом, он вылез на противоположный берег и остановился. В последний раз оглянулся на Рязань.

В вихре пламени и дыма выделялись колокольни горевших церквей. Савелий ясно слышал покрывавший вой и крики победителей равномерный одинокий звон набатного колокола, в который продолжал бить слепой звонарь.

Так, до последнего вздоха, пока его не прикончил разъяренный татарин, звонил старый, слепой звонарь, призывая русский народ на защиту Родины».

Тот же читатель сорок второго года не мог равнодушно воспринимать сцену, как зловещий предатель, рязанский князь Глеб, получает заслуженную кару. Проклинаемый своим народом, не нужный врагам, бесполезный всем, он обрекается на участь вечного жиды, тщетно искавшего покоя на земле.

«Бату-хан заговорил:

— Кто предает свою родину, тот человек ненадежный. Ему нельзя верить. Он изменит и господину.

— Я был верен тебе! — с отчаянием воскликнул князь Глеб. — Я оказал тебе важные услуги...

— Ты говоришь, что служил мне? За это тебе давали золото. А за предательство следует наказывать... Могут ли я доверять предателю?

Бату-хан покосился на серое, помертвевшее лицо Глеба:

— Достойный человек не боится смерти...

— Ослепительный! Прости... сжался... — бормотал князь Глеб.

Маленькая дрожащая рука легла на темную и сильную руку Бату-хана.

— Хорошо... живи!

Князь Глеб бросился целовать красные сапоги Бату-хана.

— Уходи! — резко сказал Джихангир. — Арапша! Прикажи нукерам увести коназа из лагеря в степь.

— Куда же я пойду!.. — закричал князь Глеб. — У меня больше нет родины!

Бату-хан отвернулся. Два нукера вытащили отбивавшегося Глеба. Арапша с непроницаемым, спокойным лицом опустил за ним тяжелый дверной полог.

В русских летописях есть глухое упоминание о том, что князь Глеб бесприютно скитался в степях и в конце концов сошел с ума и пропал. Когда он умер, где — никому было не ведомо, да никто и не добивался узнать...

Разве в сорок втором году судьба рязанского князя Глеба, предателя и братоубийцы, могла восприниматься как нечто далекое-далекое, давно ушедшее от нас?

«Чингиз-хан» и «Батый» издавались во время войны неоднократно. Это великая, ни с чем не сравнимая честь для всякого литератора, художника — быть нужным своему народу в тяжелую годину. Романы старого писателя стали частью духовного вооружения его народа.

Книги военного времени — особые книги, их нельзя держать в руках равнодушно. Плохая бумага, неважная печать, более чем скромное оформление... Но все они вызывают уважительный интерес, как старое боевое оружие на музейной стене. В войну часто обращались к отечественному прошлому, но не «Поручика Кижее» переиздавали тогда, а книги о Суворове и Кутузове, Александре Невском и Богдане Хмельницком, Давиде Строителе и Алишере Навои.

Как переиздавали исторические романы В. Яна.

После войны В. Ян по-прежнему много работал, написал (хотя, видимо, не успел отшлифовать) завершающую часть трилогии о татаро-монгольском нашествии — роман «К последнему морю», начал повесть об Александре Невском, продолжал писать о походах Александра Македонского в Среднюю Азию и о борьбе скифов за свою свободу. Все это интересно, увлекательно, хорошо читается. Однако главный труд писателя, основной ствол его творчества, от которого, как боковые побеги, отходят все прочие его сочинения, — это «Чингиз-хан» и «Батый».

Василий Григорьевич Ян никогда не тщился считаться великим писателем. Он им и не был. Но честно и достойно выполнил свой долг образованного и культурного русского литератора: оставил нам живые, легко и прозрачно написанные картины истории народной. В меру своего таланта он призывал любить свою страну, свое прошлое, он показал тщету и пагубность тех, кто стремится возвыситься над миром и пасти народы железом железным. Их ожидает всеобщая ненависть и бесславный конец.

Вот почему спокойные и содержательные произведения В. Яна живут и будут жить долго.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РОМАНА М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

«Тихий Дон» есть «Илиада» нашей великой революции. Это народный эпос героической, беспримерной в истории эпохи.

«Илиада» Гомера — не только классика мировой литературы. Знаменательно другое, на что не всегда обращают внимание: гомеровские поэмы есть предмет внимания не только филологов, литераторов и лингвистов. «По Гомеру» историки изучают отдаленное прошлое Эллады. Экономисты реконструируют имущественные и земельные отношения, а философы — мировоззрение людей той эпохи.

Роман М. Шолохова «Тихий Дон»; подобно «Илиаде» Гомера, — это народный эпос двадцатого столетия, эпос русского народа, запечатленный его гениальным сыном.

Все, о чем рассказано в «Тихом Доне», есть в высшей степени «подлинное». Подлинное в самом высоком, то есть наиболее точном, смысле этого слова. Все, что описано в романе, «так и было», именно так. В большом и малом. Для художественного произведения, кстати говоря, вообще трудно уловима грань между «большим» и «малым». Историческая реальность «Тихого Дона» всеобъемлюща и этим беспримерна.

С полным основанием можно сказать, что если бы от эпохи гражданской войны остался бы один лишь роман «Тихий Дон», то и этого одного было бы довольно,

чтобы наши потомки получили о той эпохе глубокое и многообразное впечатление.

Картина, нарисованная в романе, необозримо широка, как и сама жизнь. Как ориентиры, как вехи, по которым определяют направление пути, в романе много конкретного, реально-исторического. Это помогает нам яснее представить себе масштаб событий и место героев в общем движении истории.

Разумеется, и это надо подчеркнуть, что «Тихий Дон» есть прежде всего художественное произведение, классический образец классической литературы. Вся историческая конкретность, обильно привлеченная автором, служит главной задаче — созданию художественного образа. Однако выявить историческую реальность романа значило бы и лучше понять «Тихий Дон» именно как великое художественное произведение.

Автору настоящей статьи приходилось специально заниматься изучением революции и гражданской войны. Достоверность исторического изображения в «Тихом Доне» поразительна. Возникла мысль провести сплошное изучение фактической стороны романа М. Шолохова. Здесь мы ставим себе вполне определенную конкретную задачу: привести некоторое число примеров исторической реальности романа. Примеры будут касаться различных героев и обстоятельств из разных частей «Тихого Дона».

... Григорий Мелехов после призыва на действительную службу был зачислен в 12-й Донской казачий полк. Произошло это, как можно судить по обстоятельствам действия, в январе 1914 года. Сотенным командиром Григория назван в романе подъесаул Полковников. Он же подписал письмо Пантелею Прокофьевичу о мнимой смерти Григория (на самом деле того лишь ранило). Персонаж сугубо эпизодический, Полковников, как выяснилось, вполне реальная историческая личность, причем по-своему известная. В Военно-историческом архиве сохранился послужной список Полковникова Георгия Петровича, из коего явствует, что он в 1914 году служил сотенным командиром в 12-м Донском полку. (Любопытна его дальнейшая судьба: в 1917 году он, уже в чине полковника, был назначен Временным правительством главнокомандующим Петроградским военным округом — он ока-

зался последним ставленником старого режима на этом посту, чем и «прославился». В марте 1918 года был расстрелян на Дону по приговору Ревтрибунала.)

В начале мировой войны полк Григория, говорится в романе, входил в 11-ю кавалерийскую дивизию, а та, в свою очередь, в состав 8-й армии знаменитого генерала А. А. Брусилова. Здесь все точно: по материалам того же архива удалось установить, что в 1914 году в состав 11-й кавдивизии входил 12-й Донской полк (наряду с другими частями, в том числе известным в нашей военной истории 11-м гусарским Изюмским полком).

В той же части в описании боев под Бродами упомянут — как часто у М. Шолохова вроде бы вскользь, мимоходом, как нечто малозначащее — сосед дивизии, в которой воевал Григорий; это, как сказано, «12-я кавалерийская дивизия под командой генерала Каледина». Здесь опять-таки все точно, обе дивизии наступали тогда (то есть в августе 1914 года) в соседстве, на стыке 8-й и 3-й русских армий. Попутно отметим, что командиром упомянутой дивизии был генерал Алексей Максимович Каледин — одно из действующих лиц второй книги романа, донской атаман и глава казачьей контрреволюции на Дону. Каледин застрелился в 1918 году в Новочеркасске (сцена этого самоубийства необычайно сильно написана М. Шолоховым).

В переломное время конца 1917 — начала 1918 года на мировоззрение Григория Мелехова некоторое влияние оказал Изварин — молодой, довольно интеллигентный сотник, казачий автономист. Одно время он в какой-то мере даже склонил Григория на сторону «вольной Донской республики». Изварин — реальный исторический персонаж. Среди членов контрреволюционного Войскового круга Всевеликого войска Донского в 1918 году (некто вроде местного парламента) значится сотник Изварин Борис Ефимович (как он и назван в романе). Ему удалось сделать быструю карьеру при «правительстве» атамана Краснова, он стал войсковым старшиной (чин, соответствующий современному подполковнику, сотник — старший лейтенант). Изварин даже подписывал в красновских газетах. Имя его упоминается в мемуарной литературе (*Калинин П. Русская Вандея. М.—Л., 1926*).

Всегда точными являются бытовые приметы времени у М. Шолохова. «Какого полка?» — спросил Листницкий, пытаясь разглядеть номер на синем погоне казака». Все здесь правильно: в казачьих частях погоны были синего цвета, на них нашивался номер соответствующего полка. Петр Мелехов с товарищами собирается в лагерь на летние военные сборы: казаки шли в «майских парусиновых рубахах». Летняя форма в казачьих частях состояла из белой гимнастерки и синих с красными лампасами шаровар, заправленных в сапоги. Во время боев в Трансильвании с полком Григория Мелехова немец-офицер кричит своим солдатам, только что переброшенным с французского фронта (по-немецки): «Друзья! Мы били не раз шинельников! Давайте покажем и этим...» и т. д. Французы носили шинели синего сукна.

Подобные приметы бытовых деталей можно приводить множество. Подчеркнем иное: пока не удалось обнаружить ни одной неточности такого рода.

М. Шолохов тщательно следит за географическими и даже топографическими приметами места действия. Они точны, как и фактография, хотя эта точность не бросается в глаза. Она естественна, органична, поэтому вроде как бы и не заметна, есть мерное течение жизни в пространстве.

...В декабре 1913 года (дата здесь установлена нами по обстоятельствам действия) Григория Мелехова вызвали в станицу Вешенскую и вручили извещение — явиться на второй день рождества (то есть 26 декабря) на сборный пункт в слободу Мальково: предстоит призыв в армию. Указанная слобода находится близ оживленной железной дороги Воронеж — Ростов, дорога эта существовала уже в описанное время; естественно, что сбор призывников был назначен в том пункте. По степным дорогам расстояние от Вешенской до Мальково около 120 километров.

В романе таких топографических подробностей, разумеется, нет. Но обстоятельства места и времени с обычной для М. Шолохова внутренней логикой вплетены в ткань повествования. И вот Пантелей Прокофьевич с Григорием выезжают: «За день сделали верст семьдесят. На другие сутки (в домах уж зажгли огонь) приехали в слободу Мальково». Итак, за полный

день пути — 70 верст, за второй — неполный, ибо приехали под вечер, в домах уже «зажгли» свет, значит, темнота не наступила, а речь идет о конце декабря, следовательно, за второй неполный сделали только около 50 верст.

Много географических примет в описании событий мировой и гражданской войны. То, что удалось сопоставить с тогдашними картами, абсолютно правильно. М. Шолохов словно писал, держа перед собой в воображении подробную географическую карту России, карту, которая становится порой уже топографическим планом: вспомним приметы Новочеркаска или Ростова, Петрограда или Новороссийска. А в описании Верхнедонского края, основного места действия романа, любая названная географическая примета, будь то небольшой хутор или проселочная дорога, — все находится в соответствии с тогдашней реальностью.

Сразу следует обратить внимание на безупречную точность в «Тихом Доне» этих вот очень мелких исторических деталей. Вообще говоря, в русской классической литературе глубокий историзм и реалистическая достоверность изображения эпохи являются неизменными свойствами. Но все же надо признать, что нигде нет такого количества «необязательных» вроде бы реалий, как у М. Шолохова. Ну, в самом деле, какая разница, подумаешь, что за фамилия у сотенного командира Григория в 1914 году или зачем сообщать подлинный номер той или иной дивизии? Что это, щегольство знаниями? Вряд ли. Ничего себе щегольство, которое не выставляется напоказ! И к тому же до сих пор недостаточно, кажется, обращали внимания на фактологическую сторону романа.

Романисту отнюдь не противопоказан подлинный исторический материал. Известно, например, как тщательно работал над источниками Лев Толстой при написании «Хаджи-Мурата». А ведь Толстой — и это важно подчеркнуть для нашей темы — был не только историографом, но и очевидцем описываемых им событий.

Широко пользуется историческими документами и М. Шолохов. Он воспроизводит, например, «обращение» генерала Л. Г. Корнилова от 28 августа 1917 года в начале его контрреволюционного мятежа. Цитирует

письмо генерала П. Н. Краснова, главы «донского правительства», к германскому императору Вильгельму II в июле 1918 года. Дает статью Л. Троцкого из газеты «В пути» в мае 1919 года и т. п. Все это к моменту написания «Тихого Дона» уже публиковалось, так что такой материал в романе не удивляет.

Вообще можно заметить, что в литературе — ограничимся здесь литературой батальной — сравнительно проще описывать события, так сказать, стратегического порядка. Это понятно: чем выше уровень, тем заметнее действующие лица и сами действия. Куда труднее передать «микромир» реальности. Здесь нужны очень конкретные, очень специфические познания, они достигаются личным опытом или кропотливыми исследованиями, а лучше всего — соединением того и другого.

М. Шолохов довольно подробно описывает стратегическую канву знаменитой Галицийской битвы на русско-австрийском фронте (август — сентябрь 1914 года). Номера армий, корпусов, дивизий и даже некоторых полков пестрят здесь густо, как и имена многих командующих. Не вдаваясь в детали, скажем, что все факты, которые удалось проверить, вполне точны. Это, в общем-то, не так уж удивительно. Крупный масштаб батальной истории всегда легче воспроизвести, чем мелкий. Чем более глубоким, более скрупулезным делается исследование (или изображение), тем оно сложнее для автора. Галицийская битва — блестящая победа русского оружия в самом начале войны — вызвала всеобщее пристальное внимание и сразу же породила обширную литературу. Уже к концу 20-х годов в советской историографии появился ряд превосходных исследований на эту тему (не потерявших, заметим, своего значения и по сию пору). Но то был, как говорилось, «крупный масштаб». В тех работах не находилось места не только для подъесаула Полковникова, но и для всего 12-го Донского казачьего полка вообще.

Также не может очень уж удивлять безупречная историческая точность в изображении корниловского мятежа (август — сентябрь 1917 года). Причины, ход и бесславный конец этой генеральской авантюры хорошо были известны по документальным публикациям

и мемуарам, появившимся уже непосредственно вскоре после событий. К середине 20-х годов в нашей исторической литературе появился целый ряд детальных и обстоятельных работ на эту тему (и в эмигрантской литературе тоже, хоть и с обратным знаком).

Или, скажем, вся начальная история белогвардейской Добровольческой армии, описанная в романе, — ее формирование в Ростове, «ледяной поход» (участником которого был Листницкий), известное совещание в станице Ольгинской 13 марта 1918 года и т. п. — все это сразу же получило обширную мемуаристику и документальные публикации, которые часто появлялись в советской печати уже с начала 20-х годов.

Очень детально описана М. Шолоховым трагическая эпопея экспедиции Федора Подтелкова весной 1918 года. Но и здесь опубликованных источников имелось немало, сюжет этот давно и неплохо у нас изучен. Например, приговор белоказачьего «суда» над Подтелковым и его товарищами (он приведен в романе) был опубликован советской печатью в Царицыне уже в 1918 году, а в Ростове — в 1920-м.

Таким образом, ко времени написания соответствующих частей «Тихого Дона» автору его было на что опереться в изложении этих (и некоторых других) сюжетов стратегически-политического, так сказать, характера. Но совсем другое дело — детальная, «мелкомасштабная» история. Она редко отражается в документах, а между тем представлена в романе очень широко.

Вот еще несколько примеров.

..!Январь 1919 года. Григорий и Петр Мелеховы бросили разбитую и распавшуюся красновскую армию, остались дома в хуторе Татарском. Напряженно ожидают прихода красных. И вот читаем: «В полдень через хутор слешным маршем прошел 6-й Мценский краснознаменный полк...» Из документов Центрального архива Советской Армии явствует, что именно в январе 1919 года 6-й Советский Мценский стрелковый полк участвовал в боях против белоказачков на Верхнем Дону, причем именно в районе станицы Вешенской (напомним, что хутор Татарский — вымышленное географическое наименование, однако указаны его точ-

ные топографические приметы: на правом берегу Дона, напротив станицы Вешенской).

Вскоре в Татарском были арестованы Мирон Коршунов и еще несколько зажиточных казаков; их отправили в Вешки, где, как сказано в романе, располагался тогда ревтрибунал 15-й Инзенской дивизии. Событие это произошло, как удалось установить путем текстологического анализа, в феврале 1919 года. По материалам того же архива установлено, что 15-я Инзенская дивизия (в состав которой входил уже упомянутый 6-й Мценский полк) в январе — феврале 1919 года вела стремительное наступление из Воронежской губернии на юг между реками Битюгом и Хопром и, перейдя Дон, пошла далеко в южном направлении к Северскому Донцу. Удалось точно установить, что штаб дивизии с 9 по 16 февраля 1919 года располагался в станице Вешенской. Следовательно, дивизионный трибунал, как подразделение штаба, также располагался там.

Уникальной даже для романа «Тихий Дон» является фактография так называемого Верхнедонского (Вешенского) антисоветского восстания весной 1919 года. Не вдаваясь в подробности, отметим, что кулацко-крестьянский мятеж этот отличался необычайным упорством и редкой организованностью, что делает его по-своему уникальным среди многочисленных других явлений такого рода. Ведя борьбу с регулярными частями Красной Армии, полностью окруженные, не получая помощи извне, мятежники сопротивлялись более трех месяцев. Они смогли удержаться до подхода белогвардейских войск, начавших наступление от Северского Донца.

К сожалению, в советской историографии до сих пор нет сколько-нибудь подробного исследования борьбы с этим мятежом (как есть, например, работы о разгроме махновщины или антоновщины). О Вешенском восстании имелись только краткие упоминания в известных работах 20-х годов Н. Е. Какурина и Д. Кина. Свообразным источником являются также воспоминания бывшего командующего повстанцев П. Кудина, печатавшиеся в парижском журнале «Вольное казачество» в 1931—1932 годах. Сомнительно, однако, чтобы М. Шолохов пользовался этим малоизвестным

эмигрантским сочинением, к тому же третья книга «Тихого Дона» была закончена уже к середине 1931 года.

Изучение материалов Центрального архива Советской Армии показало безупречную точность исторической реальности этой части шолоховского романа.

На подавление Вешенского восстания были отозваны с Южного фронта и переброшены из резерва целый ряд частей Красной Армии. Они были объединены в особые Экспедиционные войска по ликвидации мятежа под командованием Т. С. Хвесина.

В первые дни восстания дивизия Григория Мелехова повела упорные бои с Экспедиционными войсками. На допросе пленного красноармейца (из хоперских казаков) Григорий спрашивает:

«— Какие полки были в бою вчера?»

— Наш Третий казачий имени Стеньки Разина. В нем почти все с Хоперского округа казаки. Пятый Заамурский, Двенадцатый кавалерийский и Шестой Мценский.

— Под чьей общей командой? Говорят, Киквидзе вел?

— Нет, товарищ Домнич сводным отрядом командовал».

Краткий и вроде бы малозначительный этот отрывок замечателен по своей исторической достоверности. По данным Архива Советской Армии, Третий Донской казачий полк (так он официально назывался, а «имени Стеньки Разина» — это, очевидно, бытовое наименование) входил в марте — мае 1919 года в состав 16-й стрелковой дивизии. В указанный период дивизия вела бои в районе станции Глубокая, то есть в сотне верст от района мятежа. Один из полков дивизии был направлен на его подавление. 5-й Заамурский кавалерийский полк (официальное наименование) входил в состав 36-й стрелковой дивизии и в полном составе участвовал в подавлении мятежа. О 6-м Мценском полку уже говорилось.

Далее отметим характерную деталь: среди частей Экспедиционных войск не было 12-го кавалерийского полка. Был 13-й кавполк, действовавший против повстанцев. Им-то и командовал упоминаемый пленным красноармейцем И. Н. Домнич. Очевидно, пленный

спутал или намеренно искажил факты — вспомним, что он не проявляет никакой охоты перейти к мятежникам, как предложил ему Григорий, хотя знает, конечно, какая участь его может ждать. Но спутал или искажил намеренно номер полка именно пленный хоперек, а не автор. Ибо несколько страниц спустя, в авторском изложении событий прямо говорится про 13-й кавалерийский полк, бойцы которого теснили мелеховских повстанцев.

Не случаен и вопрос Григория про Киквидзе. Третий полк входил в 16-ю дивизию, которой командовал знаменитый герой гражданской войны Василий Киквидзе. Григорий не мог о нем не слышать, так как эта дивизия покрыла себя славой под Царицыном в боях с белоказачьей Донской армией (в войсках которой довелось тогда же служить и герою «Тихого Дона»). Киквидзе был убит в бою 12 января 1919 года. Григорий, естественно, мог и не знать о гибели начдива; характерно также, что пленный хоперек не спешит ему об этом сообщить.

С началом Вешенского восстания Штокману, Котлярову и Кошевому удалось бежать из хутора Татарского и соединиться со своими. В Усть-Хоперской они влились в 1-й Московский полк. В главе подробно рассказывается, что полк состоял почти целиком из рабочих, сам политком — с завода Михельсона — безымянный молодой москвич, коммунист, токарь по металлу — образ необычайно выразительный, классический большевик эпохи гражданской войны. Имен здесь не названо, но реальная подоснова, как всегда, точна. По архивным данным, 1-я Московская рабочая дивизия (официальное наименование) в указанное время сражалась на рубеже Северского Донца в соседстве с уже упоминавшейся 15-й Инзенской дивизией. Есть точные данные, что 1-й Московский губернский полк (официальное наименование), по данным на 1 мая 1919 года, входил в состав эксвойск.

Среди красноармейских частей, брошенных в апреле против повстанцев, М. Шолохов назвал рязанские и тамбовские курсы, которые «дрались с беззаветным мужеством». Об этом в романе есть лишь упоминание, и только. Архивные материалы подтверждают: в середине апреля 1919 года на пополнение Экспедиционных

войск прибыли 1-е Тамбовские пехотные курсы и 30-е Рязанские пехотные курсы. Эти вот самые героические «красные курсанты» тогда только начинали свой путь на полях гражданской войны.

М. Шолохов упоминает, что в разгар Вешенского восстания мятежники выставили 25 тысяч конных и 10 тысяч пеших бойцов. Повторим, что в имеющейся исторической литературе обоснованных данных на этот счет не приводится. Однако в архивном фонде 9-й Красной Армии Южного фронта обнаружено донесение командарма от 14 апреля 1919 года (то есть именно в период наибольших успехов белоповстанцев); там указывается, что, по агентурным данным, мятежники «имеют вооруженных сил 30 000», преимущественно кавалерии.

Обстоятельства Вешенского восстания играют огромную роль в жизни героев романа. Трагический поворот совершается в гражданской судьбе Григория Мелехова. В личной тоже: он снова соединяется с Аксиньей; узнав об этом, чуть позже погибает Наталья. Убивают Ивана Алексеевича Котлярова и Штокмана. В кровавой братоубийственной войне сложили головы многие друзья Григория с родного хутора. Накал гражданской войны достигает, кажется, своего предела.

Вот почему события Вешенского восстания описаны М. Шолоховым столь обстоятельно и подробно: они занимают едва ли не четверть текста романа. Выше приведены примеры, подтверждающие высокую историческую достоверность этих описаний. Теперь следует отметить другое: в романе содержатся сведения, которые вообще вряд ли могли быть почерпнуты из какого-либо письменного источника. Диспозиции повстанческих частей в разный период борьбы, имена и звания их командиров, даты и подробности боев и многое, многое другое вряд ли могло быть отражено в документах: повстанцы, в подавляющем большинстве малограмотные крестьяне, расписывать диспозиции могли не очень-то (это, кстати, хорошо показано у М. Шолохова на примере переписки между Григорием Мелеховым и Кудиновым: в любой регулярной армии подобное пренебрежение к приказной форме просто немыслимо себе представить!).

Сам М. Шолохов вынужден был дать пояснения к этой части романа (при первой его публикации), говоря о скудности и неточности имеющихся материалов («Октябрь», 1932, № 7, с. 11). Писатель в свое время опросил многих свидетелей и участников гражданской войны на Дону, это известно. Но главное, думается, в другом: М. Шолохов сам был не только очевидцем описываемых событий (подобно Льву Толстому в «Хаджи-Мурате»), он был также — и это следует подчеркнуть особо — земляком своих героев; он жил их жизнью, он был плоть от их плоти и кость от их кости. Тысячеустая молва разворошенного революцией мира доносила до него такие «факты», такие «сведения», с которыми не могут соперничать все архивы и библиотеки мира. Так зафиксировал М. Шолохов в своем романе народный эпос великой революции.

Сказанное в полной мере относится к заключительной части романа, когда Григорий по зловещему капризу судьбы оказывается в банде Фомина. Сам Фомин Яков Ефимович — вполне реальное лицо, его жизненный путь, кратко изложенный в романе, вполне соответствует тому, что о нем стало известно из документов. В опубликованных исследованиях сведений о фоминской банде не имеется — в общем, не удивительно, ибо этот довольно заурядный случай политического бандитизма на исходе гражданской войны ничего особо примечательного не содержит. Однако в фонде Северо-Кавказского военного округа сохранилось достаточное число документов, которые дают возможность сделать некоторые фактические сопоставления с романом.

Как и везде, здесь все точно. Например, после разгрома фоминской банды весной 1921 года среди его приспешников возникла мысль соединиться с бандой Маслака, которая, по словам Капарина, «бродит где-то на юге области». Действительно, банда Маслака (Маслаков — бывший командир Первой Конной армии, поднявший мятеж против Советской власти в начале 1921 года) весной — летом действовала, судя по оперативным сводкам СКВО, в южных пределах Донской области. Точно указана и дата гибели Фомина (об этом на последних страницах романа рассказывает Григорию Чумаков): февраль 1922 года.

Неизвестно, работал ли М. Шолохов над этими или другими аналогичными архивными источниками, но здесь важно подчеркнуть другое. Принципиально то, что достоверность и детальность изображения жизни далеко выходит за рамки всех мыслимых писанных источников. Ибо главный источник «Тихого Дона» — народная память, многократно обостренная грозой эпохой.

Это находит своеобразное подтверждение в тех фактических сбивках, которые есть в романе (их несколько). Казак Чубатый рассказывает (идет осень 1914 года), что за захват австрийской батареи их благодарил сам начальник 11-й кавалерийской дивизии фон Дивид. В действительности же названной дивизией командовал в ту пору генерал-лейтенант де Витт. Естественно, что в устах не шибко грамотного рубаки сложная фамилия де Витт упростилась в «Дивид». Отсюда, то есть из народного предания, эта фамилия и попала в роман.

Или вот еще. Григорий Мелехов как-то вспоминает, как осенью 1915 года он воевал в Восточной Пруссии: «Под городом Столыпиним полк шел в наступление». Города с таким русским названием в Восточной Пруссии, разумеется, не существовало, но был город Сталупенен. Однако для простого казака трудно воспроизвести столь необычное звуко сочетание, вот почему оно превратилось в нечто более естественное и очень знакомое (убитый в 1911 году П. А. Столыпин оставил о себе своеобразную память в разговорной лексике: «столыпинский вагон», «столыпинский галстук», «столыпинская реформа» и т. п. — слова эти, кстати, надолго остались в языке).

Историческая достоверность характерна не только для описания реальных лиц и событий, о которых идет речь в романе. Судьба всех персонажей «Тихого Дона» необычайно точно и четко ориентирована во времени и пространстве.

Внимание ко внутренней хронологии вообще есть свойство высокой литературы. Вспомним знаменитое пушкинское примечание к «Евгению Онегину»: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю».

Как в романе Пушкина, так и в «Тихом Доне»

время, изображаемое писателем, тоже «расчислено по календарю». Однако этот внутренний календарь, как правило, скрыт в ткани произведения и его можно обнаружить лишь по отдельным «выходам на поверхность», как, скажем, определяют геологи конфигурацию подводных горных хребтов по островам.

В «Тихом Доне» есть как бы две хронологии: внешняя и внутренняя. Первая свойственна событиям, связанным с конкретной реальностью. Например: «11-я кавалерийская дивизия после занятия Лешлева с боем прошла через Станиславчик, Радзивиллов и Броды и 15 августа развернулась возле города Каменка — Струмилово». Или: «19 июля всех поразило правительственное сообщение о назначении Корнилова верховным главнокомандующим». Дату обязательно имеют и все документы (здесь имеются в виду не подлинные, а вымышленные автором): письмо Полковникова Пантелею Прокофьевичу, донесение Листницкого о Бунчуке, исполнительный лист Мохова о взыскании 100 рублей с Пантелея Прокофьевича и т. д.

Внутренняя хронология сложнее. Это народная хронология, которая измеряет время не отвлеченными категориями (век, декада и т. п.), а конкретными, ясными понятиями: зима, позапрошлая осень, понедельник, жатва, до войны — после войны и пр.

Главные герои М. Шолохова, естественно, вымышленные персонажи. Они живут именно по этой вот народной хронологии. «...Около Рождества предложил Штокман почитать», «сводить жениха с невестой порешили на первый спас», или совсем уж лаконично: «косить выехали в пятницу». Для народного восприятия времени (той эпохи) здесь не требовалось никаких пояснений; и в самом деле, донской крестьянин отлично знал, когда начинается косьба, уточнения насчет «пятницы» вполне тут довольно. В необходимых случаях сообщаются дополнительные подробности, но опять-таки не в рационально-календарном смысле: «В конце августа Митька Коршунов случайно встретился возле Дона с дочерью Сергея Платоновича Елизаветой». Тут все имеет значение: и что возле реки (предстоит рыбалка), и что случайно, ибо в дом Мохова Митьке путь заказан, и наконец, дата — жаркое лето и темные уже ночи.

Сравнительно редко внешняя и внутренняя хронология смыкается, но есть и такие случаи, смысл их требует, видимо, анализа: Пантелей Прокофьевич встречается в 1918 году раненого Григория: «Он выехал из дому по телеграмме Григория, к вечеру 28 января приехал в Миллерово». Или: «Шестнадцатого января вечером Бунчук и Анна приехали в Воронеж».

Как показал сплошной анализ текста, внутренняя хронология в романе М. Шолохова необычайно стройна — необычайно даже для классических произведений мировой литературы. Специальное исследование позволило установить некую общую временную сетку, которая покрывает всю ткань романа. По этим временным осям можно точно определить такие сюжетные детали, как год рождения Аксиньи, время призыва Григория на военную службу, дату смерти Пантелея Прокофьевича и т. д. Обо всех главных героях можно было бы написать безукоризненную по полноте «биографию».

Приведем лишь два примера хронологической достоверности в судьбе вымышленных персонажей «Тихого Дона». Возьмем главного героя и группу самых что ни на есть второстепенных.

В Новороссийске весной 1920 года Григорий Мелехов вступил в Красную Армию и был зачислен в 14-ю кавалерийскую дивизию знаменитой Первой Конной. Сначала он командовал эскадроном, потом стал помощником командира полка. «Пошли походным порядком под Киев», — рассказывал вернувшийся после ранения в Татарский Прохор Зыков. «Осенью» Григорий прислал родным письмо: «был ранен на врангелевском фронте», скоро демобилизуется. Потом он вспоминал, что ему довелось воевать в Крыму, то есть против Врангеля. Известно, что Первая Конная армия начала боевые действия на врангелевском фронте 28 октября 1920 года с каховского плацдарма. Следовательно, Григорий мог быть ранен только позже. Какое-то время он лечился (рана, видимо, была не тяжелая, ибо на его здоровье никак не отразилась). Приехал он в Миллерово «поздней осенью», а когда ночью подходил к Татарскому, упал первый снег. Это было, следовательно, в последних числах ноября — начале декабря 1920 года...

Сотник Евгений Листницкий знакомится с офице-

рами полка, куда он только что прибыл из гвардии — идет август 1914 года. Его сослуживцы: подъяесаул Калмыков, хорунжий Чубов, вольноопределяющийся Бунчук.

Проходит более двух лет войны. В октябре 1916 года в землянке на позициях в Белоруссии происходит резкое столкновение на политической почве между есаулом Листницким и хорунжим Бунчуком. При этом присутствуют офицеры: есаул Калмыков и сотник Чубов. Итак, за прошедшее время все офицеры получили повышение в чине — это зафиксировано вроде бы мимоходом, автор никоим образом не старается обратить на то внимание читателя, но бытовая закономерность отмечена очень четко. И еще: все стали лишь на один чин выше, а Листницкий на два — из сотника он превратился в есаула (то есть, по-современному, из старшего лейтенанта в майора). Так незаметно дается дополнительный штрих к характеристике очень важного в романе героя.

Роман М. Шолохова «Тихий Дон» — уникальное явление в искусстве нашего века. Чем более будем мы изучать и разгадывать бесконечно глубокий смысл его, тем лучше поймем судьбу русского народа «в его минуты роковые».

Основное содержание настоящего сборника опубликовано в следующих статьях (в хронологическом порядке): «Жизнь замечательных людей» («Звезда», 1968, № 3), «Матрос Железняков» («Наш современник», 1969, № 9), «На чужбине» («Молодая гвардия», 1970, № 3), «Можно было предотвратить...» («Молодая гвардия», 1970, № 7), «О жанре исторической биографии» («Вопросы литературы», 1971, № 2), «Граница на замке» («Молодая гвардия», 1971, № 5), «Ясный идеал» («Молодая гвардия», 1971, № 12), «Кто с мечом к нам придет...» («Молодая гвардия», 1972, № 6), «Создать теорию жанра» («Вопросы литературы», 1973, № 10), «Духовная зрелость поколений» («Детская литература», 1973, № 11), «Сердце Родины» («Молодая гвардия», 1974, № 5), «Москва строилась не сразу» («Москва», 1974, № 7), «Ураганы революции» («Советский воин», 1974, № 10), «Далеко от Москвы» («Молодая гвардия», 1974, № 8), «Страницы истории» («Наш современник», 1974, № 11), «История — память народа» («Москва», 1975, № 1), «Тихий Дон: литература и история» («Москва», 1975, № 5), «Наш Кремль» («В мире книг», 1975, № 6), «Война после Победы» («Молодая гвардия», 1975, № 11), «Книги о замечательных людях» («Библиотекарь», 1976, № 2).

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 3

ПОДВИГ НАРОДА

Сердце Родины	8
Сила и верность	23
Кто с мечом к нам придет...	35
Граница на замке	62
Духовная зрелость поколений	83
Ураганы революции	97

ПОУЧИТЕЛЬНОСТЬ ПРИМЕРА

Документ — биография — образ	108
Москва строилась не сразу	142
Не сберечь пыль Москвы на шляпе...	155

УРОКИ МАСТЕРОВ

Ясный идеал	166
История — это память народа	175
Историческая реальность романа М. Шолохова «Тихий Дон»	183

Сергей Николаевич Семанов

СЕРДЦЕ РОДИНЫ

Заведующая редакцией *Л. Сурова*

Редактор *В. Кочетков*

Художник *Н. Пашуро*

Художественный редактор *Н. Игнатьев*

Технический редактор *М. Шлык*

Корректор *Т. Семочкина*

Л118960. Сдано в набор 13/VIII 1976 г. Подписано к печати 23/XII 1976 г.
Бумага № 3. Формат 84 × 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,19.
Тираж 35 000. Цена 42 коп. Зак. 1004.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Московский рабочий», Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

42 коп.